

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

3

Выпуск (909)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2026

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

3
Issue (909)

The year of foundation – 1940

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 3 (909)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Редакционная коллегия

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логина Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Мальгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Белорусский государственный университет иностранных языков (Минск)
Ченки Алан Джозеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3 (909)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

Editorial Board

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alieva	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil.), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Belarusian State University of Foreign Languages (Minsk)
Senki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

Языкознание

Психолингвистика

- Психолингвистические аспекты исследования лексической и грамматической семантики в сопоставительном аспекте: способы анализа экспериментальных данных
Бутакова Л. О. 9
- Влияние пропаганды на аксиологические представления китайцев: становление ценности 和谐 (*гармония*)
Дубкова О. В. 21
- Ассоциативный метод исследования значения слова и моделирование внутренней формы языка
Пищальникова В. А. 31
- Концепт «безопасность» в ментальном лексиконе
Степыкин Н. И. 41

Дискурсивные практики в различных лингвокультурных и социальных контекстах

- Прагматическое сопоставление реплик адресанта в русском и китайском речевых актах приглашения
Ван Мэн, Лю Лифэнь 49
- Социокогнитивная теория И. Кечкеша и межкультурная лингвопрагматика
Германова Н. Н. 58
- Прагматические стратегии адаптации научного знания в лонгриде
Киосе М. И., Ибрагимов А. 67

Теоретические аспекты описания языка

- Антиномии обыденного метаязыка
Бредихин С. Н., Кравченко М. А. 76
- Слово – морфема – конструкт:
дискуссия о статусе сокращенного компонента аббревиатуры
Емельянова К. Ю., Теркулов В. И. 86

Языки в современном мире

Источник неологизации в корейском языке: от сино-корейской лексики к англицизмам
Мозоль Т. С., Ирисханова О. К. 93

Языки официальных и неофициальных сфер общения в современной Республике Беларусь
(на материале полевого социолингвистического исследования)
Мустафина Л. Р. 101

Язык и культура

Отражение концептов немецкой лингвокультуры в песнях кабаре 1920-х годов
Бирр-Цуркан Л. Ф. 110

Прецедентные библейские фразеологизмы как фреймы в английской и русской лингвокультурах
Горячева М. В. 120

Литературоведение

Симметрия как гармонизирующий принцип построения поэтических текстов
(на примере стихотворного произведения Н. С. Гумилева «Много в жизни моей я трудов испытал»)
Кияшко В. А., Фанян Н. Ю. 128

Стремление, разрушение, возрождение – самоспасение Мидзогути в романе «Золотой храм»
Сун Шэннань, Лю Цзинцзюань 136

Культурология

Религиозная метафора как средство выражения культурного кода в условиях информационной войны
(на примере телеграм-каналов патриотического сегмента)
Клинцова М. Н. 144

Русское церковное искусство как объект исследования в отечественном гуманитарном знании
в XIX – начале XX веков
Нимчук В. В. 151

Linguistics

Psycholinguistics

Psycholinguistic Aspects of the Study of Lexical and Grammatical Semantics
in a Comparative Perspective: Methods for Analyzing Experimental Data

Larisa O. Butakova 9

The Influence of Propaganda on the Axiological Ideas of the Chinese:
the Formation of Value of 和谐 (*Harmony*)

Olga V. Dubkova 21

Associative Method of Studying the Meaning of a Word and Modeling the Internal Form of a Language

Vera A. Pishchalnikova 31

The Concept of “Security” in the Mental Lexicon

Nikolay I. Stepykin 41

Discursive Practices in Different Linguacultural and Social Contexts

Pragmatic Comparison of Speaker’s Utterances in Russian and Chinese Invitation Speech Acts

Wang Meng, Liu Lifan 49

Socio-cognitive Theory by I. Kecskes and Intercultural Pragmatics

Natalia N. Guermanova 58

Pragmatic Strategies in Academic Knowledge Adaptation in Longreads

Maria I. Kiose, Akhmed Ibragimov 67

Theoretical Aspects of Language

The Antinomies of Everyday Metalanguage

Sergey N. Bredikhin, Mikhail A. Kravchenko 76

Morpheme – Word – Construct: Discussion on the Status
of the Abbreviated Component of Compound Word

Ksenia Yu. Yemelyanova, Vyacheslav I. Terkulov 86

Languages in Modern World

The Evolution of Neologisms in the Korean Language: From Sino-Korean Vocabulary to Anglicisms

Tatiana S. Mozol, Olga K. Iriskhanova 93

The Language of Formal and Informal Communication in the Modern-day Republic of Belarus (based on a sociolinguistic survey) Liubov R. Mustafina	101
---	-----

Language and Culture

Representation of Concepts of German Linguoculture in Cabaret Songs of the 1920s Lilia F. Birr-Tsurkan	110
Precedent Biblical Phraseological Units as Frames in English and Russian Linguocultures Maria V. Goryacheva	120

Literary Studies

Symmetry as a Harmonizing Principle of the Construction of Poetic Texts (based on the example of N. S. Gumilev's poem "I have experienced a lot of tough work in my life") Veronika A. Kiyashko, Nelly Yu. Fanyan	128
Anticipation, Destruction, Rebirth – Mizoguchi's Self-salvation in "Kinkakuji" Sun Shengnan, Liu Jingjuan	136

Culturology

Religious Metaphor as a Means of Expressing the Cultural Code in the Context of Information Warfare (using the example of Telegram-channels of the patriotic segment) Mariya N. Klintsova	144
Russian Church Art as an Object of Research in Russian Humanities of the 19 th – early 20 th centuries Vitalii V. Nimchuk	151

Психолингвистика

Научная статья
УДК 81'23

Психолингвистические аспекты исследования лексической и грамматической семантики в сопоставительном аспекте: способы анализа экспериментальных данных

Л. О. Бутакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, larisabut@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление особенности лексической и грамматической семантики слов, употребляемых в речевой практике носителей языка, принадлежащих к различным возрастным группам (школьники, студенты, пожилые люди). Предложена методика анализа результатов свободного ассоциативного эксперимента стимула «народ»: 1. Выявление степени стандартности / изменчивости ассоциативных полей с помощью установления совпадающих реакций. 2. Качественно-количественная оценка ассоциатов и установления когнитивных слоев на основе операции предикции в рамках отношений «стимул → реакция». 3. Оценка грамматических связей реакции со стимулом в каждом ассоциативном поле, установление линии тренда внутри одной возрастной группы, стабильности / изменчивости в разных возрастных группах.

Ключевые слова: психолингвистические модели лексической и грамматической семантики, ассоциативный эксперимент, моноязыковое сопоставительное исследование, трендовое описание, ментальный лексикон

Для цитирования: Бутакова Л. О. Психолингвистические аспекты исследования лексической и грамматической семантики в сопоставительном аспекте: способы анализа экспериментальных данных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 9–20.

Original article

Psycholinguistic Aspects of the Study of Lexical and Grammatical Semantics in a Comparative Perspective: Methods for Analyzing Experimental Data

Larisa O. Butakova

Omsk Dostoevsky State University, Omsk, Russia, larisabut@rambler.ru

Abstract. The aim of this article is to examine the lexical and grammatical semantics of words as a common property of native Russian speakers from different age groups (schoolchildren, students, and the elderly) in a comparative synchronic and diachronic manner. A method for analyzing the results of a free association experiment using the “people” stimulus is proposed: 1. Identifying the degree of standardization / variability of associative fields by establishing matching responses. 2. Qualitative and quantitative assessment of associates and establishment of cognitive layers based on the predication operation within the “stimulus → response” relationship. 3. Evaluation of the grammatical connections

between the response and the stimulus in each associative field, establishing a trend line within one age group, and stability / variability across different age groups.

Keywords: psycholinguistic models of lexical and grammatical semantics, associative experiment, monolingual comparative study, trend description, mental lexicon

For citation: Butakova, L. O. (2026). Psycholinguistic aspects of the study of lexical and grammatical semantics in a comparative perspective: methods of analyzing experimental data. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(909), 9–20. (In Russ.)

Введение

Исследование семантических и грамматических связей слова в ментальном лексиконе носителей языка составляет одну из центральных проблем психологии и психолингвистики. Психолингвисты изучают грамматические, коммуникативные, когнитивные, ассоциативные механизмы речи, их внимание направлено преимущественно на возрастной аспект механизмов речи [Гагарина, 2009], языковое сознание школьников [Гольдин, 2007, Сдобнова, 2015; Бутакова, 2018], онтогенез речи [Fitzpatrick, 2024], на креативный компонент детской речи [Гридина, 2016], на формирование детьми ассоциативных матриц окружающей среды как основы для развития словарного запаса [Knabe, 2023].

Методология психолингвистических исследований ориентирована на конструирование «психолингвистического значения» [Стернин, 2020; Рудакова, 2023], на моделирование ассоциативной грамматики русского языка, на описание ассоциативных связей слов разных частей речи [Караулов, 2010; Шапошникова, 2022; Бутакова, 2024], на построение концепции слова как достояния индивида, в том числе путем эксперимента [Залевская, 2011], на установление речевого действия [Пищальникова, 2021], на анализ результатов ассоциативного эксперимента [Пищальникова, 2019; Пищальникова, 2022]. Характер ассоциирования людей пожилого возраста с помощью ряда психолингвистических процедур был выявлен в работе Бутаковой, написанной в соавторстве [Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах, 2020]. Методика многоэтапного моделирования ядра языкового сознания подростка была разработана Е. Н. Гуц [Гуц, 2005]. Трендовый вариант описания субъективной семантики оценочной лексики предложен в работе Бутаковой и Гуц, написанной в соавторстве [Бутакова, 2025].

В методологическом отношении актуальным средством выявления семантики и грамматики слова как достояния индивида любого возраста остается психолингвистический эксперимент. Наиболее распространенным его типом является ассоциативный

свободный эксперимент (САЭ), продуктивный для диагностики всего того, о чем говорилось выше. Обработка результатов может быть разнонаправленной и многоступенчатой в зависимости от предмета исследования (см. [Залевская, 2011; Пищальникова, 2019]). Учитывая накопленный в российской психолингвистике опыт проведения свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) и способов анализа его результатов, можно говорить о нескольких моделях описания семантических и грамматических связей определенного стимула с реакциями (в данной статье таким стимулом выступает существительное «народ») в ментальном лексиконе носителей русского языка в режиме монологического сопоставительного исследования.

В зависимости от принадлежности респондентов к различным возрастным группам прогнозировались изменения семантического состава и грамматических связей слов.

Актуальность исследования определяется его принадлежностью к психолингвистическому направлению интерпретации значения как субъективной величины, опорой на экспериментальный подход к моделированию значения, применением к полученному материалу способов многоступенчатого анализа. Он дает возможность построить лингвистические модели, выявляющие разные уровни связей одного слова в ментальном лексиконе носителя языка. Новизна предлагаемого исследования обусловлена применением модели кросс-сопоставительного монологического синхронно-диахронического описания ассоциативного поля (АП) социально значимого стимула «народ». Этот стимул способствует выявлению трендовых тенденций в поколенческих группах, анализ результатов коррелирует с вводимым в научный оборот материалом, полученным автором в ходе свободного ассоциативного эксперимента в 2025 году с участием респондентов – пожилых людей (количество участников 120, получено 2760 реакций на 23 стимула). Форма предъявления анкет – письменная, давалась традиционная инструкция.

Задачи исследования – выявить особенности лексической и грамматической семантики

существительного «народ» в языковом сознании носителей русского языка разного возраста – школьников, студентов, пожилых людей; выявить стабильные и изменчивые участки ассоциативной семантики и грамматики; установить пересекаемость ассоциативных полей в сознании представителей одной возрастной группы и разных возрастных групп.

Материал исследования составили результаты свободного ассоциативного эксперимента, содержащиеся в Российском ассоциативном словаре (РАС), Русской региональной ассоциативной базе данных (2008–2020, СИБАС), «Ассоциативном словаре подростка»¹, «Ассоциативном словаре подростка 2»² и базе региональных экспериментов с людьми пожилого возраста (от 60 до 85 лет) 2025 года.

Методика исследования: трехэтапный кросс-сопоставительный анализ состава ассоциативных полей (АП), который включал следующие процедуры:

1. Выявление степени стандартности / изменчивости ассоциативных полей с помощью установления совпадающих реакций, суммы меньших значений относительных частот всех пар совпадающих реакций, степени близости одноименных полей.
2. Качественно-количественная оценка всех полученных ассоциатов каждого ассоциативного поля с помощью установления когнитивных слоев на основе операции предиктирования в рамках отношений «стимул → реакция» (см.: [Курганова, 2019]).
3. Оценка семантических и грамматических связей реакций со стимулом в каждом АП, выявление уровня грамматикализации отношений «стимул → реакция», установление линии тренда внутри одной возрастной группы и стабильности / изменчивости в разных возрастных группах в сопоставлении.

Обсуждение результатов

Кросс-сопоставление полученных АП одного стимула продуктивно в следующих направлениях.

¹Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск: Вариант-Сибирь, 2004.

²Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка 2. URL: <https://disk.yandex.ru/i/skbKBRzGbCHXtg> (дата обращения: 01.08.2024).

Эффективно для сопоставительного моноязыкового экспериментального исследования выявление стандартности (стабильности) и динамики (изменчивости) вербальных ассоциативных связей стимула – реакции у представителей разных возрастных групп. Была применена методика, разработанная А. А. Григорьевым и М. С. Кленской [Григорьев, 2000]. На первом этапе определялись одинаковые реакции, частотные, малочастотные и единичные. Далее для установления степени совпадения состава реакций сравниваемых полей высчитывались относительные частоты реакций, для каждой пары ассоциатов определялось меньшее значение. Искомый показатель степени близости исследуемых полей (W) равен сумме меньших значений относительных частот всех пар одинаковых реакций, он принимает значение от 0 до 1. В. Е. Гольдин применил данный вариант методики для оценки степени стандартности ассоциативных полей, смоделированных на материале «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области»³, сделал вывод о возможной точке отсчета ($W = 0,5$) «в аналогичных исследованиях на другом материале» [Гольдин, 2020, с. 25].

С помощью указанных процедур были получены значимые показатели пересекаемости состава полей одного стимула в поколенческих группах. Данные показатели свидетельствуют о различной степени стабильности состава полей. Ближе всего к пороговому значению ($W = 0,5$) оказались составы АП стимула «народ», полученные в экспериментах 1990-х и 2020-х годов с участием студентов, что свидетельствует о значительном совпадении способов реагирования на стимул у разных поколений данной возрастной группы, т. е. у носителей языка одного возраста в 1990-х годах и 2020-х годах, как и о количестве совпадающих реакций (см. табл. 1, 3). Меньший объем совпадающих реакций обнаружился при сопоставлении состава АП пожилых людей и студентов, показатель степени близости АП школьников совпадает с ранее упомянутым показателем, но число повторяющихся

³ Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области: база данных на платформе MS Office Access. Версия 1.05.00 / сост. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартыанов / Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1998–2008.

Таблица 1

Показатель пересекаемости ассоциативных полей

Школьники САЗ 2002–2022	РАС 1990 СИБАС 2008–2020 студенты	ПЛ 2025 СИБАС студенты
$W = 0,29$; 18 реакций	$W = 0,47$; 24 реакции	$W = 0,29$; 12 реакций

реакций у данной категории респондентов выше (см. табл. 1).

Совпадающих реакций на стимул «народ» у школьников 18, среди них явно преобладают существительные (15), наречие 1, прилагательное 1, местоимение 1. Среди существительных 8 высоко частотны, при этом реакция *люди* в 2002 году составляла 36,8 % от общего состава, а в 2022 – 12,6 % (понижение в 2,9 р.), реакция *толпа* стала менее частотной в 2,7 раз (от 24,4 % к 8,8 %), оценочная реакция *стадо* повысила свою актуальность в 7,3 раза (от 0,6 % к 4,4 %), реакция *общество* стала более частотной в 3,8 раз, реакция *страна* – в 4,6 раз, реакция *власть* – в 13 раз, реакция

сила – в 15 раз. Подобные показатели говорят о формирующейся тенденции смысловой области «ресурсной социализации», связанной со стимулом у данной категории респондентов, причем реакции *власть* и *сила* из разряда единичных перешли в разряд частотных¹ (см. табл. 2).

Области пересечения реакций в АП анализируемого стимула у респондентов – студентов представлены теми же частотными стимулами, что и у других категорий респондентов (*люди, толпа, стадо, русский*). При этом довольно высокий показатель

¹ Соотношение реакций высчитывалось в процентном измерении, чтобы преодолеть количественную разницу объема полей, особенно актуальную для соотнесения данных РАС и СИБАС.

Таблица 2

Совпадающие реакции АП стимула народ респонденты – школьники

Ассоциации	Школьники САЭ 2002		Школьники САЭ 2022		Относительная частота употребления (в %)
	Количество общих реакций	Процентное соотношение	Количество общих реакций	Процентное соотношение	
Люди	184	36,8	63	12,6	12,6
Толпа	122	24,4	44	8,8	8,8
Стадо	3	0,6	22	4,4	0,6
Общество	5	1	19	3,8	1
Страна	3	0,8	14	1	0,8
Русский	5	1	11	2,2	1
Нация	2	0,4	9	1,8	0,4
Много	2	0,4	10	2	0,4
Базар	3	0,8	17	3,4	0,8
Бедный	2	0,4	3	0,8	0,4
Власть	1	0,2	13	2,6	0,2
Мы	3	0,8	2	0,4	0,4
Население	3	0,8	3	0,8	0,8
Россия	1	0,2	6	1,2	0,2
Сила	1	0,2	15	3	0,2
Шум	1	0,2	4	0,8	0,2
Человечество	1	0,2	1	0,2	0,2
Свобода	1	0,2	1	0,2	0,2
W	18		18		29,20 % = 0,29

Совпадающие реакции АП стимула народ респонденты – студенты

Ассоциации	РАС 1990		СИБАС 2008–2020		Относительная частота употребления (в %)
	Количество общих реакций	Процентное соотношение	Количество общих реакций	Процентное соотношение	
Люди	1	0,9	66	13,4	0,9
Толпа	16	24,4	50	10	10
Русский	5	0,6	21	19,2	0,6
Стадо	2	1	14	2,8	1
Великий	4	3,6	3	0,6	0,6
Быдло	2	1,8	2	0,4	0,4
Глупый	3	2,8	1	0,2	0,2
Родной	1	0,9	3	0,6	0,6
Бунт	1	0,9	2	0,4	0,4
Много	1	0,9	8	1,6	0,9
Мой	1	0,9	1	0,2	0,2
Мудрый	1	0,9	1	0,2	0,2
Наш	1	0,9	3	0,6	0,6
Свой	1	0,9	1	0,2	0,25
Человек	1	0,9	1	0,2	0,2
Мир	1	0,9	3	0,6	0,6
Выборы	1	0,9	1	0,2	0,2
Воля	1	0,9	1	0,2	0,2
Безмолвствует	6	5,5	1	0,2	0,2
Победитель	1	0,9	3	0,6	0,6
Страны	2	1,8	2	0,4	0,4
Гордый	1	0,9	2	0,4	0,4
Веселый	1	0,9	2	0,4	0,4
Тупой	1	0,9	1	0,2	0,2
W	24				46,8 = 0,47

близости обеспечивается большим количеством совпадающих реакций (см. табл. 3). В данной группе наречие 1, прилагательных 8, местоимений 3, глагол 1, существительных 11 (5 частотны).

Картина изменений частотных лексем в АП следующая: реакция *люди* стала в 14,9 раз более частотной, реакция *русский* – в 32 раза, реакция

стадо – в 2,8 раз, реакция *много* – в 1,7 раз. Понижили свою актуальность реакции *толпа* – в 0,4 раза, *великий* – в 6 раз. На фоне стабильности состава реакций у поколений студентов 90-х годов XX века и 20-х годов XXI века, включая частеречное распределение, отчетливо ощутима тенденция изменения значимости для респондентов отдельных лексем.

С результатами, полученными в САЭ с участием пожилых людей, наиболее сопоставимы результаты, содержащиеся в СИБАС, поэтому определение показателя близости производилось на основе сопоставления именно этих АП стимула «народ» (см. табл. 4).

Из 12 совпадающих лексем прилагательных 1, местоимений 1, глагол 1, существительных 9 (5 частотны). Указанные частотные реакции в анкетах пожилых людей встречаются чаще, чем в анкетах студентов: *люди* – в 1,4 раза, *толпа* – в 1,6 раз, *сила* – в 10,5 раз, *единство* – в 52 раза, *быдло* – в 8,2 раза. Реакция *единство* многократно выше по частотности у пожилых людей, нежели у студентов, что указывает на актуальность указанного смысла для поколения, формировавшегося в СССР. Для всех

категорий респондентов значимо соотношение стимула с четырьмя реакциями: *толпа*, *люди*, *Россия*, *сила*. Первые две реакции имеют самый высокий показатель частотности, что указывает на стабильность их соотношений со стимулом, отсутствие зависимости от параметров «возраст», «поколение».

Оценка состава АП по качественно-количественному критерию как показатель динамики перестройки стереотипных и индивидуальных соотношений стимула с реакциями выявила следующее.

В аспекте выстраивания линии тренда очевидна перестройка отношений высокочастотных (ядро), менее частотных (околоядерная часть) и единичных (периферия) реакций у респондентов школьного и студенческого возраста (см. табл. 5).

Таблица 4

Совпадающие реакции АП стимула народ респонденты – пожилые люди и студенты

Ассоциации	САЭ 2025 пожилые люди		СИБАС студенты 2008–2020		Относительная частота употребления (в %)
	Количество общих реакций	Процентное соотношение	Количество общих реакций	Процентное соотношение	
Люди	22	18,3	66	13,4	13,4
Толпа	19	15,8	50	10	10
Сила	15	12,5	6	1,19	1,19
Единство	12	10	1	0,19	0,19
Быдло	4	3,3	2	0,4	0,4
Наш	7	5,8	3	0,6	0,6
Общность	7	5,8	1	0,19	0,19
Добрый	6	5	3	0,6	0,6
России	8	6,6	5	0,99	0,99
Масса	5	4,2	5	0,99	0,99
Безмолвствует	2	1,6	1	0,2	0,2
Этнос	1	0,83	1	0,2	0,2
W	12		12		28,95 = 0,29

Таблица 5

Структура АП «народ» в сопоставлении

АП стимула «народ»	САЭ 2002 школьники	САЭ 2022 школьники	САЭ 1990 студенты	САЭ 2008–2020 студенты	САЭ 2025 ПЛ
Ядро	сл. 13 р. 384 76,8 %	Сл. 38, р. 335 67%	Сл. 6, р. 39, 35,8 %	Сл. 32 р. 298 59,3 %	Сл. 11 р. 108 90 %
Околояд.	Сл. 11, р. 22, 4,4 %	Сл. 17, р. 34, 6,8 %	Сл. 9, р. 18, 16,5 %	Сл. 19 р. 38 7,6 %	Сл. 2 р. 4 3,3 %
Перифер.	сл. 55 11 %	Сл. 131 26,2 %	Сл. 52 47,75 %	Сл. 166 33 %	Сл.
Всего	500	500	109	502	120
Отказы	48 р., 9,6 %	–	–	6 р., 1,1 %	–

В группе школьников перечень высокочастотных реакций увеличился при уменьшении частотности отдельных лексем. Соотношение слов и числа реакций свидетельствует об этом: 13 слов, которые давали 384 реакции в 2002 году, изменилось до 38 слов и 335 реакций в 2022 году (общее число участников САЭ было одинаковым). Пропорционально этому увеличилось количество слов и реакций окооядерной части и периферии (см. табл. 5). Подобные «перемещения» свидетельствуют о постепенной трансформации стереотипных смысловых областей стимула в ментальном лексиконе школьников разных поколений в сторону меньшей актуальности стереотипной части ассоциатов. У студентов обнаружилась противоположная тенденция: значительно возросло число слов и высокочастотных реакций ядра (в 1,6 раз), окооядерная и периферийная части уменьшились. У пожилых респондентов высокочастотные реакции составили 90 %, подтверждая возрастные особенности ментального лексикона: снижение разнообразия реакций, рост стереотипизации реагирования.

Качественные изменения состава реакций определялись с помощью их классификации в каждой части поля на основе операции предсказания, связывающего отношения «стимул → реакция». У респондентов-школьников эти отношения отражают тенденцию значительного преобладания области идентифицирующих реакций в ядре АП 2002 года и уменьшения актуальности такого оперирования в АП 2022 в 2,2 раза. Зато наблюдается рост таких отношений на периферии в 1,7 раз, в окооядерной части – в 1,25 раз. Это означает, что сами отношения идентифицирующего типа не перестали быть актуальными, но уменьшилась область их стереотипной части (одинаковых реакций) на фоне увеличения их разнообразия (и постепенного формирования новой устойчивой зоны за счет появления реакций *нация* (9); *крестьяне* (5); *племя* (4); *род* (4); *человек* (3); *население* (3). Перестройка периферии (единичных реакций) состоит в росте актуальности всех когнитивных зон и появлении образного реагирования. Общая картина когнитивного состава отражена в таблице 6.

Таблица 6

Когнитивный состав АП стимула «народ» в сопоставлении (в %)

Когнитивные слои АП стимула «народ»				
САЭ 2002	САЭ 2022	САЭ 1990 РАС	САЭ 2008-2020 СИБАС	САЭ 2025 ПЛ
Идентификация				
73,6	38	32	39,9	41,6
Признак				
4,2	13,8	13,8	24	16,5
Место				
6,2	11,2	5	12	6,6
Состояние				
1,6	8,8	0,9	4,6	–
Оценка				
2,8	6,4	5,5	5,7	4,9
Количество				
1,2	4	1	3,1	6,7
Действия				
0,8	3,8	4,6	4,8	6,2
Объекты				
1,4	12	3,7	8,6	26,2
Образ				
–	1,6	7,3	0,8	–
Отказы				
9,6			1,1	

Среди частотных реакций изменения состоят в появлении областей количества, действий (*бунтует* (4), объектов (*сила* (15); *власть* (13); *демократия* (4); *государство* (3) и др. Объектные реакции показывают отражение в ментальном лексиконе школьников изменений в обществе. Увеличение области состояния в данной части АП в 9 раз происходит за счет актуализации смыслов единства (*единство* (8); *един* (3); *сплоченность* (3), *дружба* (3) всего 17 р. = 3,4 %), протеста (*революция* (6); *протест* (3); *бунт* (3) всего 12 р. = 2,4 %), праздника (*праздник* (3); *шум* (4) всего 7 р. = 1,4 %). В околоядерной части у школьников появились реакции, связанные с семантикой объекта, деятельности, состояния. Увеличилась, как и в ядерной части, признаковая область. Такое симметричное расширение когнитивного состава ядра и околоядерной части указывает на формирование связей стимула именно в этом направлении. Интересно изменение признаковой смысловой области. В ядре изменения охватывают увеличение «русскости» в 2,2 раза (от 5 р в 2002 г. к 11 р. в 2022 г.), на периферии – «русскости» и «советскости» (*русских*; *советский*). Во всех частях АП появились признаки личностных (*злой* (6); *глупый* (4); *тупой* (2); *лицемерный* и др. (отриц. 14 р.); *честный* (3); *смелый* (2); *сильный* и др. (полож. 9 р.) (всего 23 р. = 4,6 %), социальных (*бедный* (5); *свой* (2); *родной*; *преданный*; *ведомый*; *дружный*; *единный*; *сплоченный*; *бунтующий* и др. всего 24 р. = 4,8 %), оценочных (*хороший* (2) и др. всего 4 р. = 0,8 %) качеств. Признаки, связанные с ментальными и социальными характеристиками стимула, присутствуют в зонах частотных и единичных реакций. Среди последних наблюдается их большее разнообразие, что также проявляет линию тренда субъективной семантики стимула.

В АП студентов наблюдается изменения разных когнитивных зон во всех частях, особенно – ядерной (высокочастотных реакций) и периферийной (единичных реакций). Количество реакций идентифицирующего типа в ядре АП возросло в 2,3 раза за счет высокой частотности типичных реакций *толпа* (66); *люди* (50) (всего 121 р. = 24,1 %) и за счет появления социально значимых – *общество* (14); *население* (7); *граждане* (3); *племя* (3); *раса* (3) (всего 30 р. = 6 %); оценочных – *стадо* (14); *сила* (6); *масса* (5) (всего 25 р. = 5 %) наименований. В околоядерной и периферийной частях зафиксировано незначительное уменьшение актуальности подобного типа оперирования стимулом. В ядре и на периферии заметен рост признаковых реакций (среди частотных реакций этот рост составил 3,9 раз, на периферии – 2 раза). Подобные изменения свидетельствуют о перестройке устойчивых областей субъективной семантики стимула. Признаковая

зона расширилась за счет появления реакций, связанных с самоидентификацией, *русские* (4); *российский* (3); *наш* (3); *родной* (3) на фоне стабильной актуальности признака *русский* (21) (всего 34 р. = 6,7 %), реакций, передающих смыслы сплочения и оценки, *единый* (7); *дружный* (5); *великий* (3) и др. (всего 21 р. = 4,1 %). В околоядерной части признаки последнего типа так же актуальны (ср.: *веселый* (2); *гордый* (2); *наглый* (2); *свободный* (2); *сильный* (2) и др. всего 14 р. = 2,8 %). Среди единичных признаковых реакций зафиксировано разнообразие смысловых областей, указывающих на направления развития семантики: актуализация смыслов активности (*активный*; *бурный*; *бунтующий*; *враждующий* и др.), когнитивных, психических, эмотивных проявлений (*безграмотный*; *бестолковый*; *варварский*; *верный*; *глупый*; *дикий*; *дурной*; *злой*; *мудрый*; *слепой*; *счастливый*; *эгоистичный* и др.), социальной значимости (*демократический*; *без будущего*; *нищий*; *обманут*; *сплоченный*; *умирающий*; *управляемый*; *свой*; *чужой*; *мой* и др.), территориальной и государственной отнесенности (*Африки*; *Кавказа*; *деревни*; *рашки*; *Российской Федерации*; *Севера*; *Сенегала*; *Омска*; *Осетии* и др.). Наделение стимула контрастными признаками было отмечено среди единичных реакций в 1990-х годах (ср. в РАС: *беден*; *дурной*; *тупой*, *загнанный*; *злой*; *веселый*; *угнетенный*; *лихой*; *многострадальный*; *могучий*; *мудрый*; *непобедимый*; *трудолюбивый* и др.), но не были зафиксированы реакции, передающие смысл активности. В остальных смысловых областях реакции не отличались разнообразием, особенно в области территориальной и государственной отнесенности.

В 20-е годы XXI века актуальными (во всех частях АП) стали реакции с семантикой места, оценки, состояния, количества, объектов (см. табл. 6). В особой степени показательно развитие смысловой области пространственного типа. Подобные реакции были единичны у респондентов 90-х годов XX века (ср. РАС: *вокруг*; *выборы*; *город*; *мир*). В 20-е годы XXI века студенты, в первую очередь, соотносят стимул «народ» с местами, обозначенными существительными, – *базар*; *выборы*; *гуляние*; *гулянье*; *деревня*; *селение*; *село*; *троллейбус*; *улица*; *хоровод*; *митинг*, *собрание* и др.; реже – выраженными наречиями *везде*; *вокруг*; *рядом* и др.

Характер реагирования респондентов пожилого возраста отличается высоким уровнем стереотипности. Об этом свидетельствует состав реакций, а также способ оперирования со стимулом (см. табл. 6). Три разновидности реакций преобладают в ядре АП: идентифицирующего, объектного и признакового типа. Первую группу образовали три реакции – *люди* (22 р. = 18,3 %), *толпа* (19 р. = 15,8 %), *общность* (7 р. = 5,8 %). Объектная

группа представлена двумя реакциями: *сила* (15 р. = 12,5 %); *единство* (12 р. = 10 %). В околядерной и периферийной частях поля отсутствуют реакции с семантикой идентификации, места, состояния, оценки, количества, образа.

Оценка грамматических связей реакции со стимулом в каждом АП, установление уровня грамматикализации отношений «стимул → реакция» как в аспекте прочерчивания линии тренда внутри одной возрастной группы, так и областей стабильности / изменчивости в разных возрастных группах показали следующее. Частеречная принадлежность стимула и его семантики обусловили наличие грамматикализованных реакций (связанных со стимулом выраженными грамматическими отношениями) нескольких типов: прилагательное, находящееся в сочинительной связи со стимулом; глагол, образующий со стимулом предикативное сочетание; существительное с предлогом, связанное со стимулом отношениями подчинения (см. табл. 7).

Сопоставление всех анализируемых результатов показывает, что грамматикализованные реакции составляют определенный процент от общего числа. Означенные показатели соответствуют картине, описанной Ю. Н. Карауловым [Караулов, 2010]. У школьников были зафиксированы указанные три типа, причем в процентном отношении они невелики (см. табл. 7). В 2022 году в этой же аудитории респондентов не только в 3,8 раз увеличился объем реакций самого распространенного типа «стимул + прил.» (см. выше описание когнитивной структуры АП САЭ 2022), в 3,4 раза возрос объем сочетаний с глаголом,

появился один случай сочетания с существительным без предлога.

У респондентов-студентов в 90-е годы XX века самую большую группу грамматикализованных реакций образовывали реакции, выраженные прилагательными (см. табл. 7). Их объем в процентном измерении уменьшился в XXI веке в 1,9 раз (самых реакций стало при этом больше более чем в 2 раза). Второй по величине была группа глагольных реакций, ее объем стал меньше в 1,8 раз (количество реакций увеличилось более чем вдвое). Кроме указанных групп, были отмечены реакции, выраженные стандартными предложениями (интертекстуального типа), продолжающими стимул, *и партия едины; и партия (5); и армия едины*. Подобных реакций, берущих начало в текстах XX века, нет АП 2008–2020 годов., зато есть новая реакция – *точка.ру* (2), связанная с виртуальными текстами современности. Процент такой реакции невелик (он меньше в 16 раз). В 90-е годы XX века не были отмечены реакции, выраженные существительными с предлогом, в XXI веке они есть, зато нет реакций, переданных существительными без предлога, которых не было в РАС. И в РАС, и в СИБАС были зафиксированы единичные реакции-наречия. Их грамматикализация может быть интерпретирована с помощью процедуры восстановления глагола *есть* (в СИБАС таких реакций 3, в РАС – одна).

Для пожилых людей типичными были реакции, выраженные прилагательными (13,3 %), глаголами или краткими прилагательными в предикативной функции (6,6 %), существительными с предлогом (6,6 %).

Таблица 7

Сопоставление уровня грамматикализации АП стимула «народ» у разных групп респондентов

САЭ 2002 школьники	САЭ 2022	РАС	СИБАС	ПЛ САЭ 2025
Стимул + прил. 14 р. = 2,8 %	Стимул + прил. / прич. 54 р. = 10,8 %	Стимул + прил. 41 р. = 37,6 %	Стимул + прил. 100 р. = 20 %	Стимул + прил. 16 р. = 13,3 %
Стимул + гл. 5 р. = 1 %	Стимул + гл. 18 р. = 3,4 %	Стимул + гл. 12 р. = 11 %	Стимул + глаг. / кр. прил. 30 р. = 6 %	Стимул + глаг. / кр. прил. 8 р. = 6,6 %
Стимул + сущ. с предл. 1 р. = 0,2 %	Стимул. + сущ. с предл. 1 р. = 0,2 %	–	Стимул. + сущ. с предл. 18 р. = 3,6 %	Стимул + сущ. с предл. –
Стимул + сущ. –	Стимул + сущ. 1 р. = 0,2 %	Стимул + сущ. 2 р. = 1,8 %	–	Стимул + сущ. 8 р. = 6,6 %
Стимул + станд. речения –	–	Стимул + станд. речения 7 р. = 6,4 %	Стимул + станд. речения 2 р. = 0,4 %	–
Стимул + наречие –	–	Стимул + наречие 1 р. = 0,9 %	Стимул + наречие 3 р. = 0,6 %	–

Выводы

Использование трехэтапного кросс-сопоставительного анализа результатов, полученных в ходе САЭ на один и тот же стимул в разные годы и в разных возрастных аудиториях, является информативным в нескольких аспектах. В первую очередь, продуктивно выявление индекса сопоставимости АП, поскольку оно дает основание для выводов о стандартности (стабильности) и динамике (изменчивости) вербальных связей стимула и реакции у представителей разных возрастных и социальных групп. Актуально установление относительных частот реакций, поскольку оно показывает «вес» каждой реакции в ассоциативном поле. В таком случае можно говорить об увеличении / уменьшении «веса» сравниваемых реакций с течением времени в одной возрастной аудитории или о значимости их в разных возрастных группах. Относительно рассматриваемого стимула обоснованным является утверждение об уменьшении актуальности наиболее частотных реакций на стимул «народ» – *толпа, люди* в группе школьников, группе студентов (если соотносить процентные показатели, но при сопоставлении частотных показателей реакций определяется противоположная тенденция), о большей актуальности указанных реакций в группе информантов пожилого возраста. Кросс-сопоставление всех полей по одному временному периоду (20-е годы XXI века) показывает значимость во всех возрастных группах также реакций *Россия, сила* (индекс сопоставимости всех АП-21). Последняя реакция значима для пожилых людей (12,5 %) и школьников (3%), менее значима для студентов (1,19 %).

Качественно-количественный анализ АП дает основания для выводов об изменении ядерных, окооядерных, периферийных зон в трендовом аспекте. Сопоставление реакций разных возрастных групп на стимул позволяет говорить о наиболее / наименее актуальных способах реагирования

людей определенного возраста, зависимости / независимости указанного параметра от возрастного фактора.

Установление когнитивных слоев на основе применения к отношениям реакций и стимула операции предсказания показывает, какие смысловые области субъективной семантики стимула актуальны для респондентов в ситуации свободного ассоциирования. Подобная операция информативна для установления линии тренда, определения того, как меняется наполнение когнитивных слоев всех участков поля. «Перестройка» структуры поля показательна не только в количественном, но и в качественном плане. Последний показывает направление развития смысловых компонентов семантики. Для стимула «народ» стабильными областями являются области идентифицирующего (с помощью существительных-гипонимов и гиперонимов), признакового (с помощью прилагательных с семантикой психических, размерных, ментальных и пр. качеств) сопоставления. Остальные области (места, количества, объекта, образа, действия) были менее значимы в конце 90-х годов XX века у студентов, в начале 2000-х годов у школьников, но расширяют свою актуальность в настоящее время.

Оценка грамматических связей реакции со стимулом в каждом АП, выявление уровня грамматикализации отношений позволяет увидеть, какая часть грамматических связей стимула вербализуется с помощью реакций и каким образом это происходит, изменяются ли области выраженных грамматических связей, зависят ли они от возраста. Стимул «народ» сопровождается грамматикализированными отношениями с реакциями, выраженными прилагательными и глаголами. Выбор реакций, выраженных существительными в косвенных падежах с предлогом и без него, наречиями, стандартными предложениями, вариативен, зависит от принадлежности информантов к поколенческому и возрастным группам.

Список источников

1. Гагарина Н. В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи: автореф. дис. .... д-ра филол. наук, СПб., 2009.
2. Гольдин В. Е. Возрастная динамика словесных ассоциаций школьников. Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина: сб. статей / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук и др. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 126–137.
3. Сдобнова А. П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2015.
4. Бутакова Л. О. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций / Л. О. Бутакова., Е. Н. Гуц, Е. А. Козловская. Омск: Наука, 2018.

5. Fitzpatrick N. Comparing child word associations to adult associative norms: Evidence for child-specific associations with a strong priming effect in 3-year-olds / N. Fitzpatrick., C. Floccia // Behavior Research Methods. 2024. № 56 (7). P. 7168–7218.
6. Гридина Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка. Екатеринбург, 2016.
7. Knabe M. L. Not all is forgotten: Children's associative matrices for features of a word learning episode / M. L. Knabe, H. A. Vlach // 2023. Developmental Science. 2023. № 26 (2), P. e13291. DOI 10.1111/desc.13291.
8. Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 110–126.
9. Рудакова А. В. Значение слова как феномен языкового сознания: психолингвистический аспект / под науч. ред. М. А. Стерниной. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010
10. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2010.
11. Шапошникова И. В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 268–284. DOI 10.17223/18137083/78/19.
12. Бутакова Л. О. Динамика изменений актуальных связей русских глаголов / Л. О. Бутакова, А. С. Шереметова // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 3. С. 91–101. DOI 10.26170/2071–2405–2024–29–3–91–101.
13. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской государственный университет, 2011.
14. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. М.: Р-Валент, 2021.
15. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761. DOI 10.22363/2312–9182–2019–23–3–749–761.
16. Пищальникова В. А. Ассоциативное поле как база исследования потенциальных значений слов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2 (31). С. 303–317.
17. Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование / Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Орлова Н. В. и др. Омск: Амфора, 2020.
18. Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Сибирь, 2005.
19. Бутакова Л. О. Особенности идентификации слов невзрослыми носителями русского языка: трендовое исследование / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц // Вопросы психолингвистики, 2025. № 1 (63). С. 44–62.
20. Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24–38.
21. Григорьев А. А. Проблема количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей / А. А. Григорьев, М. С. Кленская // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯз РАН, 2000. С. 313–318.
22. Гольдин В. Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация: избранные работы. Саратов: СГУ, 2020.

References

1. Gagarina, N. V. (2009). Stanovleniye grammaticheskikh kategoriy russkogo glagola v detskoj rechi. [Formation of grammatical categories of the Russian verb in children's speech]: abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Gol'din, V. Ye. (2007). Vozrastnaya dinamika slovesnykh assotsiatsiy shkol'nikov. YAzyk v dvizhenii. [Age dynamics of word associations of schoolchildren. Language in motion]: dedicated to the 70th anniversary of L. P. Krysin (pp. 126–137); collected articles. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.)
3. Sdobnova, A. P. (2015). Leksikon shkol'nika kak dinamicheskaya sistema. [Schoolchild's lexicon as a dynamic system]. Saratov: Publishing house of the Saratov State University. (In Russ.)
4. Butakova, L. O., Guts, Ye. N., Kozlovskaya, Ye. A. (2018). Detstvo v diskursivnom prostranstve regiona: kompleksnyy analiz cennostnykh fragmentov jazykovogo soznaniya i institucional'nykh kommunikacij. [Childhood in the discursive space of the region: a comprehensive analysis of value fragments of linguistic consciousness and institutional communications]. Omsk: Publishing House Science. (In Russ.)
5. Fitzpatrick, N., Floccia, C. (2024). Comparing child word associations to adult associative norms: Evidence for child-specific associations with a strong priming effect in 3-year-olds. Behavior Research Methods, 56(7), 7168–7218.
6. Gridina, T. A. (2016). «Svoya igra»: rebenok v mire yazyka. [“One's Own Game”: A Child in the World of Language]. Yekaterinburg. (In Russ.)
7. Sternin, I. A. (2020). Interpretation problems of associative experiments. Journal of Psycholinguistics, 3(45), 110–126. (In Russ.)

8. Knabe, M. L., Vlach, H. A. (2023). Not all is forgotten: Children's associative matrices for features of a word learning episode. *Developmental Science*, 26, e13291. DOI 10.1111/desc.13291.
9. Rudakova, A. V. (2023). Znachenije slova kak fenomen yazykovogo soznaniya: psikholingvisticheskiy aspekt. [Word meaning as a phenomenon of linguistic consciousness: psycholinguistic aspect]. Ed. by M. A. Sternina. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
10. Karaulov, Y. N. (2010). *Assosiativnaya grammatika russkogo yazyka*. [Associative grammar of the Russian language]. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)
11. Shaposhnikova, I. V. (2022). Assosiativnaya grammatika i smysl (na primere imeni sushchestvitel'nogo). [Associative grammar and meaning (using a noun as an example)]. *Siberian Philological Journal*, 1, 268–284. (In Russ.)
12. Butakova, L. O., Sheremetova, A. S. (2024). Dinamika izmeneniy aktual'nykh svyazey russkikh glagolov. [Dynamics of change in grammatical cohesion of some Russian verbs]. *Philological class*, 29(3), 91–101. DOI 10.26170/2071-2405-2024-29-3-91-101. (In Russ.)
13. Zalevskaya, A. A. (2011). Znachenie slova cherez prizmu jeksperimenta. [The meaning of the word through the prism of experiment]. Tver: Tver State University. (In Russ.)
14. Pishchalnikova, V. A. (2021). *Istoriya i teoriya psikholingvistiki*. [History and Theory of Psycholinguistics]. Moscow: R-Valent. (In Russ.)
15. Pishchal'nikova, V. A. (2019). Interpretatsiya assosiativnykh dannyykh kak problema metodologii psikholingvistiki. [Interpretation of associative data as a problem of psycholinguistic methodology]. *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 749–761. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761. (In Russ.)
16. Pishchal'nikova, V. A. (2022). Assosiativnoye pole kak baza issledovaniya potentsial'nykh znacheniy slov. [Associative field as a base for study of potential meanings of words]. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2(31), 303–317. (In Russ.)
17. Butakova, L. O. et al. (2020). Pozhiloy chelovek v sovremennykh russkojazychnykh diskursah: kompleksnoe lingvisticheskoe issledovanie. [An elderly person in modern Russian-language discourses: a comprehensive linguistic study]. Ed. by L. O. Butakova, N. V. Orlova. Omsk: Amphora. (In Russ.)
18. Guts, Ye. N. (2005). Psiholingvisticheskoe issledovanie yazykovogo soznaniya podrostka. [A psycholinguistic study of adolescent language awareness]. Omsk: Variant-Sibir. (In Russ.)
19. Butakova, L. O., Guts, Ye. N. (2025). Features of word identification by non-adult native speakers of the Russian language: a trend study. *Journal of Psycholinguistics*, 1(63), 44–62. (In Russ.)
20. Kurganova, N. I. (2019). Associative Experiment as a Method for Studying the Meaning of a Living Word. *Journal of Psycholinguistics*, 3(41), 24–38. (In Russ.)
21. Grigor'yev, A. A., Klenskaya, M. S. (2000). Problema kolichestvennogo analiza v сопоставitel'nykh issledovaniyakh assosiativnykh poley. [The Problem of Quantitative Analysis in Comparative Studies of Associative Fields]. In Ufimtseva, N. V. (Ed.), *Linguistic Consciousness and Image of the World* (pp. 313–318). Moscow: Institute of Languages of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
22. Gol'din, V. Ye. (2020). *Yazykovoye soznaniye. Rehevaya kommunikatsiya*. [Language Consciousness. Speech Communication]: Selected Works. Saratov: Saratov State University. (In Russ.)

Информация об авторе

Бутакова Лариса Олеговна

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций
 Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Information about the author

Butakova Larisa Olegovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of Russian Language, Literature and Document Communications
 Omsk Dostoevsky State University

Статья поступила в редакцию	20.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Влияние пропаганды на аксиологические представления китайцев: становление ценности 和谐 (гармония)

О. В. Дубкова

*Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай, linuan12@mail.ru
Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. Цель исследования – определить изменения в содержании ценности 和谐 (гармония) носителей китайской лингвокультуры, возникающие под влиянием пропаганды на основе анализа восприятия материалов наружной рекламы (плакатов 2014–2019 годов и 2020–2024 годов), пропагандирующих ценность 和谐 (гармония). Содержание анализируемой ценности чрезвычайно актуально для испытуемых. Означенное содержание воспринимается ими как традиционная и в то же время базовая ценность социализма. Ее значимость усилена контекстом, который складывается из целого ряда компонентов. К их числу относятся социальные условия бытования символа, его взаимодействие с другими символами, традиционными и современными китайскими понятиями и реалиями. Поликодовые рекламные тексты расширяют представление китайцев о гармонии как о способе достижения целей государственного развития и усиления роли Китая на международной арене. Анализ поликодовых рекламных текстов показывает, что традиционные ценности под влиянием систематической наглядной агитации трансформируются, сохраняя исконное аксиологическое ядро.

Ключевые слова: ценности, аксиологическая картина мира, гармония, трансформация ценностей, пропаганда, наглядная агитация, поликодовый рекламный текст

Для цитирования: Дубкова О. В. Влияние пропаганды на аксиологические представления китайцев: становление ценности 和谐 (гармония) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 21–30.

Original article

The Influence of Propaganda on the Axiological Ideas of the Chinese: the Formation of Value of 和谐 (Harmony)

Olga V. Dubkova

*Xi'an International Studies University, China, Xi'an, linuan12@mail.ru
Nizhny Novgorod Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russian*

Abstract. The purpose of the study is to determine the changes in the content of the value of 和谐 (harmony) among Chinese speakers, which are influenced by propaganda based on the analysis of the perception of outdoor advertising materials (posters from 2014–2019 and 2020–2024) that promote the value of 和谐 (harmony). The content of the analyzed value is relevant to the subjects (ii.), who perceive it as a traditional and at the same time a basic value of socialism, the significance of which is enhanced by social conditions, its relationship with other symbols, traditional and modern concepts, and realities in China. Polycode advertising texts expand the concept of harmony as a way to achieve the goals of state development and strengthen China's role in the international arena. The analysis shows that traditional values are transformed under the influence of systematic visual propaganda, while maintaining their original axiological core.

Keywords: values, axiological picture of the world, harmony, transformation of values, propaganda, visual agitation, polycode advertising text

For citation: Dubkova, O. V. (2026). The influence of propaganda on the axiological ideas of the Chinese: the formation of value of 和谐 (harmony). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 21–30. (In Russ.)

Введение

В настоящее время в российской лингвистике китайские ценности рассматриваются как система аксиологических представлений, определяющая нормы и правила социального поведения. В означенную систему включаются как традиционные китайские ценности (*патриотизм, вежливость, гармония, уважение к старшим, честность, справедливость* и др.), так и социалистические ценности (*свобода, равенство, добросовестность, законность* и др.). На означенном материале в семантическом, лингвокультурном, психолингвистическом и других аспектах исследуется понятие «система ценностей» и содержательная специфика отдельных аксиологических понятий, актуальных для китайской лингвокультуры [Чэнь Ваньжоу, 2019; Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования, 2020; Яо Чжипэн, 2025]. Существуют локальные («штучные») исследования динамики представлений китайцев об отдельных ценностях и об их соотношениях [Дубкова, 2024; Чэнь Сыфань, 2024], однако в целом данная проблема в лингвистике решена недостаточно полно. Интенция заполнить этот досадный пробел определяет новизну нашего исследования.

Для создания «нового человека» в Китае уже десять лет активно ведется пропаганда базовых ценностей. Центральная задача органов власти – аксиологическое воспитание народных масс. Причем во главу угла ставится не теоретическое постижение, а практическая реализация базовых ценностей. Согласно китайским представлениям о здоровом развитии социума именно позитивная практика (а не только теория) позволит «сформировать личную уверенность в китайских ценностях и достичь социальной гармонии и стабильности» [石碧球, 2025, с. 7], в том числе с помощью «визуализации» ценностей. Для анализа динамических изменений из двенадцати базовых ценностей социализма с китайской спецификой нами выбрана ценность *和谐 héxié (гармония)*. В китайском понимании гармония двуедина. С одной стороны, она является фундаментальным концептом традиционной китайской культуры, с другой – являет собой базовую ценность социализма с китайской спецификой. Таким образом, гармония является общезначимым идеалом, верховным прообразом бытия и одновременно – определяет нормы социального поведения в пределах Китая. Объект исследования – китайская социальная реклама (плакат), предмет – психологическая актуальность ценности *和谐 héxié (гармония)* для воспринимающих их; цель – определить изменения в аксиологическом представлении китайцев о *和谐*

(*гармонии*) под влиянием пропаганды базовых китайских ценностей на государственном уровне. Теоретическую основу исследования составляют:

- 1) лингвокультурологические исследования ценности *和谐 (гармония)* [Николаева, 2021; Дугарова, 2024];
- 2) изыскания в области характера представления ценностей в поликодовых рекламных текстах (ПРТ) на визуальном и вербальном уровнях [Цюй Юнь, 2021а; Цюй Юнь, 2022; Хрипля, 2023; Хрипля, 2024];
- 3) рассмотрение лингвокультурной специфики ПРТ [Цзоу Хуацзин, 2021; Лин Чэн, 2025].

Всё перечисленное определяет методологию исследования, включая обработку данных опросов носителей китайской лингвокультуры, анализ ПРТ, сопоставление «визуальных образов» рекламных текстов с данными опросов.

Общее описание китайских поликодовых текстов, отражающих ценность *和谐 (гармония)*

После решения ЦК КПК в 2013 году о включении базовых ценностей в систему норм и правил поведения народных масс активно развивается и формируется система визуального представления ценностей на основе связей с традиционной китайской лингвокультурой, в частности распространяются агитационные плакаты – поликодовые тексты, содержащие как символические изображения, так и иероглифические компоненты, «в качестве значимого элемента поликодового текста выступают также цвет, размер шрифта и композиция» [Цюй Юнь, 2021б, с. 207].

Таким образом, на официальном уровне культивируется социализм с китайской спецификой. Поворотному моменту в его развитии соответствует вышеозначенное решение ЦК КПК, которое последовало в 2013 году. Это важное политическое решение, направленное на формирование «нового человека», который отвечает задачам социально-политического развития страны, курсу КПК, соединяет традиционную китайскую, социалистическую и глобальную культуру. Часть ценностей, обозначенных партией, является новообразованиями, до настоящего времени нет единого перевода на русский язык. Ценность *和谐 (гармония)* имеет однозначное соответствие в русском языке, поэтому для анализа выбрана именно данная ценность, чтобы показать, как она включается в социалистическую культуру.

ПРТ разделены на два периода: 2014–2020 годы и 2020–2025 годы, так как с 2014 года начинается активная целенаправленная пропаганда

Рис. 1. Ты и я совместно строим гармоничную семью (агитационный плакат, 2018)

Рис. 2. Общество нового типа (агитационный плакат, 2017)

базовых ценностей социализма с акцентированием их традиционного компонента; в 2021 году начинается XIV пятилетка, целями и задачами которой становится в числе прочего пропаганда базовых ценностей и формирование аксиологической картины мира народных масс. Она, в свою очередь, связывается с целями и задачами государственного развития. Обратимся к особенностям представления базовой ценности *和谐* (гармония) в ПРТ.

В период 2014–2019 годов основной политической задачей становится реализация Китайской мечты, которая включает идею «гармоничного дома» как гармонии Неба, Земли и Человека, отраженной в древнекитайском каноне «Чжоу и»¹ [郭文成, 2014, с. 251].

На рисунке 1² визуализировано представление об идеальной китайской семье как образце гармонии в период контроля рождаемости в Китае. Розовый цвет традиционно символизирует любовь, оттенки голубого – свободу, золотисто-желтый – богатство и счастье, белый – справедливость и достоинство. Четкая граница между небом и землей, обозначенная серым цветом, символизирует «небесную» защиту семьи. В верхнем правом углу изображается солнце и листья «японского банана»

¹«Чжоу и» – канон древнекитайской философии, состоящий из двух частей («И цзинь» и «И чжуань»), (трактат) создан Чжоу Вэньваном (XII–XI вв. до н. э.) и усовершенствован Конфуцием (551–479 гг. до н. э.).

²构建和谐社会幸福家园平安社区海 (2018-09-24) 图行天下. URL: <https://www.photophoto.cn/sucai/31828229.html> (дата обращения: 23.10.2025). Здесь и далее перевод наш. – О. Д.

(芭蕉树叶), которые традиционно свидетельствуют о процветании семьи, успехе в делах, совместных усилиях для достижения сплоченности и благополучия. В центре плаката толкование ценности на «личном уровне» – *你我共建和谐家庭* (букв. 'Ты и я совместно строим гармоничную семью'). Золотым цветом выделены иероглифы *共建* (совместно строить) и *和谐* (гармония), что актуализирует гармонию как доминанту отношений в семье. Мелким шрифтом синим цветом под основным текстом написано: «Рука об руку создаем гармоничное общество – совместно наслаждаемся спокойной и прекрасной жизнью». На плакате представлены как традиционные китайские символы гармонии между Небом и Землей и благоприятных условий для существования (голубое небо и белые облака), так и новые, созданные государством (воздушный шар – освобождение от оков и стремление к идеалу; белые птицы – мир и свобода).

Агитационный плакат (см. рис. 2)³ символизирует *两型社会* (общество нового типа с экономным потреблением ресурсов). На белом фоне, который традиционно ассоциируется с чистотой, внизу изображены символы Пекина (Храм Неба), Шанхая (телебашня «Восточная жемчужина»), книги и мосты. Они символизируют городскую среду, культуру и транспорт: социальная гармония должна охватывать все аспекты жизни. Внизу красным цветом дан ценностный концепт: «Совместно строим

³两型社会 (2017-06-08) 黑龙江省公益广告研究基地. URL: <https://hljgygg.com/content/154.html> (дата обращения: 10.10.2025).

гармоничное общество – совместно наслаждаемся счастливой жизнью». В сочетании с приведенным тезисом визуальные символы таят за собою ценностную концепцию сплочения и совместного достижения социальной гармонии. Сложенные домиком ладони защищают идею гармонии, что позволяет интегрировать усилия разных социальных групп, – эти группы символически представлены воронкой из кругов желтого, красного и зеленого цветов и поддержаны доминирующей надписью 和谐社会 (гармоничное общество), сделанной черными (власть) иероглифами в стиле синшу,

Рис. 3. Гармония
(агитационный плакат, 2024)

Рис. 4. Гармония
(агитационный плакат, 2022)

указывающими на тесную связь традиции и современности. Ключевыми на плакатах данного периода оказываются слова *общество; семья; счастье; прекрасный, совместно; строить; наслаждаться; сосуществование* и символические изображения *мы; город; человек; солнце; небо* и др.

В планы XIV пятилетки, начавшейся в 2021 году, входит решение демографических вопросов, формирование экологической цивилизации, укрепление (строительство) сообщества единой судьбы человечества и великое возрождение китайской нации, которое невозможно без гармонических отношений. Позиция КПК остается неизменной: начальным условием достижения вышеизложенных целей (на всех уровнях, включая международный) является гармония.

Плакат выполнен на белом фоне (см. рис. 3)¹, белый цвет представляет честность и справедливость. Цветные кривые (голубой, зеленый, оранжевый) передают атмосферу многообразия и инклюзивности: *尊重差异、求同存异 (уважение различий и поиск общего при сохранении индивидуального)*. Идея защиты Земли и совместного строительства культуры представлена изображением рук, оберегающих Землю как общий дом человечества, концепция мирного сосуществования – летящими белыми голубями. Надпись *争做文明使者——构建和谐社会* (букв. 'стремиться быть вестником цивилизации – строить гармоничное общество'). В верхнем правом углу – слово *和谐 (гармония)* написано каллиграфическим шрифтом, что «...способствует экспрессивности и образности рекламного текста» [Хрипля, 2023, с. 125]. Структура плаката сбалансирована и симметрична, что передает визуальное восприятие гармонии и единства. Отметим, что на плакате акцентирована структура иероглифа *和 (гармония)*: на левой стороне ключ *禾 hé (колос, росток злака)* выполнен прямой, напористой вертикальной штриховкой, с правой стороны знак *口 kǒu (рот, уста)* выражает устойчивость и стабильность. Этот поликодовый текст сочетает традиционную китайскую эстетику и современный дизайн, отражая интеграцию культурного наследия и современности и подчеркивая основную идею плаката: «Строить гармоничное общество посредством культурного (цивилизованного) поведения».

Отметим, что с 2014 года наследуется традиция использования «китайского красного» цвета (рис. 4)². Плакат выполнен в традиционной для

¹历史文化传承：融合古孝道与现代和谐，铸就民族精神新坐标（2024-12-03）搜狐。 URL: https://news.sohu.com/a/832899542_122134644 (дата обращения: 23.11.2025).

²公益广告 | 社会主义核心价值观-和谐（2022-02-10）银川新闻网。 URL: https://www.ycen.com.cn/ztzx/ztk/zhuanti/ccgyggzl/202202/t20220216_143699.html (дата обращения: 10.10.2025).

пропаганды базовых ценностей цветовой гамме – резко контрастирующих китайского красного (энтузиазм), оттенков серого (баланс, надежность) и черного цветов (власть, сила). В центре надпись 和谐 (гармония), над которой перечислены базовые ценности социализма с китайской спецификой. Ключевой визуальный элемент 和谐 (гармония) – основная составляющая этой подсистемы ценностей социального уровня, объединяющая отношения человек – человек, человек – общество и человек – природа. Под ключевыми иероглифами приводится цитата из древнекитайского трактата «Комментарии Цзо» («左传»), написанного историком Царства Лу Цзо Цюмином около IV века до н. э.: 如乐之和, 无所不谐 (слажены, как музыка, и нет никаких разногласий), что означает «так же гармоничный, как музыка, в нем нет ничего противоречивого»¹. Эта распространенная метафора состояния гармонии и бесконфликтного общения подчеркивает всеобъемлющий характер гармонии как «координированного сосуществования и инклюзивного развития разнообразных элементов», как основы стабильности социального порядка и духовного баланса. Под цитатой красные иероглифы конкретизируют цель пропаганды: «Реализуем базовые ценности социализма»; вертикальные надписи призывают ответственность содействовать гармонии сфер общества через личные действия: «Говорим о культуре, строим новый стиль» и «Цивилизация и здоровье есть у тебя и у меня». Цветовой фон градуирует серый

¹В тексте «Комментариев Цзо» данную фразу сказал правитель Царства Цзинь Вэй Цзян для описания союза князей, подчеркнув использование ритуалов и музыки для примирения отношений различных этнических групп и достижения единства, порядка и гармонии.

цвет, горные вершины изображены стилизованно, создавая гармоничный образ, символизирующий благородство, нерушимость и величие. В верхнем правом углу летящий голубь – символ мира, чистоты и счастья. Визуальные элементы (красные ленты, традиционные узоры) подчеркивают культурную идентичность и чувство современности, передавая идею «гармонии» как слияния традиционных и современных ценностей. Этот ПРК, объединяя слова и символы, порождает культурные аллюзии и способствует пропаганде ценности 和谐 (гармония).

В настоящее время в ПРТК может быть изображена семья с двумя и более детьми, дружелюбные отношения с соседями, занятия спортом и др. – визуализация гармонии изменяется, ключевыми понятиями и образами становятся следующие: *строительство, общество, цивилизация, культура, отношения, «зеленый», мир, семья, счастье, дружба* и др., но неизменным остается внимание к семье как основе строительства гармоничного общества и системным связям с другими базовыми ценностями китайцев.

Динамические изменения в структуре поликодовых текстов китайской социальной рекламы

Сопоставительный анализ «визуальных образов» и вербальных знаков в китайских поликодовых текстах (проанализировано 42 текста, которые относятся к 2014–2019 годам и 57 текстов – к 2020–2024 годам, см. табл. 1) позволяет установить закономерности в динамических изменениях в пропаганде ценности 和谐 (гармония).

Таблица 1

Ценность 和谐 (гармония) в китайских поликодовых рекламных текстах (2014–2024)

Плакаты Параметры анализа	Годы	
	2014–2019	2020–2024
Тематика	<ul style="list-style-type: none"> 天人合一 (единство Неба и Человека) 你我共建和谐家庭 (совместно строим гармоничную семью) 男女平等 (равенство полов) 乡村振兴 (подъем села) 	<ul style="list-style-type: none"> 协和万邦 (букв. 'гармонизировать десять тысяч соседних государств, согласие всех народов') 社会稳定与发展 (социальная стабильность и развитие) 共建和谐家园 (校区) (совместное строительство гармоничного двора, кампуса) 和雅教育 (гармоничное и элитарное образование)
Цвет	<p>Используется теплая цветовая гамма (красный, желтый) для передачи ощущения тепла и заботы, а также зеленые тона для обозначения природной гармонии</p> <ul style="list-style-type: none"> Китайский красный Черный Желтый Синий Зеленый 	<ul style="list-style-type: none"> Зеленый Синий Красный Желтый Черный

Плакаты Параметры анализа	Годы	
	2014–2019	2020–2024
Изображения	Картины счастливой семьи и прекрасной жизни	Картины экологической цивилизации, национального единства и взаимопомощи
Компоновка	<ul style="list-style-type: none"> Разбивка на кадры для визуализации абстрактных концепций Использование разных стилей каллиграфии, размеров шрифта и цвета иероглифов 	
Ключевые слова	<ul style="list-style-type: none"> Общество БЦС Прекрасный Семья Счастье Жизнь Общество Сосуществование Цивилизация Город Слоганы 	<ul style="list-style-type: none"> Общество БЦС Семья Прекрасный Цивилизация Развитие Культура Отношения «Зеленый» Экология Здоровье Слоганы Цитаты из древних канонов
Ключевые символы	<ul style="list-style-type: none"> Человек Рука (человек) Родители и дети Семья Пожилые люди Соседи Небо Птицы Цветы Трава Прекрасный пейзаж Достопримечательности Китая Символы современной цивилизации 	<ul style="list-style-type: none"> Человек Рука (человек) Рукопожатие Сердце Земной шар (мир) Солдат Учитель и ученики Небо Природа Ветряные электростанции Новые транспортные средства Животные и растения Горы и реки Город Китай Символы Древнего Кита Достопримечательности мира

Во всех поликодовых текстах отмечаются следующие общие понятия: 社会 (*общество*), 家庭 (*семья*), 美好 (*прекрасный*), 社会主义核心价值观 (*базовая ценность социализма*), которые являются ключевыми. Включение новых элементов в систему наглядной агитации (*земной шар, ветряные электростанции, общественный транспорт, солдат, спортсмен* и др.) приводит к формированию конкретных представлений о гармонии. Наглядная агитация призывает изменить окружающий мир и самого себя, чтобы осуществить на практике гармонию человека и природы.

В китайских ПРТ представлено три уровня достижения гармонии: личный, социальный и культурный. На личном уровне формируются

принципы культурного поведения, каждый элемент которого становится элементом строительства социальной гармонии: от соблюдения общественного порядка (например, соблюдения порядка в очереди, стремления уступить дорогу пешеходам и пр.) и практики экологичного образа жизни (например, экономии ресурсов, экологичного транспорта) до уважения к другим (например, терпимости к различным точкам зрения, доброжелательности). На социальном уровне совместное управление и сотрудничество становятся центральными идеями, призывающими реализовать социальную ответственность (благотворительность, защиту экологии), организовать взаимопомощь (поддержку соседей, совместное культурное

развитие), продвигать благотворительные проекты (помощь малоимущим, поддержка пожилых людей, создание безбарьерной среды). Это укрепляет и расширяет социальные связи, сохраняя традиционную культуру: *和为贵* (*гармония как наивысшая ценность*) и *仁爱* (*человеколюбие*) сочетаются с современными ценностями (*демократия, равенство, законность* и др.).

Описание опроса и его результаты

Исследование значимости китайской социальной рекламы, пропагандирующей ценность *和谐* (*гармония*), осуществлено впервые в серии стандартных пилотных письменных опросов 2025 года. В опросе участвовали 29 магистрантов специальностей «Устный перевод» и «Письменный перевод» Сианьского университета иностранных языков (пров. Шэньси), ранее проживающие в разных провинциях Китая. Возраст испытуемых – 24–26 лет, 87 % из них – девушки. Испытуемым предлагался список вопросов:

1. Что пропагандируется на данных плакатах?
2. Зачем (для чего) сделаны данные плакаты?
3. Нужны ли подобные плакаты?
4. Где они обычно расположены (представлены)?
5. Как вы относитесь к таким плакатам?
6. Нужна ли такая реклама?
7. Участвовали ли вы в конкурсах по созданию таких плакатов?

К каждому ПРТ добавлялись специальные вопросы.

100 % респондентов отмечают в ответах на вопрос 1, что на плакатах представлена пропаганда ценностей китайского общества и цели ее:

- побудить общественность участвовать в строительстве гармоничного дома и донести позитивные социальные ценности;
- донести информацию, направить общественное мнение, добиться консенсуса или призвать общественность принять участие в соответствующих акциях;
- донести позитивные социальные ценности, побудить общественность участвовать в построении лучшей жизни и создать безопасную, цивилизованную, гармоничную и устойчивую социальную атмосферу;
- продвигать идею построения гармоничного общества, чтобы как можно больше людей увидели и поняли эту идею.

Лишь некоторые отмечают, что пропагандируется ценность *和谐* (*гармония*). Очевидно, что испытуемые четко представляют цели и задачи социальной пропаганды и создания общественно-го мнения, а также выделяют ключевое содержание,

связанное с ценностью *和谐* (*гармония*). Испытуемые отмечают, что наглядная агитация ценностей:

- 需要 (необходима) – 65,5 %
- 很需要 (очень нужна) – 6,9 %
- 有必要 (есть необходимость) – 3,4 %
- 非常需要 (крайне нужна) – 17,2 %.

Испытуемые дали комментарии к ответу, подтверждающие значимость для них такой рекламы:

- Такие плакаты могут передавать основные ценности общества и укреплять общественное согласие.
- В век информации визуальная и художественная реклама является одним из эффективных средств передачи базовых ценностей, достижения общественного согласия и популяризации важной информации.
- Они играют незаметную воспитательную роль и соответствуют потребностям строительства социалистической духовной цивилизации.

Сравнение наших данных с исследованиями Цюй Юня [Цюй Юнь, 2023] показало очевидную положительную динамику в оценке значимости поликодовых текстов для респондентов. В создании подобных текстов участвовали или хотят участвовать 20,7 % испытуемых, так как осознают необходимость передачи идей с помощью визуальных образов, при этом высоко оценивая некоторые дизайнерские работы и признавая их позитивное влияние на участие общественности в социальном управлении. Испытуемые рассматривают содержание плакатов как часть пропаганды системы базовых ценностей социализма. Они отмечают, что поликодовые тексты первой группы акцентируют гармонию как семейную ценность, связанную со счастьем и благополучием семьи, а плакаты второй группы – стремление к участию в строительстве гармоничного общества, изменению личного образа жизни и отношений с людьми, экономии ресурсов, защите окружающей среды.

Заключение

Ценность *和谐* (*гармония*), включенная в систему базовых ценностей социализма с китайской спецификой, активно насаждается в рамках китайского государственного проекта по аксиологическому воспитанию и просвещению народных масс. В рамках исследования выделено два этапа пропаганды: первый связан с самоопределением китайской системы ценностей, ключевым направлением которой является строительство социальной гармонии, второй – с пропагандой экологической цивилизации и возрождением китайской нации.

Сопоставительный анализ ПРТ показывает, что наблюдается тенденция усиления социального влияния ПРТ. Данная тенденция связывается с количественными и качественными изменениями в структуре китайского общества и политикой КПК, а также с целенаправленной политикой пропаганды базовых ценностей; пропагандируемые визуальные образы и вербализованные представления о ценности 和谐 (*гармония*) носителями китайского языка воспринимаются комплексно, дополняют друг друга и позволяют сделать доступными для широких народных масс абстрактные аксиологические понятия; отмечается связь традиционной китайской культуры с реалиями современной действительности, что подтверждается

наличием в агитационных плакатах актуальных для современных китайцев образов и представлений о гармонии «с китайской спецификой»; расширяются общие представления носителей китайской лингвокультуры о гармонии как личной и социально значимой ценности, происходит включение новых ценностных представлений о гармонии как о норме и правилах поведения в обществе и применении этих правил в своем личном поведении. Таким образом, очевидно целенаправленное влияние пропаганды, отраженной в китайских ПРТ, на аксиологическую картину мира китайцев: ценность 和谐 (*гармония*) становится социально значимой для современных носителей китайской лингвокультуры.

Список источников

1. Чэнь Ваньжоу. Психолингвистический анализ базовых ценностей «терпимость» и «Родина» в китайской культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (820). С. 81–90.
2. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования / В. А. Пищальникова, О. В. Дубкова, Ф. Цун, Ч. Яо. М.: Р. Валент, 2020.
3. Яо Чжипэн. «礼貌» / «вежливость» в картине мира русских и китайцев. Новое. М.: Р. Валент, 2025.
4. Дубкова О. В. Стабильность ассоциативного поля: определение понятия (на материале ассоциативных полей категории «вежливость») // Этнопсихолингвистика. 2024. № 3 (18). С. 56–77. DOI 10.31249/epl/2024.03.04.
5. Чэнь Сыфань. Динамика содержания ценности и ее репрезентация во фразеологических единицах // Этнопсихолингвистика. 2024. № 2(17). С. 98–110. DOI 10.31249/epl/2024.02.06.
6. 石碧球 [Ши Бицю]. 光荣与梦想: 富强、民主、文明、和谐 [Слава и мечта: процветание, демократия, цивилизация, гармония]. 北京 [Пекин]: 中国人民大学出版社 [Издательство Китайского народного университета], 2025. (На кит. яз.)
7. Николаева Т. А. Дефиниционный анализ концепта гармония в китайском языке // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2021. № 4–2 (36). С. 151–155.
8. Дугарова С. Б. Концепт «гармония» в китайском языке: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 173–176.
9. Цюй Юнь. Способы репрезентации моральной ценности «добросовестность» в китайской социальной рекламе как поликодовом тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021а. № 2 (844). С. 277–286. DOI 10.52070/2542-2197_2021_2_844_277.
10. Цюй Юнь. Представление основных ценностей современного Китая в поликодовом рекламном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 170–175. DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_170.
11. Хрипля Т. С. Общенациональная идея «китайской мечты» в поликодовых текстах социальной рекламы КНР / Т. С. Хрипля, О. С. Иссерс // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 973–990.
12. Хрипля Т. С. Потенциал речевого воздействия лексической системы языка в социальной рекламе Китайской Народной Республики // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11, № 2. С. 332–344. DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(2).332-344.
13. Цзоу Хуацзин. Классификация элементов лингвокультурологической информации в поликодовом тексте печатной рекламы на материале русского и китайского языков / Цзоу Хуацзин, Н. В. Новоспаская // Litera. 2021. № 2. С. 1–10. DOI 10.25136/2409-8698.2021.2.35001.
14. Лин Чэн. Невербальные способы и средства репрезентации этнокультуры в китайской поликодовой коммерческой рекламе / Лин Чэн, Цай Цзяфэн // Litera. 2025. № 3. С. 291–304. DOI 10.25136/2409-8698.2025.3.73509.

15. Цюй Юнь. Репрезентация моральной ценности «культурность» в социальной рекламе Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021б. Вып. 9 (851). С. 203–213. DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_203.
16. 郭文成 [Го Вэньчэн]. 论《周易》精神对于中国梦的当代意义 [Современное значение духа «Чжоу и» для китайской мечты] // 周易文化研究 [Исследования «Чжоу и» (Studies of Zhouyi)]. 2014. № 1. С. 251–257. (На кит. яз.)
17. Хрипля Т. С. Соотношение визуальных и вербальных компонентов в поликодовых текстах китайской социальной рекламы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (41). С. 121–127. DOI 10.36809/2309-9380-2023-41-121-127.
18. Цюй Юнь. Способы репрезентации моральных ценностей в русской и китайской рекламе как поликодовом тексте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023.

References

1. Chen Wanrou. (2019). Psycholinguistic analysis of basic values “Tolerance” and “Motherland” in Chinese culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(829), 81–90. (In Russ.)
2. Pishchalnikova, V. A., Dubkova, O. V., Czun, F., Yao, Ch. (2020). Kartina mira kitajcev: teoriya i praktika nauchnogo issledovaniya = Chinese Worldview: theory and practice of scientific research. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
3. Yao Zhipeng (2025). “礼貌” / “vezhlivost” v kartine mira russkih i kitajcev. [“礼貌” / “politeness” in the worldview of Russians and Chinese. New. Moscow: R.Valent]. (In Russ.)
4. Dubkova, O. V. (2024). Defining the concept of associative field stability: the analysis of the associative fields of the category “politeness”. Ethnopsycholinguistics, 3(18), 56–77. (In Russ.)
5. Chen Sifan. (2024). Dynamics of the value content and its representation in phraseological units. Ethnopsycholinguistics, 2(17), 98–110. (In Russ.)
6. 石碧球 [Shi Biqu]. (2025). 光荣与梦想：富强、民主、文明、和谐 [Glory and Dreams: Prosperity and Strength, Democracy, Civilization, Harmony]. 北京 [Beijing]: 中国人民大学出版社 [Renmin University of China Press]. (In Chinese)
7. Nikolaeva, T. A. (2021). Definitinal analysis of the concept of harmony in the Chinese language. The modern school of Russia. Modernization issues, 4-2(36), 151–155. (In Russ.)
8. Dugarova, S. B. (2024). The concept of “harmony” in the Chinese language: a cognitive approach. Cognitive Studies of language, 2-1(58), 173–176. (In Russ.)
9. Qu Yun. (2021a). Ways of representation of the moral value “integrity” in Chinese social advertising as a multimodal discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(844), 277–286. (In Russ.)
10. Qu Yun. (2022). Representation of the core values of modern China in a polycode advertising text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 179–175. (In Russ.)
11. Khriplya, T. S., Issers, O. S. (2023). The national idea of the “Chinese dream” in the polycode texts of public service announcements of the People’s Republic of China. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 16(6), 973–990. (In Russ.)
12. Khriplya, T. S. (2024). Correlation of visual and verbal components in polycode texts of Chinese public service announcements. Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research, 4, 121–127. (In Russ.)
13. Zou, H., Novospasskaya, N. V. (2021). Klassifikaciya elementov lingvokul'turologicheskoy informacii v polikodovom tekste pechatnoj reklamy na materiale russkogo i kitajskogo yazykov. [Classification of the elements of linguoculturological information in the polycode text of print advertising based on the material of Russian and Chinese languages]. Litera, 2, 1–10. (In Russ.)
14. Ling Cheng, Cai Jiafeng. (2025). Neverbal'nye sposoby i sredstva reprezentatsii etnokul'tury v kitajskoj polikodovoj kommercheskoj reklame. [Nonverbal ways and means of representing ethnic culture in Chinese multicode commercial advertising]. Litera, 3, 291–304. (In Russ.)
15. Qu Yun. (2021b). Representation of the moral value of “civility” in Chinese social advertising. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 203–213. (In Russ.)
16. 郭文成 [Guo Wencheng]. (2024). 论《周易》精神对于中国梦的当代意义 [On the contemporary Significance of the Spirit of “Zhouyi” to the Chinese Dream]. 周易文化研究 [Studies of Zhouyi], 1, 251–257]. (In Chinese)
17. Khriplya, T. S. (2023). Potencial rechevogo vozdejstviya leksicheskoy sistemy yazyka v sotsial'noj reklame Kitajskoj Narodnoj Respubliki. [The potential of speech impact of the lexical system of language in public service announcement of the People’s Republic of China]. Communication Studies, 11(2), 332–344. (In Russ.)

18. Qu Yun. (2023). Sposoby reprezentatsii moral'nykh tsennostej v russkoj i kitajskoj reklame kak polikodovom tekste. [Ways of representing moral values in Russian and Chinese advertising as a polycode text]: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

Информация об авторе

Дубкова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, профессор
иностраный специалист Сианьского университета иностранных языков
ассоциированный научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения»
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Information about the author

Dubkova Olga Vladimirovna

PhD in Philology, Professor
Foreign Expert
Xi'an International Studies University
Associate Researcher of the Research Laboratory "Theoretical and Applied Problems of Translation Studies"
of Nizhny Novgorod Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.01.2026	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	02.02.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Ассоциативный метод исследования значения слова и моделирование внутренней формы языка

В. А. Пищальникова

ИНИОН РАН, Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

pishchalnikova@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – теоретическое обоснование и практическая демонстрация возможностей моделирования внутренней формы языка (ВФЯ) на материале вербального ассоциирования. Объект изучения – речевое действие, предмет – моделирование ВФЯ на основе предикации между стимулом и реакцией. Теоретическая значимость работы определяется аргументацией возможности моделирования ВФЯ на базе вербальных ассоциатов в ходе анализа речевых действий. Используются общенаучные методы анализа и синтеза, ассоциативный метод. ВФЯ как исторически сложившийся способ представления понятий в языке реализуется в конкретном акте предикации в пределах речевого действия. Признак, лежащий в основе предикации, актуализирует ВФЯ.

Ключевые слова: внутренняя форма языка, внутренняя форма слова, ассоциативный метод, психологическая предикация, речевое действие

Для цитирования: Пищальникова В. А. Ассоциативный метод исследования значения слова и моделирование внутренней формы языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 31–40.

Original article

Associative Method of Studying the Meaning of a Word and Modeling the Internal Form of a Language

Vera A. Pishchalnikova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

pishchalnikova@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to provide a theoretical justification and practical demonstration of the possibilities of modeling the internal form of a language (IFL) based on verbal associations. The object of study is speech action, and the subject is modeling the IFL based on the predication between stimulus and response. The theoretical significance of the work is determined by the argumentation of the possibility of modeling the IFL based on verbal associations, which is demonstrated through the analysis of speech actions. The study uses general scientific methods of analysis and synthesis, as well as the associative method. VFY as a generalized and structured complex of predications between concepts, as a historically established way of representing concepts in language, is realized in a specific act of predication within a speech act. The feature underlying predication actualizes VFY.

Keywords: internal form of language, internal form of a word, associative method, psychological predication, and speech action

For citation: Pishchalnikova, V. A. (2026). Associative method of studying the meaning of a word and modeling the internal form of a language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 31–40. (In Russ.)

Введение

Ассоциативный метод становится доминирующим в том случае, если исследователю необходимо установить психологическую актуальность содержания, стоящего за словом. Это содержание может быть выявлено с опорой на совокупность смыслов, которые возникают между стимулом и реакцией в ходе ассоциативного эксперимента (АЭ) [Пищальникова, 2025].

Система индексов, рассчитываемых для выявления отношений как между стимулом и реакцией, так и между ассоциатами в составе ассоциативного поля (АП), дает основания для объективированного сопоставления состава одноименных АП в разных языках и для решения различных семантических, дискурсивных и психологических задач [Степыкин, 2021; Степыкин, 2024; Пищальникова, 2025]. Одна из лингвистических задач – обнаружение специфики предикации между стимулом и реакцией – определила цель нашего исследования: моделирование внутренней формы языка (ВФЯ) на основе вербального ассоциирования. Такая постановка цели требует синкретического объекта, каковым выступает речевое действие, и холистического подхода к его изучению, детерминирующего предмет исследования, – моделирование ВФЯ по характеру ассоциирования, представленного в речевом действии. Теоретическая значимость работы определяется тем, что, во-первых, обосновывается возможность моделирования ВФЯ, во-вторых, демонстрируется важность психологической предикации, лежащей в основе ассоциирования как операции, доминирующей и в формировании ВФЯ. Отсюда вытекает практическое значение исследования, задающего принципы интерпретации компонентов любого речевого действия, в том числе и данных АЭ. В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, а также ассоциативный метод.

К изучению становления и содержания понятия «внутренняя форма языка» исследователи – философы, лингвисты, культурологи и др. – обращались неоднократно, и представление детального научного контекста проблемы, учитывая долгую историю процесса ее исследования в рамках небольшой статьи нецелесообразно. Мы сосредоточимся на тех аспектах понимания проблемы, которые выявляют потенциальные возможности ассоциативного метода в моделировании ВФЯ и способствуют пониманию ее психологической актуальности. Для этого, во-первых, акцентируем некоторые составляющие гумбольдтовской концепции ВФЯ [Гумбольдт,

1984] и внутренней формы слова А. А. Потебни¹; во-вторых, выделим положения, вытекающие из этих концепций, с целью формирования состава теоретических постулатов. Опираясь на эти постулаты, можно соотносить параметры АП, качественные и количественные, с содержанием внешней и внутренней форм языка. При этом естественно обратиться к трудам не только В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни, но и ученых, активно воспринявших их концепции и подчеркнувших ряд положений, остающихся актуальными сейчас, – П. Флоренского, Г. Г. Шпета и других выдающихся философов, которые, говоря словами Г. Г. Шпета, пытались исключить «метафорическую расплывчатость и иррациональность» понятия ВФЯ и представить ее «в полной строгости и рациональности» [Шпет, 2006, с. 54] или, по словам П. Флоренского², создать «лингвистическую модель, накинутую хотя бы временно на зияющую при современном состоянии лингвистики пропасть между звуком и смыслом». Подчеркнем важные для нас аспекты ВФЯ:

- 1) выявление сущности понятия ВФЯ в лингво-философском ракурсе;
- 2) разработка концепции внутренней формы слова и развитие представлений о ВФЯ в изучении значения слова;
- 3) исследование дискурсивных особенностей смыслообразования.

В этом смысле наше исследование не только вписывается в общую проблематику внутренней формы языка, но и является актуальным, поскольку оно, с одной стороны, обосновывает возможность «реконструкции» ВФЯ в речевом действии, с другой – акцентирует взаимозависимость ВФЯ и психологической предикации.

По словам В. В. Библихина, лингвистическая семантика после В. фон Гумбольдта складывается и развивается «за счет ухода от переливов живого значения и смысла в языке к их априорно предполагаемой стабильной основе» [Библихин, 1978, с. 60], при этом неизбежна и даже закономерна редукция так называемых системных *языковых* значений. Однако процессы реальной коммуникации показывают, что личностные смыслы, представляемые одним и тем же словом, принципиально не являются тождественными, что объясняется взаимодействием множества факторов, определяющих конкретное речевое общение. Эти факторы лингвисты, литературоведы, психологи и др. изучают бесконечно, но все чаще их построения связаны с исследованием внешних воздействий на язык: социальных структур, культуры

¹URL: philologos.narod.ru/classics/zvegintzev.htm (дата обращения: 25.11.2025).

²URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-myslitom-1/ (дата обращения: 25.11.2025).

в целом и под., все чаще лингвисты уходят в междисциплинарные плаваания, потому что объяснить порождение смыслов имманентными отношениями устоявшихся элементов языка трудно. Трудно без возвращения к понятию внутренней формы языка.

Свойства ВФЯ, фундаментальные для анализа речевого действия

В современной психолингвистике язык рассматривается как психофизиологический механизм осуществления мышления, в котором мультимодальные воздействия среды и внутренние нервные импульсы интегрируются в амодальную систему значений. На базе последней осуществляется концептуализация «действительности» (по А. Н. Леонтьеву), или построение образа мира.

Слово предназначено для познания, формирования и «остановки» мысли в момент представления психологически актуального личностного смысла, и такое понимание, во многом инициированное трудами В. фон Гумбольдта, сложилось в общих чертах у выдающихся отечественных философов уже в начале XX в. Так, П. Флоренский пишет: Речь – «вся пластичная... так чтобы *каждый элемент речи способен был принять оттиск именно моего способа пользования речью, именно моей духовной потребности, и притом не вообще моей, а в этот, единственный в мировой истории, раз*»¹ (курсив наш. – В. П.). В этом высказывании объединена совокупность свойств слова, позволяющая ему детерминировать смысловую гибкость речи. Во-первых, слово, замещая общественно выработанный способ (модель) познания вещи, одновременно позволяет индивидуально модифицировать эту модель, что обнаруживается в специфике способа присвоения значения слова («моего способа пользования речью» [там же]). Поэтому «слово есть метод, метод концентрации», «собранный в один фокус историческая воля целого народа», которую индивид должен уметь направить в *нужную ему сторону*; «сказанное слово вторгается в ... психику и возбуждает здесь... давление, *вынуждающее* пережить, перечувствовать и продумать последовательные слои семемы слова, устремляясь вниманием в *намечаемую ею сторону* и производя соответственное *волеизъявление*» [там же] (курсив наш. – В. П.). Отсюда, во-вторых, речь вообще и слово в частности – носитель смысла, инструмент представления духовной потребности, но одновременно и средство ее воплощения, «явление смысла». В-третьих, и индивидуальный способ познания вещи, и средство его представления

используются индивидом в определенной конкретной ситуации коммуникации (или самопознания) с целью вербализации актуального личностного смысла. «Понятое слово», *присвоенное значение* слова, то есть встроенное в систему смыслов индивида, выполняет одновременно функцию представления и конкретного личностного смысла, и «немною создаваемого» *способа познания*. Последний дан индивиду как ассоциативное соотнесение комплекса понятий, находящихся в предикативных отношениях, с определенным звуковым комплексом.

Именно поэтому, «наряду с неразложимым единством», слово способно вызывать «целый мир многообразных внутренних отношений», отражающих системы индивидуальных смысловых связей, стоящих за словом. Все эти положения соотносятся с основами теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, в которой противопоставлены психологическое значение и личностный смысл, акцентированы субъективность речевой деятельности и одновременно ее обусловленность конкретной коммуникативной ситуацией. Ситуативная обусловленность речи по сути определяет ее деятельностный характер. Методология ее познания детерминирована восхождением к одному теоретическому источнику, задавшему деятельностный принцип бытия человека в мире и его познания, – идеям немецкой классической философии (прежде всего И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля) и их реализации в лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта, разработавшего учение о ВФЯ, воспринятое П. Флоренским, А. А. Потемной и др.

При исследовании понятия ВФЯ и его приложимости к изучению речевого действия методологически важны такие положения П. Флоренского. (1) Фиксация во внешней форме слова его внутренней *противоречивости*, *антиномичности структурной и функциональной* сторон, «проработанной человеческим духом», то есть осознанной когнитивной операции, в результате которой психологически актуальный личностный смысл встраивается в стабильную структуру слова «как факта языка, существующего до меня и помимо меня, вне того или другого случая применения» [там же]. Это следствие (2) *различения внешней и внутренней форм языка*. На описательном уровне «внешняя форма есть тот неизменный, общеобязательный, твердый состав, которым держится всё слово», она условно «навеки неизменная». Никто не может целенаправленно «изменять устойчивую сторону слова и сделать внешнюю форму его индивидуальной, зависящей от лица и случая употребления» [там же], но внешняя форма языка способна постепенно изменяться, и это не индивидуальный произвол употребления,

¹URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-mysli-tom-1/ (дата обращения: 25.11.2025).

а, как отмечает А. А. Потебня¹, «всемирное языковое творчество»: язык так «мало дорожит» своими внешними формами, что позволяет им разрушаться и даже исчезать бесследно – «звук, носящий вещественное значение слов, могут исчезнуть без ущерба для самого значения»; «звук и их соединения, вообще чувственная, внешняя, периферическая сторона, взятая сама по себе, ничего не значит» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 217]. (3) Исключительно психический способ существования ВФЯ: «ее духовная значимость – именно в приспособленности к наличному случаю пользования словом»; «неиндивидуальная внутренняя форма была бы нелепостью»² (курсив наш. – В.П.).

Выделенные положения не противоречат концепциям В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, а также положениям отечественной теории речевой деятельности, согласно которым слово, связывающее воедино внутреннюю и внешнюю формы, не имеет своего непсихологического существования: через слово внутренняя форма, с одной стороны, присваивается индивидом вместе с единицами и структурой языка [Пищальникова, 2015], с другой – способна существовать только в голове каждого конкретного человека в виде личностного смысла как результата осознания познавательной модели. «Высшая объективность мысли», по А. А. Потебне, возникает при ассоциировании личностного смысла, который объективируется в языке, и «средств, создание коих условлено существованием языка»³; – внутренних форм языка как ментальных операций со значениями. Поэтому ВФЯ – по сути установление отношений психологической предикации между познавательной моделью и внешними формами языка. С позиций современной психолингвистики она обуславливается и обеспечивается нейрофизиологическими механизмами мышления, ассоциативная природа которого позволяет модифицировать ВФЯ, обладающую порождающим эффектом в силу закрепленности в ней исторически сложившегося способа познания реальности: «внешняя форма служит общему разуму, а внутренняя – индивидуальному. Следовательно, порождающая сущность внутренней формы языка позволяет осуществлять процессы коммуникации и опираться на язык в продуцировании высказывания. При этом строение внешней формы понимается по-разному, но, вслед за Гумбольдтом, всегда подчеркивается, что

духовная деятельность по созданию языка направлена на то, чтобы «артикулированный звук сделать выражением мысли» [Гумбольдт, 1984, с. 15] Таким образом, ВФЯ фактически находится за пределами языка. Поэтому, например, фонема понимается как не просто компонент физической оболочки слова, а как сложный психофизиологический феномен. Он образован взаимодействием артикуляционных и слуховых усилий индивида, которые мотивированы необходимостью отделить данное знание о мире от любого другого путем его номинирования. «Фонема слова есть... символ морфемы, как морфема – символ семемы»⁴. С этим можно согласиться, если считать, что выделенные философом компоненты структуры слова являются абстракциями разного порядка и только в этом смысле они могут быть «символами» друг друга. Это подтверждается другим высказыванием П. Флоренского: «Если в фонеме нужно видеть духовную реакцию на впечатления, и, следовательно, процесс, которым осознается ощущение, то морфема есть духовная реакция на уже сознанное ощущение и, следовательно, процесс, которым образуется понятие-представление; наконец, семема, как духовная реакция на последнее, служит образованию идеи» [там же], то есть связь между тремя структурными компонентами слова не случайна. Г. Г. Шпет тоже подчеркивал, что в «артикулированном звуке» воплощается познавательная интенция человека, а в «артикулированном чувстве» представляется ВФЯ [Шпет, 2006, с. 47]. Более последовательно эта мысль высказана А. А. Потебней: «Всякому продукту отвлечения необходимо свойственно заключаться в каждой из единиц, бывших исходными точками отвлечения, и быть общим всем этим единицам»; но исходные компоненты, порождающие в результате взаимодействия «продукт» отвлечения, не представлены в нем, потому что они уже обобщены и находятся на более высокой, по сравнению с исходной, степени абстракции: «в последующем слове... заключено всегда не предшествующее слово, а лишь отношение к нему»⁵. Поскольку многочисленные результаты семантического и этимологического анализа доказывают правомерность изложенных позиций, из сказанного можно сделать вывод, что человек, психологически присваивая слово, присваивает и ВФЯ как предикацию ментальных образований *разного уровня абстракции*. Осознанное использование языка предполагает способность формировать и представлять смыслы

¹URL: philologos.narod.ru/classics/zvegintzev.htm (дата обращения: 25.11.2025).

²URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-mysli-tom-1/ (дата обращения: 25.11.2025).

³URL: philologos.narod.ru/classics/zvegintzev.htm (дата обращения: 25.11.2025).

⁴URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-mysli-tom-1/ (дата обращения: 25.11.2025).

⁵URL: philologos.narod.ru/classics/zvegintzev.htm (дата обращения: 25.11.2025).

на основе предикации между собой разных ВФЯ и ВФЯ с внешними формами. Носитель языка не осмысливает ВФЯ, поскольку она дана «лишь в разрозненных своих действиях» и может быть осознанно представлена только «в мертвом общем понятии» [Гумбольдт, 1984, с. 14], которое отображает типичный способ объединения в одной модели абстракций, представляющих отношение субъекта и действительности. Это один из определяющих моментов концепции В. фон Гумбольдта о ВФЯ, который акцентирован Г. Г. Шпетом: «...так как в понятие формы языка никакая частность не входит, как изолированный факт она всегда принимается лишь постольку, поскольку в ней открывается метод образования языка» [Шпет, 2006, с. 14]. Но точнее других выразил гумбольдтовское понимание ВФЯ П. Флоренский, который рассматривал ВФЯ как «подведение наличных психических данностей под некоторое общее понятие»¹, т. е. интегрирование неких ментальных образований (как бы их ни называть) в единую структуру, в познавательную модель, в которой заданы доминирующие отношения между этими образованиями, когда «ощущение отрывается от слепой своей данности и подвергается категориальному синтезу, <...> выражающему закон или норму бытия»² (курсив наш. – В. П.). Это положение объясняет актуализацию ВФЯ при функционировании слова. Когда индивид пользуется словом, то он, по сути, соотносит совокупность своих наличных психических данных со стабильной ВФЯ, фиксированной в слове. В результате степень совпадения личностного смысла (того, который возникает в коммуникации здесь и сейчас) с используемым значением слова может быть различной, но практически никогда личностный смысл и значение не тождественны, а модификация смыслов возможна именно потому, что ВФЯ / слова сохраняет свою стабильность. Она-то и служит основой понимания речи. И именно степень абстрактности ВФЯ объясняется «безусловная непринудительность семемы», на которой настаивает П. Флоренский, ибо *смысл* функционирующего слова, как представляется, только *направляется*, но не *исчерпывается* ею, будучи функцией двух производных – реальной ситуации и состояния субъекта. Здесь проявляется порождающая функция внутренних форм языка как специфических ментальных структур, состоящих из базовых понятий и определяющих характер функционирования языка как системы.

¹URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-mysli-tom-1/ (дата обращения: 25.11.2025).

²URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-mysli-tom-1/ (дата обращения: 25.11.2025).

В речевой деятельности, направленной на порождение и представление личностных смыслов, индивидуально комбинируются, взаимодействуют, интегрируются сложившиеся ВФЯ и фиксируются в различных внешних формах, причем если внешняя форма не вполне отражает нужную индивиду *интеграцию* ВФЯ, порождаются внешние окказиональные формы, в которых взаимодействие ВФЯ представлено очевиднее (*гденьги, мучебные* (занятия), *пледовитая, котастрофа, хвастограмм*).

Психолингвистически между внутренней и внешней формами устанавливаются стабильные, но ассоциативные отношения, которые актуализируются и воплощаются в речевом действии. И поэтому ситуативно можно интегрировать внутренние формы между собой за счет разных операций с внешними формами. Однако принципиально иной, не характерной ранее для языка ВФЯ не порождается (В. фон Гумбольдт: нет языков с несложившейся ВФЯ); другое дело, что не исключено историческое становление *контаминированных* ВФЯ. Поэтому теоретически можно установить некий приблизительный перечень типов ВФЯ, в том числе, преобладающих. Они выявляются, например, при анализе оснований ассоциирования в свободном АЭ [Адамова, 2022; Панарина, 2019; Пищальникова, 2019; Степыкин, 2021].

Таким образом, ВФЯ – способ выражения понятия, зафиксированный во внешней форме, «некоторый конкретный принцип, образующий язык» [Шпет, 2006, с. 61]. ВФЯ как эпистемологическое понятие соотносится с психологическим значением Л. С. Выготского в теории деятельности, понимаемым как совокупность всего психологически актуального содержания, связанного со словом. (Сравним с положением П. Флоренского: он называет содержанием слова «все то, что осадилось с течением веков на внешней форме, хотя и не оставляя вещественных или иных извне учитываемых следов»³, т. е. все соотносимые со словом ассоциации, в том числе эмоционального порядка. Отсюда проистекает и способность слова актуализировать свои потенциальные ассоциативные связи, которые изменяются со временем его бытования.)

Но каждая дисциплинарная концепция создает свою терминологическую систему, например, в лингвистике лексическое значение – это по сути совокупность семантических признаков, отличающих одно слово от другого. Такие признаки активизируются в словообразовательных процессах, в которых задача внутренней формы слова, понимаемой, вслед А. А. Потемной, как этимон слова, – *мотивировать семантику слова*.

³URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-mysli-tom-1/ (дата обращения: 25.11.2025).

Моделирование внутренней формы языка / слова на материале вербальных ассоциаций

В акте речесмыслопорождения базовым компонентом является слово как посредник между миром внутренним и внешним, который буквально воплощает ВФЯ в звуки, что позволяет «уловить», описать характер предикторирования между различными внутренними формами. Психологическое предикторирование предполагает обязательное установление многомерных ассоциативных связей между словами и между составляющими их элементами. Если ВФЯ не присвоена носителем языка (а такое присвоение возможно только в силу постоянной усложняющейся коммуникативной деятельности и постижения отношений между внешними формами языка), невозможно научиться «думать на языке», чувствовать язык, т. е. понимать пределы возможной вариативности внутренней и внешней форм в зависимости от задач и условий коммуникации. Конечно, можно овладеть определенной совокупностью внешних форм языка и осуществлять «нормальную» обыденную коммуникацию, воспроизводя готовые стандартные формы в типичных ситуациях, но в этом случае, по словам Э. Сепира, мы будем использовать язык как «орудие, первоначально предназначенное для использования на уровне более низком, чем уровень концептуальных структур», «словно бы динамо-машину, способную производить достаточно энергии для приведения в действие элеватора, использовали только для того, чтобы привести в действие электрический звонок» [Сепир, 1993, с. 36]. В таком употреблении не проявляется ВФЯ, сконцентрировавшая в себе *логически эффективный способ освоения действительности*; а если такой способ не стал неосознаваемой операцией мышления, язык не используется и как порождающий когнитивный механизм, на основе которого продуцируются субъективные смыслы как переживание коммуникативной ситуации. Будучи естественным семиотическим образованием, язык функционирует и присваивается индивидами как система взаимозависимых *языковых операций*. Смыслы, продуцируемые в процессе речевой деятельности, опираются на внутренние формы слов, но одновременно и постепенно разрушают их, поскольку актуальные ассоциативные связи все более уводят слово от его исторически сложившейся внутренней формы: «семема способна беспредельно расширяться, изменяя строение соотносенных в ней духовных элементов»; она *условно стабилизирует* текущий личностный смысл, но только в рамках конкретного

речевого действия, хотя и в его пределах может пониматься по-разному, поскольку «каждый из нас придает пластичной семеме слова свое, *сообразное потребности данного случая* значение»¹ (курсив наш. – В. П.). Внешние формы только указывают на ВФЯ, актуализируют те, на которые опирается индивид в процессе речесмыслопорождения, которое не осуществляется, если внутренние формы языка не взаимодействуют, т. е. если нет «сомыслия», если «впечатление ... остается неопределенным категориально»² [там же]. Такое «сомыслие» возможно, по П. Флоренскому, потому что этимон, или «ближайшее этимологическое значение слова», «объективное значение слова»³, всегда представляет какой-то один признак, положенный в основу номинации слова. Даже если этимон не является «живым» для носителей языка, а утрата его психологической актуальности – закономерный процесс в развитии языка, связь этимонов не теряется: она зафиксирована в системе лексических отношений и связанных с ней грамматических категорий.

Тогда в любом акте предикации (психологически по сути акте ассоциирования) говорящий оперирует различными внутренними формами, постоянно устанавливает связь между ними на основе признака, актуального для индивида в данном речевом действии; он может быть действительно общим свойством сопоставляемых сущностей, но часто задается субъективно. Психологически это возможно потому, что ВФЯ – устойчивое ментальное образование, в котором его компоненты – понятия отражают *соотношение познанных свойств предмета* с формальными значениями и устойчивыми звуковыми комплексами. И, таким образом, ментальное оперирование внутренними формами, ассоциированными с внешними, – это постоянный процесс, проявляющийся как речесмыслопорождение. Внутренние формы языка могут вступать в самые различные отношения с другими ВФЯ, поскольку их ассоциирование принципиально возможно на основе любого субъективно актуального признака, характерного для взаимодействующих форм. В результате такого взаимодействия возникают признаки более высокой степени абстракции, которые становятся «основанием сравнения» для другого взаимодействия – и так без конца: «Хотя для слова звук так необходим, что без него смысл слова был бы для нас недоступен, *но он указывает*

¹URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/u-vodorazdelov-mysli-tom-1/(дата обращения: 25.11.2025).

²Там же.

³URL: philologos.narod.ru/classics/zvegentzev.htm(дата обращения: 25.11.2025).

на значение не сам по себе, а потому, что прежде имел другое значение»¹.

Материал свободного АЭ помогает увидеть, как в реальных процессах речесмыслорождения осуществляется модификация ВФЯ, поскольку любое направление ассоциирования / предцирования представлено в отношении стимул – реакция. Исследуя *основания ассоциирования*, можно с большой степенью вероятности восстановить основную систему понятий, входящих во внутреннюю форму слова-стимула.

Для примера возьмем АП *счастье*, в силу объема статьи ограничив представление его состава реакциями, большими 2 по частотности: радость 42, семья 34, жизнь 33, улыбка 33, дом 9, солнце 9, спокойствие 9, тишина 9, друзья 8, любовь 8, успех 8, мечта 7, цель 7, удача 6, есть, в мелочах 5, деньги 4, мелочи 4, мое 4, не в деньгах 4, рядом 4, счастье 4, тепло 4, happy 3, безграничное 3, безопасность 3, будущее 3, в любви 3, дети 3, индивидуально 3, мимолетное 3, нет 3, отдых 3, покой 3, работа 3, сердце 3, смех 3, смысл 3, умиротворение 3 ... В целом статистика по АП *счастье* такова: всего реакций 802, из них 302 разные, 227 единичные, 20 – отказы от ассоциирования [Пищальникова, 2024]. (Отметим, однако, что анализ именно единичных реакций наиболее очевидно демонстрирует потенциальные пути изменения внутренней формы слова. Им должна быть посвящена отдельная работа). Выделим наиболее частотный признак ассоциирования (предикацию между стимулом и реакцией): *условие проявления счастья*: жизнь 33, здоровье 8, друзья 8, успех 8, удача 6, деньги 4, безопасность 3, отдых 3, покой 3, работа 3, дети 3... (индекс частотности с учетом единичных реакций ~0,14). Выделенный признак не фиксирует содержательных представлений о счастье, и это показательно: слово представляет собой неформализуемое обозначение внутреннего состояния – абстракцию высшего порядка, которая для носителя языка должна быть связана с осязаемыми условиями ее чувствования. Ядерные же признаки счастья как *эмоционального состояния* таковы: радость 42, спокойствие 9, любовь 8, счастье 4, в любви 3...; они фиксируют представление индивидов о чувстве высшей степени душевной удовлетворенности жизнью (индекс частотности с учетом единичных реакций 0,1). Высокая частотность этого признака свидетельствует о его ядерности в системе значения слова и, следовательно, о значимости соотносимого с этим словом синкретичного понятия, в составе которого можно выделить абстрактные признаки

¹URL: philologos.narod.ru/classics/zvegintzev.htm (дата обращения: 25.11.2025).

«душевное состояние субъекта», «удовлетворенность», «высшая степень», находящиеся в отношениях иерархии и отличающих «счастье» от любого другого понятия. Они являются основой внутренней формы этого слова, сохраняются в любом акте предикации, свидетельствуя о его неосознаваемости. Далее могут быть выделены признаки *физическое внешнее проявление счастья*: улыбка 33, смех 3...; *нереализованность*: цель 7, мечта 7, в будущем 3; *степень чувства*: безграничное 3, мимолетное 3... и др. Эти и другие периферические признаки, различные по степени психологической актуальности для индивидов, невозможны без операциональной актуализации ядерных, составляющих внутреннюю форму слова. Они указывают на ВФЯ, но смысл ее всегда формируется как предикация ВФЯ с условиями ее обнаружения, «способом проявления». Именно эти условия в историческом существовании слова способны повлиять на ядерные признаки слова, например, под влиянием сильнейших тенденций «физикализации» ощущений в современных СМИ и цифровом информационном пространстве (*вкусная музыка, вкусный цвет, деликатная голубика*) гипотетически может быть устранен из понимания счастья признак «духовный» (причины расширения или сужения значения в истории языка многообразны и стохастичны).

Числовые показатели (индексы), введенные для измерения количественных отношений между ассоциатами в АП и между стимулами и реакциями, детально представлены, например, в нашей работе [Пищальникова, 2025]; здесь же подчеркнем, что они могут показать наличие даже слабо выраженной тенденции к модификации внутренней формы слова, например, в количестве оснований предцирования по отношению к тому или иному стимулу (индекс признаков ассоциирования). Каждый стимул имеет определенное количество признаков ассоциирования, и чем их больше, тем более активно расширяется периферическая область предикации стимула, тем больше потенциальных возможностей к модификации внутренней формы слова. Так, в АП *бабушка* мы выделили 12 признаков ассоциирования, включая неоднозначно интерпретируемые реакции, в АП *счастье* – 17. Кроме того, значимость даже совпадающих признаков существенно неодинакова в разных АП. Например, в АП *бабушка* 204 реакции из 600 актуализируют признак «антонимическое отношение лексем», тогда как в АП *счастье* этот признак представлен только одной реакцией *несчастье*. Этот индекс верифицируется другими, скажем, показателем частотности реализации определенного типа психологической

предикации. В этом случае индекс указывает, по сути, на устойчивость того или иного компонента внутренней формы слова: чем он выше, тем стабильнее место понятия в структуре ВФЯ, например, в АП *бабушка* индекс реализации признака «возраст» равен 0,238, «положительные свойства характера» – 0,32, «эмоционально-оценочное отношение к объекту предикации» – 0,28, что указывает на потенциально разные возможности развития предикации по этим признакам и, следовательно, на неодинаковую вероятность изменения компонентов внутренней формы слова, связанной с этими признаками. Индексы реализации признака «условие проявления счастья» и «эмоциональное состояние» в АП *счастье* соответственно равны 0,3 и 0,2, что тоже свидетельствует о различных потенциальных возможностях развития предикации на их основе. Индекс разнообразия реализации признака ассоциирования коррелирует с предыдущим, демонстрируя устойчивость / нестабильность определенных компонентов ВФЯ. Таким образом, внутренняя форма слова реализуется в системе предикативных отношений между стимулом и ассоциатом, представленной в АП слова, и моделируется при анализе этой системы. В анализе АП устанавливается потенциально допустимая возможность модификации внутренней формы слова, потому что

предикация – это активный деятельностный процесс активизации личностных смыслов.

Заключение

Связь между внутренними формами языка и способами их вербального представления активируется в речевом действии на основе мотивированного отношения субъекта к действительности. Речевое действие – операциональный процесс, но степень операциональности может быть различной и, в частности, определяется частотностью воспроизведения того или иного вида предикации, реализующейся в разных вербальных ассоциатах. Слово функционирующего языка становится в этом неосознаваемом процессе одновременно воплощением предикации и личностного смысла как его результата, поэтому в реальном функционировании языка внешние и внутренние формы его практически тождественны. Тогда исследование характера признаков предикации, актуальных в речевых действиях, может стать основой для моделирования содержательных компонентов ВФЯ, а применение в анализе ассоциативных данных количественных показателей – индексов, выражающих отношения между стимулом и реакциями и между ассоциатами в составе АП, – способно уточнить и детализировать приемы такого моделирования.

Список источников

1. Пищальникова В. А. Индексы ассоциативного поля как параметры исследования речевого действия: к становлению метода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 19–27.
2. Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. 2021. № 8. С. 112–127. DOI 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127.
3. Степыкин Н. И. Количество опосредований и ассоциативная сила опосредования как параметры анализа речевого действия // Этнопсихоллингвистика. 2024. № 3 (18). С. 46–55. DOI 10.31249/epl/2024.03.03.
4. Пищальникова В. А. Изменение характера предикирования в речевом действии: экспериментальное исследование / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 3. С. 43–61. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
6. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958.
7. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта. 3-е изд. М.: КомКнига, 2006.
8. Флоренский П. У водоразделов мысли. М.: Директ-Медиа, 2012. Т. 1.
9. Биbihин В. В. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях // Языковая практика и теория языка. М.: МГУ, 1978. С. 52–69.
10. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1–2. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
11. Пищальникова В. А. Внутренняя форма языка и внутренняя форма слова (К 150-летию со дня рождения А. А. Потебни) // Русский язык в школе. 2015. № 9. С. 47–52.
12. Адамова З. Г. Принципы этнопсихоллингвистического исследования сознания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 64–69.
13. Панарина Н. С. Возможность применения психоллингвистических методов к анализу динамики прецедентного высказывания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (820). С. 23–37.

14. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23, № 3. С. 749–761.
15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, Изд. группа «Универс», 1993.
16. Интерактивная карта базовых ценностей Российской Федерации / В. А. Пищальникова, З. Г. Адамова, Н. И. Степыкин, В. В. Изюмская-Капитонова // База данных. Номер свидетельства: RU 2024626348. Дата публикации: 25.12.2024.

References

1. Pishhal'nikova, V. A. (2025). Associative Field Indexes as Parameters of Speech Action Research: Towards the Formation of a Method. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(902), 19–27. (In Russ.)
2. Stepykin, N. I. (2021). Potential of using formalized parameters for modeling speech action. *Scientific Dialogue*, 8, 112–127. DOI 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127. (In Russ.)
3. Stepykin, N. I. (2024). Number of mediators and the association mediated strength as parameters of speech action analysis. *Ethnopsycholinguistics*, 3(18), 46–55. DOI 10.31249/epl/2024.03.03. (In Russ.)
4. Pishhal'nikova, V. A., Stepykin, N. I. (2025). Changing the nature of predication in speech acts: an experimental study. *Scientific Dialogue*, 14(3), 43–61. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61. (In Russ.)
5. Humboldt, W. von (1984). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*. [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress. (In Russ.)
6. Potebnya, A. A. (1958). *Iz zapisok po russkoi grammatike*. [From Notes on Russian Grammar] (vols. 1–2). Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)
7. Shpet, G. G. (2006). *Vnutrennyaya forma slova. Ehtyudy i variatsii na temy Gumbol'dta*. [The Inner Form of Word. Etudes and Variations on Humboldt's Themes]. 3rd ed. Moscow: KomKniga. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
8. Florenskii, P. (2012). *U vodorazdelov mysli* [At the Watersheds of Thought] (vol. 1). Moscow: Direct Media. (In Russ.)
9. Bibikhin, V. V. (1978). Printsip vnutrennei formy i reduksionizm v semanticheskikh issledovaniyakh. [The principle of internal form and reductionism in semantic studies]. In *Yazykovaya praktika i teoriya yazyka* (pp. 52–69). [Moscow: Moscow State University]. (In Russ.)
10. Baudouin de Courtenay, I. A. (1963). *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu*. [Selected works on general linguistics] (vols. 1–2). Moscow: AN SSSR. (In Russ.)
11. Pishhal'nikova, V. A. (2015). *Vnutrennyaya forma yazyka i vnutrennyaya forma slova (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Potebni)*. [The Internal Form of Language and the Internal Form of the Word (On the 150th Anniversary of A. A. Potebnya's Birth)]. *Russian language at school*, 9, 47–52. (In Russ.)
12. Adamova, Z. G. (2022). Principles of ethnopsycholinguistic study of consciousness. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(861), 64–69. (In Russ.)
13. Panarina, N. S. (2019). Psycholinguistic methods of analysing the dynamics of Precedent propositions. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(820), 23–37. (In Russ.)
14. Pishhal'nikova, V. A. (2019). Interpretatsiya assotsiativnykh dannykh kak problema metodologii psikholingvistiki. [Interpretation of associative data as a problem of psycholinguistics methodology]. *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 749–761. (In Russ.)
15. Sapir, E. (1993). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii*. [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow: Progress, Izdatelskaya gruppa "Univers". (In Russ.)
16. Pishhal'nikova, V. A., Adamova, Z. G., Stepy'kin, N. I., Izyumskaya-Kapitonova, V. V. (2024). Interactive map of the basic values of the Russian Federation. Database. Certificate number: RU 2024626348. Publication date: 25.12.2024. (In Russ.)

Информация об авторе

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
главный научный сотрудник ИНИОН РАН
заведующий лабораторией психолингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Pishchalnikova Vera Anatolyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Head of the Laboratory of Psycholinguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	23.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Концепт «безопасность» в ментальном лексиконе

Н. И. Степыкин

*Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nick1086@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – развернутое определение психологически релевантного содержания концепта «безопасность». Материал исследования – данные опроса, ранжирования и свободного ассоциативного эксперимента, полученные в результате исследования 2024 года в девяти городах в рамках разработки интерактивной карты базовых ценностей России. Результаты различных экспериментов взаимодополняют и верифицируют друг друга. Испытуемые из самых разных городов России демонстрируют универсальное восприятие базовой ценности «безопасность». Некоторая специфика проявляется в единичных реакциях жителей приграничных регионов.

Ключевые слова: ментальный лексикон, свободный ассоциативный эксперимент, стимул, реакция, концепт, безопасность

Для цитирования: Степыкин Н. И. Психологически актуальное содержание концепта «безопасность» в ментальном лексиконе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 41–48.

Original article

The Concept of “Security” in the Mental Lexicon

Nikolay I. Stepykin

*National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nick1086@mail.ru*

Abstract. The study focuses on psychologically meaningful content of the concept of “security.” The study conducted in nine cities as part of the development of an interactive map of Russia’s core values is based on a survey, a ranking, and a free association test. The experimental data obtained by these methods complement and verify each other, demonstrating the universal perception of the core value of “security” by participants from different Russian cities. Some specificity is evident in the individual reactions of border region residents.

Keywords: mental lexicon, free association test, stimulus, response, concept, security

For citation: Stepykin, N. I. (2026). The psychologically relevant content of the concept of “security” in the mental lexicon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 41–48. (In Russ.)

Введение

Одним из актуальных направлений современной психолингвистики является изучение структуры и содержания базовых концептов в ментальном лексиконе носителей различных языков и культур. Безопасность входит в состав базовых концептов, которые детерминирует экономическую, социальную, политическую и духовную сферы человеческой жизни. В настоящее время в условиях возрастающего внешнего санкционного и военно-политического давления на российское государство и общество, изучение концепта «безопасность» приобретает особую актуальность.

Понятие «концепт» по-разному используется и интерпретируется в зависимости от исследовательской парадигмы, что определяет большое количество конкретных методик его толкования. В нашем исследовании акцентируется психолингвистический аспект *ценностного* концепта как модели порождения и актуализации смысла, являющейся единицей анализа структуры и содержания ментального лексикона и одновременно его базовым компонентом. Поэтому характер формирования и репрезентации смысла во многом детерминирует структуру и содержание ментального лексикона, обуславливая способы хранения, организации, доступа и извлечения слов из ассоциативно-вербальной сети [Aitchison, 2003; Zock, 2020; Овчинникова, 2018].

Ментальный лексикон – это не пассивное «хранилище» концептов, а сложная динамическая сеть распределительной активации смыслов. Они в значительной мере определяются мотивом и условиями речевой деятельности [Collins, 1975; Bender de Sousa, 2015; Cognitive modelling of concepts in the mental lexicon with multilayer networks, 2024]. Механизмы речевой деятельности фиксируются в сетевых моделях речепорождения распределительной активации [Dell, 1986; Morsella, 2002; Schwartz, 2018].

Размышляя о сущности ментального лексикона, А. А. Залевская подчеркивает, что «для понимания сути связанных с ментальным лексиконом конструкций, метафор и мифов принципиально важна разработка методологических принципов исследования ментального лексикона как достояния индивида, отвечающих современному научному уровню знаний о специфике обсуждаемого феномена» [Zalovskaja, 2014, с. 38–39] (курсив наш. – Н.С.). Это возможно, на наш взгляд, при условии выявления характера связей стимула и реакции – вербальных структур, которые, однако, испытывают на себе воздействие невербальных структур – взаимопересекающихся когнитивных, эмотивных и языковых

параметров, *актуализированных в ассоциативных связях*. Эти связи детерминируют способ вхождения в триединый контекст внутреннего лексикона [Залевская, 1982].

Для достижения поставленной цели необходим холистический подход к объекту исследования. Он позволяет определить сущностные, а не формальные характеристики концепта как базовой составляющей ценностной картины мира и единицы ментального лексикона. Для ее научного описания требуется комплекс общетеоретических методов – от наблюдения до анализа и синтеза. Основные принципы исследования структуры и содержания сущностей ментального характера можно свести к следующим: междисциплинарность [Пищальникова, 2020; Новые тенденции восприятия, 2024; Умарова, 2025], квантитативность [Cognitive network science, 2019; Степыкин, 2021; Исследование динамики ментального лексикона по данным свободного ассоциативного эксперимента, 2023], интерпретативность [Rudin, 2019; Пищальникова, 2019], ориентированность на индивида [Bryson, 2019]. Применяемая нами комплексная методика включает опрос, ранжирование, проведение массового свободного ассоциативного эксперимента, обработку его результатов и сопоставление полученных данных. Опрос направлен на установление содержания и значимости ценности «безопасность» для жителей РФ среди других 35 ценностей. Ранжирование проводится с целью верификации данных опроса и определения места безопасности в иерархии базовых ценностей россиян. Свободный ассоциативный эксперимент позволяет выявить актуальные смыслы, реализуемые в речевом действии как предикации между стимулом и реакцией. Сочетание перечисленных методов полностью соответствует обозначенным выше принципам исследования ментального лексикона. Данные, полученные в результате проведенных экспериментов, во-первых, сопоставляются по определенным количественным параметрам, релевантным для установления сущностных характеристик ценностных концептов, во-вторых, позволяют устанавливать смысловую специфику производимых индивидами речевых действий, в-третьих, демонстрируют различную степень осознанности речевых действий.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) определить значимость ценностного концепта «безопасность» по данным опроса и эксперимента на ранжирование; 2) установить иерархию смысловых компонентов, детерминирующих психологически актуальное содержание концепта «безопасность» в ментальном лексиконе.

Актуальность исследования определяется устойчивым интересом отечественных и зарубежных ученых к содержанию базовых ценностных концептов представителей различных лингвокультур. Кроме того, в настоящее время наблюдается повышенное внимание руководства страны к сохранению и укреплению российских ценностей (Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»).

Концепт «безопасность» как один из важнейших культурных концептов определяет функционирование каждого общества. Моделирование структуры и содержания вышеозначенного концепта позволяет установить содержание и закономерности изменения образа мира индивида, принадлежащего к определенной лингвокультуре. Кроме того, комплексное изучение концепта «безопасность» как одного из базовых ментальных образований может служить дальнейшему теоретическому осмыслению понятия «металльный лексикон» в его связи с параллельными языковыми структурами.

Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые проведен комплексный анализ ценностного концепта «безопасность», установлено его место в системе ценностей российского общества, а также выявлена иерархия смысловых компонентов, определяющих содержание концепта «безопасность» в ментальном лексиконе россиян.

Исследование проводилось в 2024 году в 9 городах РФ (Москва, Тверь, Курск, Брянск, Киров, Барнаул, Якутск, Мирный и Нерюнгри). Подробное описание последовательно проведенных нами экспериментальных процедур представлено в работе, посвященной ценности «любовь» [Степыкин, 2025].

Значимость ценностного концепта «безопасность» по данным опроса и эксперимента на ранжирование

В опросе приняло участие более 3000 человек, преимущественно студенты российских вузов. Средний возраст респондентов – 20 лет. Результаты проведенного опроса в каждом из обследованных городов показывают, что безопасность занимает важнейшее место в системе ценностей российского общества (табл. 1).

Количество респондентов, включивших «безопасность» в список 10 важнейших ценностей, варьируется от 49,4% (Москва) до 64% (Нерюнгри); среднее значение – 58,4%. Но эти процентные показатели весьма условно характеризуют место безопасности в системе ценностей испытуемых. С целью верификации данных опроса, а также для установления степени значимости концепта «безопасность» на втором этапе исследования был проведен эксперимент на ранжирование, предполагающий выявление *весомости* и присвоение соответствующего *ранга* для каждой ценности. В эксперименте на ранжирование приняли участие

Таблица 1

Значимость базовой ценности «безопасность». Результаты опроса

Город	Доля опрошенных, выбравших безопасность в списке из 35 базовых ценностей, %	Место в списке по итогам опроса
Москва	49,4	7
Тверь	57,4	5
Курск	62,5	5
Брянск	56,2	6
Киров	54,7	6
Барнаул	59,5	4
Мирный	60,6	5
Нерюнги	64	3
Якутск	61,3	5

Ранжирование базовой ценности «безопасность»

Город	Весомость ценности в общем списке	Результирующий ранг
Москва	0,001	9
Тверь	0,007	7
Курск	0,007	5
Брянск	0,002	9
Киров	0,005	5
Барнаул	0,001	8
Мирный	0,014	7
Нерюнгги	0,007	7
Якутск	0,016	7

более 3 000 испытуемых в возрасте от 17 до 55 лет; средний возраст участников эксперимента – 21 год (табл. 2).

Из таблицы следует, что данные опроса о важности безопасности для респондентов в целом коррелируют с результатами ранжирования. Это свидетельствует о необходимости использования разных исследовательских процедур для получения валидной иерархии ценностной системы. Представляется, что незначительные расхождения данных обусловлены различными задачами опроса и ранжирования: опрос показывает долю респондентов, выбравших безопасность как одну из десяти важнейших ценностей, а ранжирование демонстрирует степень значимости безопасности для них.

Моделирование содержания ценностного концепта «безопасность» по данным свободного ассоциативного эксперимента

Данные свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), цель которого – определить психологически актуальное содержание концепта «безопасность» в ментальном лексиконе, представлены в ассоциативных полях (АП), сформированных по широко распространенной методике. АП демонстрирует вероятностный характер различных траекторий порождения и актуализации смыслов, связанных со словом «безопасность». В САЭ приняли участие более 3 000 испытуемых, средний возраст их – 22 года. Приведем фрагмент АП «безопасность» (Москва, более 800 испытуемых), исключив единичные реакции: дом 137, спокойствие 37,

защита 29, семья 23, комфорт 18, замок 16, мир 15, жизнедеятельности 13, полиция 9, уверенность 9, защищенность 8, важно 8, надёжность 8, охрана 8, ремень 8, информационная 7, ОБЖ 7, превыше всего 7, свобода 7, безопасность 6, важна 6, доверие 6, мама 6, правила 5, приоритет 5, ремни безопасности 5, армия 4, важность 4, государство 4, жизнь 4, необходима 4, одеяло 4, опасность 4, оружие 4, отсутствует 4, покой 4, щит 4, дверь 3, жизнедеятельность 3, жизни 3, здоровье 3, квартира 3, любовь 3, муж 3, необходимость 3, нужна 3, объятия 3, огнетушитель 3, ответственность 3, охранник 3, пароль 3, сила 3, служба 3, сохранность 3, стабильность 3, тишина 3, уют 3, ФСБ 3, абсолютная 2, БЖД 2, бронжилет 2, бункер 2, главное 2, дома 2, дорога 2, есть 2, забор 2, забота 2, контроль 2, красный 2, кровать 2, личная 2, машина 2, мнима 2, мужчина 2, нарушена 2, насилие 2, одиночество 2, опасная 2, осторожность 2, отец 2, относительно 2, папа 2, потребность 2, правило 2, родители 2, Россия 2, светофор 2, сейф 2, сон 2, страховка 2, цель 2, я 2, secure 2, security 2...

Самая частотная реакция москвичей на стимул *безопасность* – дом с вероятностью актуализации 17,1%; другие реакции выявляют иные признаки ассоциирования: безопасность – это

- **защищенность:** спокойствие (4,6%), защита (3,6%), мир (1,9%), надёжность (1%), защищенность (1%);
- **источник комфорта:** комфорт (2,3%), уют (0,4%), уверенность (1,1%), тишина (0,3%);
- **средство защиты:** дверь (0,4%), замок (2%), ремень (1%), ремни безопасности (0,6%), пароль (0,3%), забор (0,25%), светофор (0,25%), сейф (0,25%), закрытый замок,

антивирус, бита, защита в интернете, знак, презерватив, сигнализация, камеры, код, крупнокалиберный дробовик, перцовка, перцовый баллончик, пистолет, подушки, подушки безопасности;

- **люди, обеспечивающие безопасность:** семья (2,9%): муж (0,4%), родители (0,25%), мама (0,8%), папа (0,25%), отец (0,25%);
- **безопасные отношения:** доверие (0,8%), покой (0,5%), любовь (0,4%), забота (0,25%);
- **службы и спецсредства обеспечения безопасности:** полиция (1,1%), охрана (1%), армия (0,5%), оружие (0,5%), щит (0,5%), огнетушитель (0,3%), ФСБ (0,3%), бронжилет (0,25%), бункер (0,25%), больница, ракета, жилет, сирена, убежище;
- **виды безопасности:** информационная безопасность (0,9%); военная, кибер, компьютерная, пожарная и финансовая безопасность;
- **ощущение свободы:** свобода (0,9%);
- значимость безопасности отражена в группе **эмоционально-оценочных реакций:** важно (1%), превыше всего (0,9%), важна (0,75%), приоритет (0,6%), важность (0,5%), необходима (0,4%), необходимость (0,3%), нужна (0,3%), главное (0,25%).

Сравним некоторые данные эксперимента по городам. Большинство реакций жителей Курска и Москвы совпадает по признакам ассоциирования, что свидетельствует о едином восприятии ими базовой ценности *безопасность*. Региональная специфика восприятия безопасности проявляется (1) в различной иерархии ассоциатов (см. данные табл. 3) в составе АП и (2) разнообразии некоторых групп ассоциатов. Это разнообразие обусловлено внешними факторами речевой деятельности: *опасность, армия, страх, сила, укрытие, конец войны, мир во всём мире, мирное небо над головой,*

русский мир, убежище более характерны для курян; речевое действие *безопасность информационная* актуализировалось только у москвичей.

Анализируя реакции жителей Брянска на стимул *безопасность*, отметим, что составы ассоциативных полей, полученных в Курске, Москве и Брянске, незначительно отличаются вероятностью актуализации наиболее частотных ассоциатов (табл. 3).

Специфичные единичные реакции испытуемых Брянска также обусловлены внешними условиями речепорождения (*БПЛА, граница, мирное небо, нет войне, СВО, тревога*).

Во всех обследованных городах ядро АП *безопасность* представлено реакциями *дом* и *спокойствие*, при этом только в Твери ассоциат *спокойствие* оказался более частотным, чем реакция *дом* (5,6% и 4,1% соответственно). В остальных городах вероятность продуцирования реакции *дом* варьирует в диапазоне от 4,1% в Твери до 17,1% в Москве при среднем показателе по всем изученным городам 11,3%. Разброс значений актуализации некоторых частотных реакций таков: *спокойствие* – от 4,6% (Москва) до 9,9% (Киров); средняя вероятность по городам – 6,5%; *комфорт* – от 1% (Барнаул) до 5,6% (Якутск); средняя вероятность 3%; *мир* – от 1,6/1,5% (Барнаул) / (Брянск) до 6,2% (Курск); средняя вероятность по городам – 2,8%; *защита* – от 0,5% (Тверь) до 4,7% (Киров) средняя вероятность по городам – 2%.

Представим данные, отражающие психологически актуальное содержание концепта «безопасность» в ментальном лексиконе жителей обследованных городов России, в таблице 4.

На основе данных таблицы 4 построим диаграмму, демонстрирующую иерархию смысловых компонентов, детерминирующих структуру и содержание изучаемого концепта в ментальном лексиконе россиян (рис. 1).

Таблица 3

Вероятность продуцирования наиболее частотных реакций на стимул *безопасность* (Курск, Москва, Брянск)

Вероятность активации ассоциата (в %)					
Курск		Москва		Брянск	
Дом	13,3	Дом	17,1	Дом	6,2
Мир	6,2	Спокойствие	4,6	Спокойствие	5,6
Спокойствие	5,6	Защита	3,6	Комфорт	3
Жизнь	4,1	Семья	2,9	Полиция	3
Семьи	2,6	Комфорт	2,3	Защита	1,5

Вероятность продуцирования наиболее частотных реакций на стимул *безопасность*

Ассоциат	Вероятность активации реакций (%)							
	Курск	Москва	Брянск	Киров	Барнаул	Якутск	Тверь	Среднее значение по городам
Дом	13,3	17,1	6,2	11,9	10,9	15,6	4,1	11,3
Спокойствие	5,6	4,6	5,6	9,9	6,4	7,8	5,6	6,5
Комфорт	1,5	2,3	3	4,7	1	5,6	2,6	3
Мир	6,2	1,9	1,5	4	1,6	2,1	2	2,8
Полиция	2	1,1	3	1,1	1,9	2,1	0,5	1,7
Защита	1,5	3,6	1,5	4,7	1,6	1	0,5	2
Жизнь / жизни	4,1	1	1,1	1,6	1	2,1	0	1,56
Семья / семьи	2,6	2,9	0,5	0,8	1	2,1	1,5	1,63
Важна / важно	1,5	1	0,5	0,8	1	2,2	1,5	1,2
Охрана	1	1	1,1	0,4	0,6	3,3	0,5	1,1

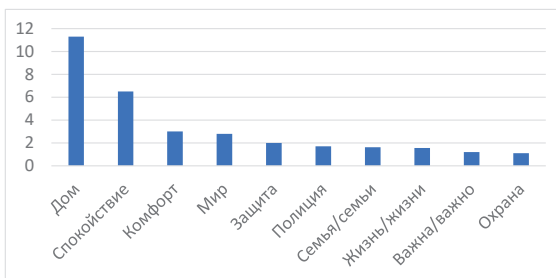

Рис. 1. Иерархия смысловых компонентов, детерминирующих психологически актуальное содержание концепта «безопасность»

Заключение

Сочетание методов выполнения заданий с различной степенью осознанности (опрос, ранжирование и свободный ассоциативный эксперимент) позволяет определить место ценностного концепта «безопасность» в системе базовых аксиологических понятий и моделировать его психологически актуальное содержание в ментальном лексиконе. Данные о доле испытуемых, включивших исследуемую ценность «безопасность» в число десяти важнейших ценностей (58,4%), верифицируются ранжированием, согласно которому жители четырех из девяти обследованных городов отводят ценности 7 ранг, двух – 5 и Москвы – 9. Расчет

индексов среднего значения вероятности актуализации ассоциатов показал значимость реакций *дом* (11,3%), *спокойствие* (5,6%), *комфорт* (3%), *мир* (2,8%), *защита* (2%), *полиция* (1,7%), *семья* (1,63%), *жизнь* (1,56%), *важна* (1,2%), *охрана* (1,1%). Анализ единичных реакций подтвердил выводы об универсальности содержания ценности «безопасность» в различных городах РФ, а также позволил выявить некоторые содержательные особенности (Курск, Брянск).

Осмысление полученных результатов позволило наметить потенциально возможные перспективы исследования.

Во-первых, предложенная схема анализа может быть дополнена интерпретацией индексов пересечения и опосредования ассоциатов и другими количественными параметрами, которые могут способствовать расширению и углублению исследования ценностного концепта «безопасность».

Во-вторых, можно исследовать трансформацию анализируемого концепта, меняя при этом ареальные и темпоральные переменные. Иными словами, можно проследить изменения в содержании концепта «безопасность» за меньший или больший период времени в той или иной лингвокультуре. Анализ изменений, произошедших в структуре и содержании концепта, дает возможность более точно, нежели анализ лексем, моделировать динамические процессы в ментальном лексиконе.

Список источников

1. Aitchison J. Words in the mind: an introduction to the mental lexicon. London: Blackwell, 2003.

- Zock M. Comparison of different lexical resources with respect to the tip-of-the-tongue problem / M. Zock, C. Biemann // *Journal of Cognitive Science*. 2020. Vol. 21. No. 2. P. 193–252.
- Овчинникова И.Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 2 (36). С. 84–98. DOI 10.30982/2077-5911-36-2-84-98.
- Collins A. M. A spreading-activation theory of semantic processing / A. M. Collins, E. F. Loftus // *Psychological Review*. 1975. Vol. 82. P. 407–428.
- Bender de Sousa L. Does the mental lexicon exist? / L. Bender de Sousa, R. Gabriel // *Revista de Estudos da Linguagem*. 2015. Vol. 23. № 2. P. 335–361. DOI 10.17851/2237-2083.23.2.335-361.
- Cognitive modelling of concepts in the mental lexicon with multilayer networks: Insights, advancements, and future challenges / M. Stella, S. Citraro, G. Rossetti et al. // *Psychon Bull Rev*. 2024. Vol. 31. P. 1981–2004. DOI 10.3758/s13423-024-02473-9.
- Dell G. S. A spreading activation theory of retrieval in language production // *Psychological Review*. 1986. Vol. 93. P. 283–321.
- Morsella E. Evidence for a Cascade Model of Lexical Access in Speech Production / E. Morsella, M. Miozzo // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2002. Vol. 28. № 3. P. 555–563. DOI 10.1037/0278-7393.28.3.555.
- Schwartz M. F. Theoretical analysis of word production deficit in adult aphasia // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B*. 2018. Vol. 369. P. 1–10. DOI 10.1098/rstb.2012.0390.
- Zalevskaia A. A. Mental lexicon: construct, metaphor, myth? // *GISAP: Philological Sciences*. 2014. № 8. С. 36–39.
- Залевская А. А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин: Издательство Калининского государственного университета, 1982.
- Пищальникова В. А. Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2020. Вып. 3 (832). С. 20–35.
- Новые тенденции восприятия / Н. Н. Пивкина, О. А. Чеботарева, Е. В. Умарова, М. В. Морозова // *Глобальный научный потенциал*. 2024. № 6 (159). С. 25–28.
- Умарова Е. В. Междисциплинарность как основа современной лингвистики / Е. В. Умарова, О. А. Чеботарева, М. В. Морозова // *II Образцовские чтения: иностранные языки в профессиональном образовании: материалы II Международной научно-практической конференции, Москва, 26–28 марта 2025 г. М.: Академия базовой подготовки РУТ (МИИТ), 2025. С. 52–56.*
- Cognitive network science: A review of research on cognition through the lens of network representations, processes, and dynamics / C. S. Q. Siew, D. U. Wuff, N. M. Beckage, Y. N. Kenett // *Complexity*. 2019. Vol. 2020. № 1. P. 1–24. DOI 10.1155/2019/2108423.
- Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // *Научный диалог*. 2021. № 8. С. 112–127. DOI 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127.
- Исследование динамики ментального лексикона по данным свободного ассоциативного эксперимента / Н. И. Степыкин, Ж. Багана, К. Слободова-Новакова, С. В. Фуникова // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2023. Т. 9. № 2. С. 19–33. DOI 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-2.
- Rudin C. Stop explaining black box machine learning models for high stakes decisions and use interpretable models instead // *Nature machine intelligence*. 2019. Vol. 1. No. 5. P. 206–215. DOI 10.1038/s42256-019-0048-x
- Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 23. № 3. С. 749–761. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.
- Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons/ J. J. Bryson, M. E. Diamantis, T. D. Grant // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. № 3. P. 273–291. DOI 10.1007/s10506-017-9214-9.
- Степыкин Н. И. Значимость и содержательная специфика базовой ценности «любовь»: экспериментальное исследование // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025. Вып. 8 (902). С. 28–34

References

- Aitchison, J. (2012). *Words in the mind: An introduction to the mental lexicon*. London: Wiley-Blackwell.
- Zock, M., Biemann, C. (2020). Comparison of different lexical resources with respect to the tip-of-the-tongue problem. *Journal of Cognitive Science*, 21(2), 193–252.
- Ovchinnikova, I. G. (2018). Syntagmatic mistakes in Russian speech in the aspect of the mental lexicon structure. *Journal of Psycholinguistics*, 2(36), 84–98. DOI 10.30982/2077-5911-36-2-84-98. (In Russ.)
- Collins, A. M., Loftus, E. F. (1975). A spreading-activation theory of semantic processing. *Psychological Review*, 82, 407–428.

5. Bender de Sousa, L. and Gabriel, R. (2015). Does the mental lexicon exist? *Revista de Estudos da Linguagem*, 23(2), 335–361. DOI 10.17851/2237.2083.23.2.335-361.
6. Stella, M., Citraro, S., Rossetti, G., Kenett, Yo. N., Vitevitch, M. S. (2024). Cognitive modelling of concepts in the mental lexicon with multilayer networks: Insights, advancements, and future challenges. *Psychon Bull. Rev.*, 31, 1981–2004. DOI 10.3758/s13423-024-02473-9.
7. Dell, G.S. (1986). A spreading activation theory of retrieval in language production. *Psychological Review*, 93(3), 283–321.
8. Morsella, E., Miozzo, M. (2002). Evidence for a Cascade Model of Lexical Access in Speech Production. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 28(3), 555–563. DOI 10.1037/0278-7393.28.3.555.
9. Schwartz, M. F. (2018). Theoretical analysis of word production deficit in adult aphasia. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B*, 369, 1–10. DOI 10.1098/rstb.2012.0390.
10. Zalevskaja, A. (2014). Mental lexicon: construct, metaphor, myth? *GISAP: Philological Sciences*, 8, 36–39. (In Russ.)
11. Zalevskaja, A. A. (1982). *Psikholingvistiicheskie problemy semantiki slova* [Psycholinguistic problems of word semantics]. Kalinin: Publishing House of Kalinin State University. (In Russ.)
12. Pishchalnikova, V. A. (2020). Basic values: methodological problems of psycholinguistic research. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(832), 20–35. (In Russ.)
13. Pivkina, N. N., Chebotareva, O. A., Umarova, E. V., Morozova, M. V. (2024). New tendencies in perception. *Global scientific potential*, 6(159), 25–28. (In Russ.)
14. Umarova, E. V., Chebotareva, O. A., Morozova M. V. (2024). Modern linguistics in the scientific world. II *Obrazcovskie chteniya: inostrannye yazyki v professional'nom obrazovanii* (pp. 52–56): proceedings of an international scientific conference. (In Russ.)
15. Siew, C. S. Q., Wuff, D. U., Beckage, N. M., Kenett, Y. N. (2019). Cognitive network science: A review of research on cognition through the lens of network representations, processes, and dynamics. *Complexity*, 2020(1), 1–24. DOI 10.1155/2019/2108423.
16. Stepykin, N. I. (2021). Potential of Using Formalized Parameters for Modeling Speech Action. *Nauchnyi dialog*, 8, 112–127. DOI 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127. (In Russ)
17. Stepykin, N. I., Baghana, J., J. K. Slobodova Novakova, S. V. Funikova (2023). Exploring the dynamics of mental lexicon according to the Word Association Test results. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 9(2), 19–33. DOI 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-2. (In Russ)
18. Rudin, C. (2019). Stop explaining black box machine learning models for high stakes decisions and use interpretable models instead. *Nature machine intelligence*, 1(5), 206–215. DOI 10.1038/s42256-019-0048-x.
19. Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 749–761. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761. (In Russ.)
20. Bryson, J. J., Diamantis, M. E., Grant, T. D. (2017). Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons. *Artificial Intelligence and Law*, 25(3), 273–291. DOI 10.1007/s10506-017-9214-9.
21. Stepykin, N. I. (2025). The significance and meaningful specificity of the basic value of “love”: experimental research. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(902), 28–34. (In Russ.)

Информация об авторе

Степыкин Николай Иванович

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ»
 ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики
 Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Stepykin Nikolay Ivanovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
 Professor at the Department of Foreign Languages
 National Research University “Moscow Power Engineering Institute”
 Leading Researcher at the Laboratory of Psycholinguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.12.2025	The article was submitted	
одобрена после рецензирования	24.01.2026		approved after reviewing
принята к публикации	13.02.2026		accepted for publication

Дискурсивные практики в различных лингвокультурных и социальных контекстах

Научная статья
УДК 81'23+81'271.16

Прагматическое сопоставление реплик адресанта в русском и китайском речевых актах приглашения

Ван Мэн¹, Лю Лифэнь²✉

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, 1639116189@qq.com

²Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, liulifen1993@163.com

Аннотация. В данной статье на основе теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля используется количественно-качественный метод для изучения высказываний адресанта в речевых актах приглашения в русском и китайском языках по материалам НКРЯ и ВСС. Цель работы – выявить сходства и различия в структуре и стратегиях реализации речевых актов приглашения в обоих языках и проанализировать их глубинные причины. Результаты исследования показывают: в китайском языке иницирующая часть отражает социальную иерархию, в русском – возраст / родство; вспомогательная часть в русском акцентирует логику, в китайском – эмоцию; ключевая часть в русском стандартна, в китайском вариативна. Раскрываются культурные особенности двух этносов: в русской культуре ценятся прямолинейность, в китайской – намеки и сохранение лица. Исследование практически значимо для межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: приглашение, речевой акт, сопоставительный анализ, китайский и русский языки, иницирующая часть, вспомогательная часть, ключевая часть

Для цитирования: Ван Мэн, Лю Лифэнь. Прагматическое сопоставление реплик адресанта в русском и китайском речевых актах приглашения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 49–57.

Original article

Pragmatic Comparison of Speaker's Utterances in Russian and Chinese Invitation Speech Acts

Wang Meng¹, Liu Lifen²✉

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, 1639116189@qq.com

²Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China, liulifen1993@163.com

Abstract. Based on the speech act theory of J. Austin and J. Searle, this article employs a quantitative-qualitative method to analyze the utterances of addressers in invitation speech acts in Russian and Chinese, using data from the RNC and BCC. The aim of the study is to identify the similarities and differences

in the structure and realization strategies of invitation speech acts in Russian and Chinese, along with an analysis of their underlying causes. The findings reveal that in Chinese, the initiating part reflects social hierarchy, whereas in Russian it reflects age / kinship; the supportive part in Russian emphasizes logic, while in Chinese it highlights emotion; and the key part is standardized in Russian but more variable in Chinese. The cultural characteristics of the two ethnic groups are unveiled: Russian culture values directness, while Chinese culture prioritizes indirectness and face-saving. The research holds practical significance for intercultural communication.

Keywords: invitation, speech act, contrastive analysis, Chinese and Russian, initiating part, auxiliary part, key part

For citation: Meng, Wang, Lifan, Liu. (2026). Pragmatic Comparison of Speaker's Utterances in Russian and Chinese Invitation Speech Acts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(909), 49–57. (In Russ.)

Введение

Речевой акт (*далее* РА) приглашения – это обращение, при котором адресант, исходя из определенной коммуникативной цели, выгодной для адресата, выражает языковыми средствами просьбу адресату посетить определенное место для выполнения какого-либо действия или совместного участия в каком-либо мероприятии [李军, 2011]. Являясь распространенным явлением в повседневной коммуникации, РА приглашения не только затрагивает выбор языковых форм, но и отражает социокультурные нормы, присущие тому или иному этносу.

Для выявления различий в репликах приглашения между русским и китайским языками и определения их глубинных причин в настоящей статье решаются следующие задачи:

- 1) с помощью корпусных методов исследования провести детальный анализ характерных русских и китайских языковых материалов;
- 2) путем комбинации качественного и количественного анализов обобщить характеристики реплик адресанта приглашения в русском и китайском языках с позиции логико-грамматического анализа;
- 3) методом сопоставительного анализа выявить и систематизировать сходства и различия особенностей русского и китайского приглашения и раскрыть глубинные причины их речевой реализации;
- 4) указанные сходства и различия интерпретировать в аспекте русской и китайской лингвокультурологических концепций.

Научная новизна исследования заключается в том, что с одной стороны, впервые предлагается комплексный анализ реплик адресанта в русском и китайском РА приглашения через три структурных компонента (иницирующая, вспомогательная

и ключевая части РА). С другой стороны, комбинация корпусной лингвистики с опорой на Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры (ВСС), а также качественно-количественного и сопоставительного анализов позволяет выявить не только языковые, но и лингвопрагматические закономерности.

Современные работы сосредоточены на анализе речевого акта приглашения в монологическом и специфическом культурном контексте, например, приглашение на свидание в китайском языке [严玲, 2025], косвенное приглашение в немецком языке [Куценко, 2024], а также приглашение на день рождения в русском языке [Россихина, 2020]. Существующие сопоставительные исследования билингвального характера в основном разворачиваются вокруг языковых пар «китайский – японский» [时春慧, 2019] или «испанский – русский» [Shorokhova, 2025], тогда как систематические сопоставительные исследования речевого акта приглашения в русском и китайском языках до сих пор недостаточно изучены и требуют дальнейшего углубленного осмысления. Необходимость заполнить этот пробел в лингвистике определяет научную новизну и актуальность работы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может способствовать корректному оформлению РА приглашения в русско-китайской деловой сфере общения, а также внести ощутимый вклад в преподавание иностранных языков и проведение межкультурной коммуникации.

Материалы исследования представляют собой 216 пригласительных высказываний, отобранных из НКРЯ и ВСС. Данный массив включает 100 независимых предложений и 116 диалогических последовательностей, содержащих полный коммуникативный цикл «приглашение – ответ». Языковые

примеры на китайском и русском языках представлены в равной пропорции.

Краткий обзор теории речевых актов

Теория речевых актов (*далее* ТРА) была предложена Дж. Остином и впоследствии развита Дж. Сёрлем, став одной из ключевых теорий в прагматике. Согласно этой теории, язык является не только инструментом описания, но и способом совершения действий. Остин выделил понятия локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов, в то время как Сёрль дополнительно классифицировал иллокутивные акты на репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации [Austin, 1986; Остин, 1986; Searle, 1979]. РА приглашения обычно относится к директивам, поскольку его цель – побудить реципиента к действию. Однако РА приглашения не сводится к прагматике действия. Он также обладает уникальными особенностями, присущими правилам вежливости, социальными отношениями и культурным контекстом.

РА делятся на прямые и косвенные. Если прямой РА – это высказывание, которое имеет явную иллокутивную силу, то косвенный РА – это выражение, в котором «один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого» [Сёрль, 1986, с. 196].

Сопоставление реплик приглашения в русском и китайском языках

Жизнь человека неотделима от диалога. Российский ученый Л. П. Якубинский полагает, что диалог представляет собой последовательное чередование стимулирующих и реагирующих реплик, где каждый такой элемент взаимодействия квалифицируется как самостоятельная реплика [Якубинский, 1986]. Китайские исследователи Ли Юэ и Фань Хунья рассматривают реплику как непрерывное высказывание говорящего, границы которого определяются сменой коммуникативных ролей или паузой, сигнализирующей о готовности к передаче речевой инициативы [李悦娥, 2002]. Реплика приглашения, как отмечает Т. Судзуки, состоит из иницирующего РА, вспомогательного РА и ключевого РА [Suzuki, 2009]. Рассмотрим каждый из компонентов.

Иницирующая часть речевого акта: лаконичность в русском языке и разнообразие в китайском языке

Иницирующая часть – это начальный этап приглашения, основная функция которого – привлечь

внимание собеседника. Данный компонент обычно включает обращения, напоминания и этикетные конструкции. Обращения могут быть именными, родственными, профессиональными или универсальными.

Именные обращения

Под именными обращениями подразумевается прямое именование адресата приглашения. В русской антропонимической традиции полное имя состоит из имени, отчества и фамилии в таком порядке, что отражает уважение к семейным ценностям и традициям. В РА приглашения при обращении к младшим или равным по возрасту близким людям обычно используется только имя (например, Дарья, Виктор) или уменьшительная форма имени (например, Даша, Витя), а в семейном кругу – ласкательные формы (например, Дашенька, Витюша) для выражения любви; при обращении к старшим по возрасту или важным персонам в официальных ситуациях принято употреблять имя и отчество (например, Иван Иванович, Алла Николаевна) в знак почтения. Конкретные примеры приведены ниже.

1. **Феликс**, я хочу пригласить тебя на чашечку кофе (А. Ростовский. *Русский синдикат*).
2. Имею честь пригласить тебя, **Иван Савватеевич**, дабы вместе провести некоторое время за кружкой и беседой (Ю. Герман. *Россия молодая*).

В китайской антропонимической традиции полное имя состоит из фамилии (стоит на первом месте) и личного имени (стоит на втором месте), так как в китайской культуре имя обладает сакральным значением, олицетворяя личную идентичность и семейную преемственность. При обращении старший адресант может напрямую назвать имя младшего адресата (например, Ма Вэй, Ли Хуа), иногда добавить к фамилии или имени иероглиф 小 'xiǎo' «младший» или 老 'lǎo' «старший» (например, сяо Ван, лао Чжан), либо использовать только имя или его удвоенную форму (например, Фугуй, Го-го) для демонстрации теплых отношений. Конкретные примеры приведены ниже.

3. **瑞宣**,你若是在我们那里玩一天，实在是我们冠家的光荣！（老舍《四世同堂》） – Жуйсюань, если бы ты погостил у нас один день, это было бы для нашей семьи Гуань настоящей честью!¹
4. **老崔**！咱们去开会吧！（巍巍《东方》） – **Лао Цуй**！ Пойдем на собрание!

¹ Здесь и далее перевод автора.

Родственные обращения

В данном случае речь идет о том, как адресант обозначает степень родства с адресатом. В русском языке существуют специальные лексемы, маркирующие боковое (*двоюродный брат*) или некровное родство (*сводная сестра*), а также старшинство среди родственников (*старшая сестра*). Для уточнения степени родства конкретного человека можно добавлять поясняющее определение (например, дедушка *по материнской линии*), однако такие формулировки чаще встречаются в письменной речи и редко используются в разговорной. Из-за этой неоднозначности русские в ситуациях с несколькими родственниками (например, на семейных встречах) обычно не используют термины родства сами по себе, а добавляют к ним имя (*тетя Лена, дядя Сережа*). Кроме того, в случае приглашения старших или значимых лиц, с которыми нет запанибратских отношений, использование терминов родства может быть воспринято как недостаточно официальное. Конкретные примеры приведены ниже.

5. Дорогая **сестра**, приезжай к нам в деревню, дети будут рады тебя видеть (*Л. Толстой. Анна Каренина*)
6. **Дядя Ваня**, заходите к нам вечером, будем пить чай и вспомнить старое (*к/ф «Ирония судьбы, или С легким паром!»*)

В отличие от русских китайские термины родства отличаются пунктуальностью и точностью, т. е. в китайском языке больше терминов родства – отдельных лексем, дифференцирующих родственников по старшинству, родству и т.д., что позволяет четко обозначать семейные связи и поколенческую иерархию, а также отражать возрастную градацию. К примеру, для старшего поколения используются такие термины, как *姑妈 gū mā (тетя по отцу)*, *姨妈 yí mā (тетя по матери)* и др., для представителей одного поколения – *表姐 biǎo jiě (старшая двоюродная сестра по матери)*, *堂姐 táng jiě (старшая сестра по отцу)* и т.п., а для младшего поколения – *外甥女 wài sheng nǚ (дочь сестры)*, *侄女 zhí nǚ (дочь брата)* и пр. Конкретные примеры приведены ниже. Конкретные примеры приведены ниже.

7. **姑妈**, 快来, 赢太太一把! 三缺一, 就等您了! (*霍达《穆斯林的葬礼》*) – **Тетя по отцу**, приходите скорее! Обыграйте госпожу! Нас уже трое, только вас и ждем!
8. **大表哥**, 请过来坐坐。(*巴金《秋》*) – **Старший двоюродный брат по матери**, приходи, присаживайся.

Профессиональные обращения

Здесь речь идет о прямом обращении приглашающего к приглашаемому по профессиональному званию, должности или титулу. В русском РА приглашения употребление профессиональных обращений подчеркивает принцип равенства: даже если приглашаемый обладает высоким статусом, приглашающий использует лишь название профессии, но часто с добавлением уважительного слова, например, в XIX веке были распространены обращения типа *господин доктор*, чтобы выразить почтение. Кроме того, в русском языке существуют отдельные формы обозначения профессий для мужчин и женщин: например, *учитель / учительница, юрист / юристка*. Такое гендерное различие демонстрирует дифференцированный характер профессиональных обращений в русском языке и отражает русские гендерные традиции в той или иной профессии. Например:

9. **Доктор**, я хочу пригласить вас к больному (*В. Каверин. Два капитана*).
10. Господин **профессор**, я приглашаю вас на диспут (*Ф. Достоевский. Братья Карамазовы*).

В китайском РА приглашения профессиональные обращения обычно используются для обозначения лиц с высоким социальным статусом, таких как: *局长 jú zhǎng (начальник бюро или конторы)*, *院长 yuàn zhǎng (директор института или больницы)*, *船长 chuán zhǎng (капитан судна)*, *总裁 zǒng cái (управляющий акционерного общества)*, *警官 jǐng guān (офицер полиции)* и др., что выражает уважение к адресату и признание его профессиональной компетентности. Обычно при использовании перед ними добавляют фамилию приглашаемого, чтобы подчеркнуть еще большее почтение. Напротив, если адресат занимает менее престижную должность, профессиональные термины не применяются, а вместо них используются другие обращения. Например:

11. **李团长**, 今晚来指挥部开会吧, 咱们商量一下作战计划。(*电视剧《亮剑》*) – **Командир Ли**, приходите сегодня вечером в штаб на совещание, обсудим план операции.
12. **白掌柜**, 明儿来我府上喝茶, 咱们谈谈生意。(*电视剧《大宅门》*) – **Хозяин Бай**, завтра приходите ко мне домой на чай, обсудим дела.

Универсальные обращения

В русском и китайском РА приглашения универсальные обращения функционируют сходным

образом, например, в русском языке существуют такие слова, как девушка, молодой человек и т. д., а в китайском – 先生 *xiān shēng* (господин), 小姐 *xiǎo jiě* (мисс) и др. Для выражения уважения в китайском языке перед универсальным обращением может добавляться фамилия адресата. Конкретные примеры приведены ниже.

13. **Девушка**, можно пригласить вас на чашечку кофе? (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО)
14. **Молодой человек**, я приглашаю вас на дуэль! (М. Лермонтов. Герой нашего времени)
15. **苏小姐**, 周末有空吗? 来我家参加一个小型聚会吧, 大家都很想见到您。(钱钟书《围城》) – **Мисс Су**, у вас есть свободное время на выходных? Приходите ко мне домой на небольшую вечеринку, все с нетерпением жду встречи с вами.
16. **白先生**, 明日可否赏光来寒舍一叙? 咱们谈谈生意上的事。(电视剧《大宅门》) – **Господин Бай**, не удостоите ли вы меня завтра визитом в мой скромный дом для беседы? Давайте обсудим дела.

В русском и китайском РА приглашения присутствуют контактоустанавливающие единицы: в русском – *здравствуй(-те), здравте, привет, вау* и т. п., в китайском – 走 *zǒu* (*айда*), 哈喽 *hā lóu* (*привет*) и т. д. Они отличаются тенденцией к искренности.

17. **Вау!** Ты просто должен прийти на нашу вечеринку, там будет так весело! (к/ф «Ирония судьбы, или С легким паром!»)
18. **Здравствуйте**, меня зовут Леонид Парфенов, я хотел бы пригласить вас сниматься (Е. Ханга. Про всё).
19. **走!** 老李, 咱们去喝两杯, 庆祝今天的胜利! (电视剧《亮剑》) – **Айда!** Лао Ли, давайте выпьем пару рюмок, чтобы отпраздновать сегодняшнюю победу!
20. **哈喽**, 一菲, 晚上有空吗? 来我们公寓开个派对, 大家一起热闹热闹! (电视剧《爱情公寓》) – **Привет**, Ифэй, ты свободна вечером? Приходи к нам в квартиру на вечеринку, давайте повеселимся вместе!

Обращения в составе иницирующей части РА выражают уважение и делятся на именные, родственные, профессиональные и универсальные, причем универсальные обращения в обоих языках широко употребляются. Русские термины родства отличаются смысловой обобщенностью и редко употребляются в официальных ситуациях, в то время как китайские используются часто и отражают принцип разграничения по степени родства и старшинству. В профессиональных обращениях

в русском языке подчеркивается равенство, а в китайском – социальная иерархия. В целом, иницирующая часть РА приглашения в русском языке лаконична и проста, тогда как в китайском – преимущественно многословна и разнообразна.

Вспомогательная часть речевого акта: логика в русском языке и эмоция в китайском языке

В репликах адресанта в РА приглашения вспомогательная часть выполняет факультативную и модифицирующую функции, направленные на убеждение адресата и содержит в себе аргументацию принять приглашение. В настоящем разделе они классифицированы по функциональному признаку на три категории: объясняющая, вопросительная и эмоционально-экспрессивная.

Объясняющая категория

В русском языке объясняющая вспомогательная часть приглашения носит аргументативную функцию, выражается через дополнительные уточнения, которые могут оформляться как придаточными предложениями, так и самостоятельными высказываниями с усилительными частицами (*так, ведь*).

21. Пойдемте со мной, я вам покажу, как красиво здесь видно на реку. **Вы ведь любите природу** (Л. Толстой. Война и мир).
22. Вы не хотите со мной поехать в деревню? **Там так хорошо сейчас, и я уверена, что вам понравится** (Л. Толстой. Анна Каренина).

В китайском языке указанная часть приглашения часто выражается в форме бессоюзных предложений, предоставляя дополнительные обоснования до или после ключевой части РА с целью устранения сомнений адресата.

23. **我正好还没吃饭**, 咱们一起喝酒吧。(刘震云《一句顶一万句》) – **Я как раз еще не ел**, давайте выпьем вместе.

Вопросительная категория

В русском языке активно используются специальные вопросительные конструкции, с помощью которых адресант уточняет наличие свободного времени у адресата, тем самым проверяя возможность реализации приглашения.

24. **Ты свободен в выходные?** Давайте сходим в музей (Л. Толстой. Анна Каренина).

В китайском языке вопросительные вспомогательные элементы, аналогично русским, состоят из вопросов о наличии свободного времени у адресата.

25. 明天晚上你有空么? 我想请你吃晚饭。(钱钟书《围城》) – **У тебя будет свободное время завтра вечером?** Я хочу пригласить тебя на ужин.

Эмоционально-экспрессивная категория

В русском языке РА приглашения гибридируется: приглашение + благодарность, приглашение + извинение. Например:

26. **И я настолько вам благодарна**, что приглашаю вас отпраздновать мой день рождения (Н. Подольский. Октябрь).
27. Сегодня был концерт, после которого я понял, что был не прав, **я прошу прощения** и приглашаю вас, если вы еще согласны (Ю. Башмет. Вокзал мечты).

Как видим из примеров выше, в рамках РА приглашения в русском языке периферийно допускается использование перформативных глаголов, иллюкативная сила которых направлена на выражение извинения, благодарности. В китайском языке также наблюдается гибридизация РА. Эмоционально-экспрессивная вспомогательная часть в первую очередь служит для выражения благодарности и извинений (РА благодарности + РА приглашения; РА извинения + РА приглашения), отражая искренние чувства адресанта. Однако, в отличие от русского языка, эмоциональная составляющая часто играет более значимую роль, чем сам акт приглашения. Примеры приведены в следующем.

28. 我请你吃素席, **也算向你赔罪**。(王火《战争和人》) – Я приглашаю тебя на вегетарианский ужин, **чтобы загладить свою вину**.

Вопросительный и эмоционально-экспрессивный типы вспомогательной части демонстрируют сходство в обоих языках: первые служат для подтверждения временной возможности адресата, вторые включают благодарность и извинения. Однако наблюдаются существенные различия в средствах выражения: русские объясняющие конструкции преимущественно используют сложноподчиненные предложения или законченные высказывания, тогда как китайские оперируют бессоюзными сложными предложениями. Таким образом, русские вспомогательные выражающие элементы делают акцент на логической обоснованности, китайские – на эмоциональной насыщенности.

Ключевая часть речевого акта: перформативные глаголы-маркеры, большая тенденция к косвенности в китайском языке

Ключевая часть РА приглашения непосредственно выражает намерения адресанта, служит для фиксации деталей приглашения и требует однозначной реакции адресата.

В русском языке основная часть обычно образуется путем изменения формы перформативного глагола *приглашать-пригласить* или с помощью других глаголов и модальных слов, образующих составное сказуемое. Перформатив – «высказывание, эквивалентное действию, поступку»¹ – является центральной частью РА приглашения, поскольку введение данного глагола и его произнесение обозначает действие приглашения. Иногда РА приглашения также выражаются через глаголы движения, что будет показано ниже. Конкретные примеры (где приглашающий – это первое лицо единственного числа «я», а приглашенный – второе лицо единственного числа «ты») приведены ниже.

Глагол *приглашать – пригласить* используется непосредственно в качестве сказуемого в реплике адресанта: «Я приглашаю тебя...», что является самым простым способом выражения и ясно показывает интенцию адресанта, например:

29. **Приглашаю** тебя на пирог с капустой (А. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову).

Ключевая часть может быть выражена с помощью составного сказуемого, образованного сочетанием глагола *приглашать – пригласить* с другими глаголами или модальными словами (*хотеть, разрешить, позволить*). Они отличаются повышенной вежливостью и интенцией искренности:

30. Простите мою наглость, но **мне ужасно хочется пригласить вас** на ужин (Л. Пузикова. Путь в Париж).

Приглашения-рогативы в форме вопроса также отличаются повышенной вежливостью и являются косвенными, например:

31. **Могу я пригласить тебя** с любимой на данный момент женщиной в ресторан, чтобы отметить начало нашей нерушимой дружбы? (Б. Левин. Блуждающие огни)

¹ Арутюнова Н. Д. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 372.

Ключевая часть косвенных приглашений в повелительном наклонении также выражается с помощью глаголов движения или предикатных наречий с оценочным или модальным значением (*давай, хорошо, неплохо*) в сочетании с инфинитивами глаголов движения в безличных предложениях, которые часто усиливаются использованием формообразующей частицы «бы» для придания приглашению более мягкого и вежливого тона.

32. **Давайте поедem ко мне**, у меня двухкомнатная квартира, я сам в отдельной комнате (А. Тарасов. *Миллионер*).
33. **Надо бы сходить** в музей перед окончательным отъездом (М. Рыбакова. *Паннония*).

Вместе с тем, в китайском языке ключевая часть обычно содержит два типа предложений: повествовательное и повелительное. Говоря о вопросительных и эмоционально окрашенных предложениях, мы имеем дело с прямыми РА приглашения. Конкретные примеры (где приглашающий – это первое лицо единственного числа «я», а приглашаемый – второе лицо единственного числа «ты») выглядят следующим образом:

Повествовательное предложение, содержащее иероглиф 请 *qǐng*:

我 (v.) (邀) 请你 + v. / 去 (到) ns. – Я (гл.) приглашаю тебя + гл. / пойти (прийти) куда-нибудь.

Это прямой РА, где глагол (邀) 请你 (*пригласить*) эксплицирован, например:

34. 屈先生, 我想请你到我家去做客。(毕淑敏《教授的戒指》) – Господин Цюй, я **хотел бы пригласить тебя** к себе в гости.

Вопросительное предложение, содержащее иероглиф 请 (*qǐng*):

我可 (否) / 能 (否) / 有机会 (邀) 请你 + v. / 去 (到) ns. (吗)? – Могу ли я / Есть ли у меня возможность пригласить тебя + гл. / пойти (прийти) куда-нибудь (*вопросительная частица*)?

Использование вышеуказанных конструкций связано с концепцией «сохранения лица» в китайской лингвокультуре. Такая конструкция оставляет адресату достаточно места для ответа и может предоставить адресату возможность отказа без потери его общественного статуса.

35. 这位师父, **我能请你**喝杯茶吗? 我想向你请教些佛法。(高行健《灵山》) – Уважаемый

учитель, **могу ли я пригласить тебя** на чашку чая? Я хотел бы попросить у тебя наставлений по поводу учения Будды.

Повелительное предложение, содержащее восклицательную частицу 吧 (*ba*), с усилительными лексемами 要么 (*либо*) / 不如 (*лучше*), чтобы усилить тон обсуждения:

- (要么/不如) (我们一起) 来/到/去 + ns. (+v.) 吧! – Либо / Лучше (давайте вместе) придем / пойдem / отправимся куда-нибудь + гл. (*восклицательная частица*)!

В китайском языке в роли РА приглашения также выступают эмоционально окрашенные предложения: адресант прямо выражает свои эмоции, используя определенные слова или фразы для их передачи. Указанные реплики строятся по следующей формуле: $N_{\text{pron}} + Adv. + V_2 + V_{\text{inf}}$, где позицию V_2 заполняет модальный глагол с оттенком долженствования, в позиции V_{inf} выступает глагол движения, а позицию *Adv* также заполняют наречия с семантикой долженствования (*обязательно*). Они являются эмотивными. Например:

36. 四爹爹哎, 我们下个月八号就要订婚了, **你一定要来**参加我的订婚礼哦! (张洁《无字》) – Дорогой четвертый дядя, в следующем месяце, восьмого числа, у нас будет помолвка, **ты обязательно должен прийти** на мою помолвочную церемонию!

Ключевая часть РА приглашения в русском языке выражается формами перформатива *пригласить* – *приглашать*, преимущественно используются в сочетании с другими частями речи или грамматическими формами глаголов движения для прямого выражения данного РА, в то время как настоящий носитель китайского языка прибегает к этикетной формуле, заполняющейся лексикой с семантикой долженствования, или к эмоциональным высказываниям в случае косвенного РА приглашения. Таким образом, в обоих языках существуют маркеры приглашения, но в китайском демонстрируется большая вариативность в средствах выражения и большее количество косвенных РА.

Заключение

В РА приглашения между русским и китайским языками наблюдаются как сходства, так и различия в иницирующем, вспомогательном и ключевом компонентах. К иницирующим элементам относятся обращения. Китайские обращения

выстроены в систему по иерархичности и степени близости адресанта к адресату, отличаясь сложной системой употребления, русские апеллируют лишь к параметру возраста и родства. Вспомогательные элементы в обоих языках служат для модификации приглашения и делятся на объясняющий, вопросительный и эмоционально-экспрессивный типы, причем последние два типа функционируют сходно, но русские делают акцент на логической связности (т. е. формальная связанность), а китайские – на эмоциональной выразительности (т. е. смысловая целостность). Ключевая часть РА прямо выражает интенцию адресанта через повествовательные, вопросительные и побудительные конструкции, однако русские способы выражения более стандартизированы, а китайские – более вариативны. Эти различия обусловлены различиями системы ценностей: русский народ, находясь под влиянием западной рациональной традиции, акцентирует логическую аргументацию и точность формулировок, стремясь к информационной

ясности, в результате чего русская культура в отличие от китайской сопровождается низким контекстом [苏航, 2016]. В то же время китайская культура с более высоким контекстом, предпочитает непрямые способы коммуникации, что отражается в наличии речевых формул для выражения косвенных РА приглашения. Русские ценят индивидуальную независимость, свободу и равенство в общении без выраженной иерархии, в то время как китайцы ориентированы на коллективные ценности, где социальные связи, статус и сохранение лица играют ключевую роль при реализации РА приглашения.

Перспективы дальнейших исследований могут включать расширение корпусной базы (например, за счет мультимодальных данных из социальных сетей), углубление анализа динамических контекстуальных факторов, а также изучение сходств и различий других речевых актов в межкультурной перспективе с целью формирования более совершенной модели сопоставительного прагматического исследования.

Список источников

1. 李军 [Ли Цзюнь]. 汉语邀请行为的话轮结构模式分析 [Анализ модели структуры разговора в китайском речевом акте приглашения] / 李军, 曹钦明 [Ли Цзюнь, Цао Цзиньмин] // 语言文字应用 [Прикладная лингвистика]. 2011. Вып. 4. С. 44–53. (На кит. яз.)
2. 严玲 [Янь Лин]. 论国内恋爱综艺节目约会邀请言语行为及其语用效果 [О речевом акте приглашения на свидание в китайских романтических телешоу и его прагматическом эффекте] / 严玲, 王思佳 [Янь Лин, Ван Сыцзя]. 湖南科技学院学报 [Вестник Хунаньского института науки и техники]. 2025. Вып. 46 (1). С. 71–76. (На кит. яз.)
3. Куценко Н. В. Реализация косвенного речевого акта приглашения в немецком языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2024. Вып. 3 (130). С. 89–97.
4. Россихина М. Ю. Ситуативно обусловленные прагматические характеристики речевого акта приглашения в русской лингвокультуре / М. Ю. Россихина, И. И. Икатова // Известия Смоленского государственного университета. 2020. Вып. 1 (49). С. 86–100.
5. 时春慧 [Ши Чуньхуэй]. 邀请言语行为语言表现形式的汉日翻译对照研究 [Сопоставительное исследование языковых форм выражения речевого акта приглашения в китайском и японском языках (на материале перевода)] / 时春慧, 赵圣花 [Ши Чуньхуэй, Чжао Шэнхуа] // 品味经典 [Академия классического вкуса]. 2019. Вып. 6. С. 55–58. (На кит. яз.)
6. Shorokhova E. S. Invitation in Spanish and Russian communicative cultures: Sociocultural context and politeness strategies / E. S. Shorokhova, P. Peña-Jiménez // Russian Journal of Linguistics. 2025. № 2. P. 362–385.
7. Austin J. L. How to Do Things with Words. London: Oxford University Press, 1986.
8. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22–129.
9. Searle J. R. Expression and meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
10. Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 195–222.
11. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–50.
12. 李悦娥 [Ли Юээ]. 话语分析 [Анализ дискурса] / 李悦娥, 范宏雅 [Ли Юээ, Фань Хунья]. 上海 [Шанхай]: 上海外语教育出版社 [Шанхайское издательство иностранных языков и образования], 2002. (На кит. яз.)
13. Suzuki T. How American Students 'Invite' Others: A Corpus-Based Study of Linguistic Strategies in the Speech Act of Invitation. Cultural Theory. 2009. № 35. P. 85–106.

14. 苏航 [Су Хан]. 从高低语境理论看中俄交际差异 [Различия в коммуникации между Китаем и Россией с точки зрения теории высокого и низкого контекста] // 现代交际 [Современное общение]. 2016. Вып. 24. С. 62–63. (На кит. яз.)

References

1. 李军, 曹钦明 [Li Jun, Cao Qinming]. (2011). 汉语邀请行为的话轮结构模式分析 [Analysis of Turn Structure in Chinese Invitations]. 语言文字应用 [Applied Linguistics], (4), 44–53. (In Chinese)
2. 严玲, 王思佳 [Yan Ling, Wang Sijia]. (2025). 论国内恋爱综艺节目约会邀请言语行为及其语用效果 [On the Speech Act of Dating Invitations in Domestic Romance TV Shows and Its Pragmatic Effects]. 湖南科技学院学报 [Journal of Hunan Institute of Science and Technology], 46(1), 71–76. (In Chinese)
3. Kutsenko, N. V. (2024). Realization of the Indirect Speech Act of Invitation in German. Vestnik of Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology, 3(130), 89–97. (In Russ.)
4. Rossikhina, M. Yu., Ikatova, I. I. (2020). Situationally Determined Pragmatic Characteristics of the Speech Act of Invitation in Russian Linguoculture. Proceedings of Smolensk State University, 1(49), 86–100. (In Russ.)
5. 时春慧, 赵圣花 [Shi Chunhui, Zhao Shenghua]. (2019). 邀请言语行为语言表现形式的汉日翻译对照研究 [A Comparative Study of Linguistic Expressions of the Invitation Speech Act in Chinese-Japanese Translation]. 品味经典 [Taste of Classics], (6), 55–58. (In Chinese)
6. Shorokhova, E., Palma, P.-J. (2025). Invitation in Spanish and Russian communicative cultures: Sociocultural context and politeness strategies. Russian Journal of Linguistics, 2, 362–385.
7. Austin, J. L. (1986). How to Do Things with Words. London: Oxford University Press.
8. Austin, J. L. (1986). Word as action. New in Foreign Linguistics, 17: Theory of speech act, 22–129. (In Russ.)
9. Searle, J. R. (1979). Expression and meaning. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Searle, J. R. (1986). Indirect Speech Acts. New in Foreign Linguistics, 17: Theory of speech act, 195–222. (In Russ.)
11. Yakubinsky, L. P. (1986). On dialogic speech. In Language and its functioning (pp. 17–50). Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. 李悦娥, 范宏雅 [Li Yuee, Fan Hongya]. (2002). 话语分析 [Discourse analysis]. 上海 [Shanghai]: 上海外语教育出版社 [Shanghai foreign language education press]. (In Chinese)
13. Suzuki, T. (2009). How American Students 'Invite' Others: A Corpus-Based Study of Linguistic Strategies in the Speech Act of Invitation. Cultural Theory, 35, 85–106.
14. 苏航 [Su Hang]. (2016). 从高低语境理论看中俄交际差异 [Analyzing Sino-Russian Communication Differences Through High-Low Context Theory]. 现代交际 [Modern Communication], (24), 62–63. (In Chinese)

Информация об авторах

Ван Мэн

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

Лю Лифэнь

доктор филологических наук
профессор Исследовательского центра переводоведения
Института европейских языков и культур
Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли

Information about the authors

Wang Meng

PhD Student of the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University, Russia

Liu Lifen

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor at the Research Center for Translations Studies
and Faculty of European Languages and Cultures
Guangdong University of Foreign Studies

Статья поступила в редакцию	16.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Социокогнитивная теория И. Кечкеша и межкультурная лингвопрагматика

Н. Н. Германова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nata-germanova@yandex.ru*

Аннотация. Целью работы является теоретический анализ социокогнитивной концепции ведущего американского исследователя в области лингвопрагматики И. Кечкеша в применении к изучению межкультурной коммуникации. Материалом исследования послужили основные труды ученого за последние 20 лет. Представлен анализ концептуального аппарата социокогнитивных и межкультурных исследований И. Кечкеша, включая такие понятия, как интеркультура, общая когнитивная база, эгоцентризм, салиентность и др. Подчеркиваются общелингвистические перспективы теории И. Кечкеша, в частности, предлагаемая автором динамическая модель значения. Охарактеризована трактовка автором понятия лингвокреативности применительно к межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: И. Кечкеш, сопоставительная лингвопрагматика, социокогнитивная лингвопрагматика, межкультурная коммуникация, интеркультура, лингвокреативность

Для цитирования: Германова Н. Н. Социокогнитивная теория И. Кечкеша и межкультурная лингвопрагматика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 58–66.

Review article

Socio-cognitive Theory by I. Kecskes and Intercultural Pragmatics

Natalia N. Guermanova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nata-germanova@yandex.ru*

Abstract. The study aims at a theoretical analysis of the socio-cognitive theory developed by I. Kecskes, the leading American researcher in the field of pragmatics, in its application to the studies of intercultural communication. The research is based on the main works by the linguist written during the last 20 years. The conceptual apparatus of the socio-cognitive and intercultural studies, including such notions as interculture, common ground, egocentrism, salience and others is analyzed. The author highlights the theoretical potential of I. Kecskes's works, focusing, in particular, on his dynamic model of meaning. In reference to intercultural studies I. Kecskes's interpretation of linguistic creativity in intercultural communication is brought to light.

Keywords: I. Kecskes, comparative linguopragmatics, socio-cognitive linguopragmatics, intercultural communication, interculture, linguocreativity

For citation: Guermanova, N. N. (2025). Socio-cognitive theory by I. Kecskes and intercultural pragmatics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 58–66. (In Russ.)

Введение

В современном мире процессы глобализации приводят к активизации международных контактов в сфере дипломатии, политики, бизнеса, образования, туризма, миграционных процессов и т. п. Это делает актуальным изучение межкультурной коммуникации, в ходе которой интеракция осуществляется между носителями разных языков и / или представителями разных лингвокультур. Участвующие языковые контакты меняют контуры лингвистических дисциплин, в том числе лингвопрагматики. Так, если в XX веке основатели прагматики (Дж. Л. Остин, Г. П. Грайс, Дж. Серль, Дж. Лич, П. Браун, С. Левинсон) искали универсальные принципы человеческой коммуникации, то уже в конце 90-х годов XX века на первый план выходят проблемы сопоставительной прагматики.

В ее рамках западные исследователи выделяют три основных направления: кросс-культурную прагматику, межъязыковую (интеръязыковую) прагматику и межкультурную (интеркультурную) прагматику [Kecskes, 2020]. Кросс-культурная прагматика (cross-cultural pragmatics) нацелена на выявление различий в коммуникативном поведении представителей разных лингвокультур¹. Межъязыковая прагматика (interlanguage pragmatics) нацелена на решение проблем овладения иностранными языками, в том числе на обретение учащимися способности эффективно выполнять социокультурные функции при использовании изучаемого языка. Межкультурная прагматика (intercultural pragmatics) изучает процесс коммуникации между носителями разных языков, осуществляемый на языке-посреднике, который является неродным для всех или части коммуникантов. Это относительно молодое по сравнению с двумя другими разделами сопоставительной прагматики направление, сформировавшееся в западной прагматике в начале 2000-х годов. Об актуальности разрабатываемой в его рамках проблематики свидетельствует издание ряда монографий [Research Trends in Intercultural Pragmatics, 2013; Kecskes 2014; Current Issues in Intercultural Pragmatics, 2017; Doing Pragmatics Interculturally: Cognitive, Philosophical, and Sociopragmatic Perspectives 2017; The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication, 2020; The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics, 2022]. Их содержание демонстрирует разнообразие

¹ Ее иногда подразделяют на контрастивную прагматику, в рамках которой сравнивают формальные параметры коммуникативного поведения носителей разных языков, и кросс-культурную прагматику, которая выявляет проявление в языковом поведении представителей разных лингвокультур разных систем ценностей; у истоков последней находятся работы А. Вежбицкой.

подходов исследователей, фокусирующих свое внимание на разных аспектах межкультурной коммуникации.

В настоящей статье речь пойдет о социокогнитивном направлении межкультурной лингвопрагматики, предложенном и активно развиваемом американским лингвистом венгерского происхождения И. Кечкешем (1947–2025). Ушедший из жизни в феврале 2025 года президент Американской ассоциации прагматики (AMPRA), основатель и главный редактор журналов «Intercultural Pragmatics» и «Chinese as a Second Language Research», основатель книжной серии «Mouton Series in Pragmatics», И. Кечкеш хорошо известен в западной академической среде; не будет преувеличением сказать, что в последние годы само словосочетание «межкультурная прагматика» ассоциируется у англоязычных исследователей, в первую очередь, с его именем. Однако в отечественной лингвистике его идеи на настоящий момент не получили системного освещения (опубликованная им на русском языке статья «Слово, контекст и коммуникативное значение» [Кечкеш, 2014] представляет лишь небольшую часть его теории и, главное, не затрагивает вопросы межкультурной коммуникации).

Автор настоящей статьи ставит целью восполнить этот пробел. В ней впервые в отечественной лингвистике в системном виде представлена общелингвистическая концепция И. Кечкеша и продемонстрировано ее приложение к анализу межкультурной коммуникации.

Актуальность научной концепции И. Кечкеша определяется ростом интереса лингвистов к межкультурной коммуникации, которая начинает играть все более важную роль в международных контактах. Поэтому требуется разработка новых методов ее исследования, основанных на объединении лингвопрагматического и когнитивного подходов.

В задачи исследования входит:

- анализ теоретических оснований и методологической базы социокогнитивной прагматики И. Кечкеша;
- установление соотношения социокогнитивной прагматики с другими направлениями лингвопрагматики;
- анализ возможностей приложения положений социокогнитивной прагматики к теории значения;
- освещение вклада И. Кечкеша в изучение межкультурной коммуникации;
- выявление точек соприкосновения теории И. Кечкеша и отечественной психолингвистики.

Межкультурная прагматика И. Кечкеша: проблематика и место среди других направлений лингвопрагматики

И. Кечкеш является автором многочисленных научных трудов по вопросам лингвопрагматики, когнитивной науки, межкультурной коммуникации; в целостном виде его идеи представлены в монографиях «Межкультурная коммуникация» [Kecskes, 2014] и «Социокогнитивный подход к коммуникации и прагматике» [Kecskes, 2023].

И. Кечкеш позиционирует развиваемую им социокогнитивную межкультурную прагматику как теорию, которая позволяет перебросить мостик от лингвофилософской англо-американской традиции к европейской социокультурной интеракционистской прагматике. Полагая, что ограничением многих теорий прагматики, в том числе философско-теоретических и даже кросс-культурных, является их монологичная перспектива, Кечкеш предлагает исследователям включить в поле зрения сам процесс межкультурной коммуникации.

Межкультурная прагматика в понимании Кечкеша исследует то, как представителям разных лингвокультур удается создать «интеркультуру», преодолев отсутствие общих фоновых знаний, различия в коммуникативных ценностях, неодинаковую интерпретацию социального контекста и межличностной дистанции и другие проблемы, порожденные разным предшествующим опытом. Эта установка порождает и ряд специальных задач. К их числу И. Кечкеш относит изучение того, как коммуниканты компенсируют незнание идиоматических и других устойчивых выражений; что происходит с импликатурами и пресуппозициями в условиях слабого знания говорящими языка и коммуникативных норм; как проявляет себя в межкультурной коммуникации креативность; как говорящие создают текущую общую когнитивную базу и к каким коммуникативным стратегиям прибегают, чтобы добиться взаимопонимания [Kecskes, 2019].

И. Кечкеш понимает культуру как «социально установленный набор разных типов структур знания ... систему разделяемых убеждений, норм, ценностей, обычаев, типов поведения, артефактов, которые члены сообщества используют, чтобы взаимодействовать с окружающей действительностью и друг с другом» [Kecskes, 2014, с. 4]. Он подчеркивает, что индивиды присваивают нормативные компоненты культуры и идентифицируют себя с той или иной культурой в разной степени в зависимости от индивидуального опыта. В ходе межкультурного общения возникают интеркультуры – результат взаимного приспособления коммуникантов

друг к другу, своего рода сплав культур. Термин «интеркультура» используется в прагматике с конца 1990-х годов. В отличие от множества своих предшественников Кечкеш акцентирует когнитивную составляющую дискурсивно формируемой интеркультуры [Schröder, 2024]. Интеркультуры, по Кечкешу, создаются на основе норм и моделей родной для каждого коммуниканта культуры, в той или иной степени им присвоенных, его индивидуально-прежнего опыта и формируемого в ходе данной интеракции актуального текущего ситуативного опыта. Интеркультуры динамичны, они конструируются в ходе коммуникации и могут исчезнуть по ее завершении: так, окказиональная номинация, созданная коммуникантом в силу несовершенного знания языка-посредника, может быть принята другими участниками интеракции до конца коммуникативного акта. Однако, если коммуниканты входят в относительно устойчивую группу (например, в сообщество совместной практики), подобные инновации могут быть более устойчивыми. Это обстоятельство делает актуальным использование «микро-диахронического подхода», позволяющего изучать изменения в относительно устойчивых интеркультурах на протяжении небольших отрезков времени.

Заметим, что теория Кечкеша выходит за рамки изучения межкультурной коммуникации, затрагивая вопросы коммуникации, знания и значения как таковых [Kecskes, 2023]. Автор подчеркивает, что межкультурная коммуникация и коммуникация между представителями разных субкультур представляют собой не дихотомию, а континуум. Это создает предпосылки для разработки автором динамической модели значения (см. подробнее ниже).

Кечкеш в большей степени, нежели авторы, работающие в рамках социопрагматики, учитывает когнитивную составляющую коммуникации, в том числе и индивидуальные значения, которые коммуниканты вкладывают в свои высказывания и в интерпретацию высказываний собеседников, исходя не только из социальных условий, в которых протекает данный коммуникативный акт, но и из своего прошлого индивидуального опыта. Можно согласиться с Дж. Холмс, что на первый план для Кечкеша выходят когнитивные, а не социальные моменты [Holmes, 2014]. Его интересует процесс формирования смысла высказываний в ходе интеракции с точки зрения как говорящего, так и слушателя. В целом разделяя интеракционистский подход к интерпретации высказываний, характерный для современной западной лингвопрагматики, Кечкеш стремится избегать его крайностей. Исследователь учитывает не только текущий, но и прежний опыт коммуникантов; итог коммуникации, в его

понимании, определяется взаимодействием исходных индивидуальных и формируемых в процессе коммуникации интенций, опыта и когнитивных баз коммуникантов.

Социокогнитивная теория И. Кечкеша как теоретическая база межкультурной прагматики

В качестве основы межкультурной прагматики И. Кечкеш предложил собственную социокогнитивную теорию. С его точки зрения, существующие модели коммуникации, в том числе и межкультурной, в недостаточной мере учитывали индивидуально накопленный опыт коммуникантов, излишне акцентируя общие социальные и культурные нормы, принятые в том или ином социуме (ср. типологии культур Э. Холла и Г. Хофстеде). «Коллективное знание существует, но оно интерпретируется, присваивается (субъективизируется) по-разному каждым индивидом. Коллективные культурные модели усваиваются индивидами в каждом случае по-разному», – справедливо утверждает Кечкеш [Kecskes, 2014, с. 593]. «У интеркультур есть и относительно нормативные, и формируемые текущей ситуацией компоненты», – утверждает автор [Kecskes, 2020, с. 140].

Три важнейших фактора, формирующие дискурсивные значения, это, по Кечкешу, прагматические культурные нормы, прежний опыт и текущий ситуативный опыт [Kecskes, 2020]. По мнению лингвиста, исследователи недооценивают значение прежнего накопленного индивидом опыта. Он настаивает на том, что индивидуальный опыт коммуниканта, оказывающий на подсознательном уровне воздействие на его интенции и поведение, так же важен, как и влияние социокультурного окружения и других социальных факторов. Собственно говоря, учет прежнего индивидуального опыта (*prior experience*) и является отличительной чертой его концепции. Для описания предшествующего индивидуального опыта каждого из коммуникантов. Кечкеш вводит когнитивное в своей основе понятие эгоцентризма¹, противопоставляя его понятию кооперации, которое, начиная с работ Г. П. Грайса, доминировало в лингвопрагматических исследованиях. Эгоцентризм в межкультурной коммуникации коренится в большей опоре говорящих и слушающих на их собственные, а не общие знания [Kecskes, 2014; 2023]. Прежний

¹В написанной им на русском языке статье И. Кечкеш употребляет в данном контексте слово «эгоизм» [Кечкеш, 2014], но оно обременено отрицательными созначениями, искажающими смысл, заложенный в нем автором, которые, на наш взгляд, присущи слову «эгоцентризм» в меньшей степени.

опыт направляет внимание говорящего на наиболее значимую для него (салиентную) информацию и формирует интенцию донести до собеседника именно ее; первая интерпретация полученной информации адресатом также «эгоцентрична», т. е. основана на наиболее значимых для него прежних знаниях и опыте.

В соответствии с этим другие выделяемые автором дихотомии, которые противопоставляют индивидуально-когнитивные и социальные компоненты в коммуникативном поведении, таковы:

- *прежний опыт* (*prior experience*) vs *актуальный (текущий) ситуативный опыт* (*actual situational experience*), т. е. опыт, приобретаемый к ходу данной интеракции;
- *салиентность* (важность того или иного компонента индивидуального знания для конкретного индивида, определяемая его прошлым опытом) vs *релевантность* (значимость в данном социальном контексте);
- *внимание* (акцент коммуниканта на салиентных для него компонентах знания) vs социально оформленное *намерение*.

Другие понятия, необходимые для анализа коммуникативного поведения, также трактуются автором с учетом прежнего индивидуального опыта участников коммуникации. Так, Кечкеш пересматривает понятие социального контекста. Он согласен с доминирующей в западной прагматике интеракционистской точкой зрения, согласно которой социальный контекст не является объективной данностью, а формируется в ходе коммуникации. Но, с его точки зрения, важно учитывать не только контекст, формируемый в ходе *данного* коммуникативного акта (*emergent context*), но и прежний индивидуальный опыт коммуникантов в различных социальных контекстах (*prior context*). «Прежний контекст делает информацию салиентной в коммуникативном акте, а актуальный ситуативный контекст делает информацию релевантной», – поясняет Кечкеш [Kecskes, 2023, с. 14]. Свою роль играют и культурные нормы, которые коммуниканты в той или иной степени усваивают и присваивают.

Такой многомерный подход позволяет Кечкешу избежать крайностей интеракционистского подхода, когда важнейшие составляющие коммуникации – социальный контекст, идентичность говорящих, отношения между ними, их интенции и т. д. – односторонне трактуются как intersubjectively создаваемые в ходе интерактивного акта (об интеракционизме как теоретической базе современной англоязычной лингвопрагматики см. [Германова, 2025]).

Анализ коммуникации подводит Кечкеша к разработке динамической модели значения, то есть того значения, которое высказывания приобретают

в коммуникации. Кечкеш возражает против принципа кооперации как основы коммуникативного процесса: в основе коммуникации лежит не кооперация, а конфликт эгоцентрических и кооперативных стремлений коммуникантов. Прежний опыт хотя бы частично определяет значение слова для говорящего и слушающего: «Слово является складом прежних ситуаций, в которых оно было употреблено» [Кечкеш, 2014, с. 10]. Он выступает против распространенного в лингвистике положения о том, что значение неопределимо без контекста: контекст для него – внешний проявитель, а не генератор значений. Кечкеш ссылается на теорию «градуированной отмеченности», предложенной Р. Гиора, в соответствии с которой в процессе интерпретации предпочтение отдается не буквальному значению, а психологически наиболее отмеченному значению, которое может оказаться как буквальным, так и переносным [Giora, 2003]. Развивая эту мысль, Кечкеш утверждает, что наиболее отмеченное значение имеет психологическую реальность не только для слушающего (как в концепции Р. Гиора), но и для говорящего, т. е. его динамическая модель значения работает не только для понимания, но и для производства речи.

Очевидно, что эти соображения актуальны не только при анализе межкультурной коммуникации: говорящие, принадлежащие к разным субкультурам в рамках одной лингвокультуры, также могут испытывать затруднения во взаимопонимании, хотя в меньшей степени, чем в межкультурной коммуникации. Как подчеркивает И. Кечкеш, межкультурная (intercultural) и внутрикультурная (intracultural) коммуникация – это не дихотомия, а два полюса одного континуума.

Заметим, что модель динамического значения И. Кечкеша имеет определенное сходство с понятием личностного смысла, введенным в отечественную психологию Л. С. Выготским в 40-х годах прошлого века, разработанным А. Н. Леонтьевым в 60–70-е годы и позднее перенесенным в отечественную психолингвистику в рамках теории речевой деятельности А. А. Леонтьевым как противопоставление психологическому значению. Как и личностный смысл, значение в динамической модели значения формируется с опорой на прежний индивидуальный опыт; как и личностный смысл, оно возникает в контексте конкретного коммуникативного акта; как и личностный смысл, оно определяется меняющимися условиями жизнедеятельности субъекта и в силу этого непостоянно и неустойчиво; как и личностный смысл, оно психологически актуально для субъекта и сопряжено с интенцией (в теории отечественной психолингвистики – с ведущим мотивом речевой деятельности).

Основное различие между динамическим значением и личностным смыслом состоит в том, что понятие личностного смысла формируется на другой методологической базе в рамках теории (речевой) деятельности. Другая научная парадигма определяет различия в концептуальном аппарате. Понятие опыта (experience), которое использует Кечкеш, отличается от понятия деятельности: деятельность активна, мотивирована, речевое действие целенаправленно; переживание опыта этими характеристиками не обладает, поскольку включает в себя не только осознанную деятельность субъекта, но и то, что с ним происходит помимо его воли. Отечественные психолингвисты полагают, что в ходе деятельности в сознании говорящих формируются вербальные ассоциативные сети, одним из эффективных способов исследования которых является ассоциативный эксперимент [Пищальникова, 2025]; И. Кечкеш специальных методов для анализа салиентной для индивида информации не предлагает.

Заметим, что в отечественной психологии переживание опыта также было осмыслено ведущими учеными как одно из базовых понятий. Так, у Л. С. Выготского переживание опыта рассматривается как методологическая категория: переживание, по Выготскому, это точка объединения личности и среды, движущая сила развития сознания и личности. Сходную позицию высказывал С. Л. Рубинштейн, подчеркивавший, что переживание как субъектная сторона деятельности дополняет знание – ее объектную сторону – и преобразует окружающий мир, формируя уникальную картину мира субъекта.

Межкультурная коммуникация в свете социокогнитивной прагматики И. Кечкеша

В межличностной лингвопрагматике материалом исследований, основанных на социокогнитивной теории И. Кечкеша, служат отрывки диалогов, полученные в результате наблюдений или извлеченные из корпусов текстов. Автор называет свой материал «сегментированным дискурсом» (segment-centered discourse). Он подчеркивает, что в отличие от теории речевых актов для его целей недостаточно анализа отдельных высказываний: в реальной коммуникации они часто не закончены ни в формальном, ни в смысловом отношении, и выявить интенции говорящих, формирование общей когнитивной базы, креативное преодоление трудностей межкультурной коммуникации можно лишь на более обширном материале.

Лингвист часто использует примеры из трудов других исследователей, в частности, работающих в русле разговорного анализа, но истолковывает их в соответствии с собственными теоретическими установками. Актуальными для его анализа оказываются и материалы исследований *English as lingua franca* (ELF) – идиома, который в последнее время привлек внимание европейских исследователей (о дискуссиях вокруг статуса этого идиома см. подробнее [Германова, 2019]). Помимо результатов наблюдений и анкетирования, исследователи ELF привлекают данные корпусов VOICE (Vienna-Oxford International Corpus of English), ELFA (English as a Lingua Franca in Academic settings) и SELF (Studying in English as a Lingua Franca).

При анализе межкультурной коммуникации принципиально важным оказывается понятие общей когнитивной базы. И. Кечкеш разграничивает исходную когнитивную базу (core common ground), которая сложилась у коммуникантов на основе их прежнего индивидуального опыта и усвоения этнических культурных моделей, и текущую общую когнитивную базу, которая складывается в ходе данной интеракции (emergent common ground) [Kecskes, 2009]. Социокогнитивные исследования межкультурной коммуникации призваны показать, как прежний индивидуальный опыт и знания участников коммуникации видоизменяются с учетом текущей ситуации, приспособиваясь друг к другу и формируя актуальную (текущую) общую когнитивную базу, необходимую для более или менее успешного взаимодействия. Некоторые авторы расценивают теорию когнитивной базы как важнейший компонент социокогнитивной прагматики Кечкеша [Gibbs, Colston, 2017; Sanders, 2017]. Заметим, что в отечественной лингвистике теория когнитивной базы разрабатывается с конца 90-х годов XX века [Красных, 1997].

Анализируя межкультурную коммуникацию, Кечкеш уделяет особое внимание использованию и интерпретации устойчивых выражений. Он вводит термин 'situation-bound utterances' (SBU), который охватывает разного рода стандартные выражения – фразеологизмы в прямом смысле слова, этикетные формулы, фразовые глаголы и т. п. Такого рода выражения «особенно важны, так как они отражают социокультурные паттерны, культурные модели и поведенческие ожидания представителей речевого сообщества» [Kecskes, 2023, с. 104]. По наблюдениям ученого, в условиях неполного усвоения иностранного языка говорящие используют гораздо меньшее число SBU, чем носители языка, а при их интерпретации имеют тенденцию полагаться на прямое, семантически

прозрачное значение языковых единиц, истолковывая «формульные» выражения в буквальном смысле [Kecskes, 2003; Kecskes, 2009]¹. Одним из следствий слабого владения SBU является характерное для межкультурной коммуникации нарушение норм вежливости или неправильное истолкование с точки зрения вежливости / невежливости высказываний собеседника.

Понятие SBU оказывается в центре предложенной Кечкешем своеобразной трактовки креативности в межкультурной коммуникации. Рассматривая коммуникацию как чередование устойчивых и свободных словосочетаний (Idiom Principle Versus Open Choice Principle), Кечкеш приходит к выводу, что при использовании неродного языка говорящие производят гораздо больше свободных словосочетаний, чем носители языка, владеющие SBU. При этом они вынуждены придумывать новые номинации ad hoc, например: «Let's rest the sleeping lion» или «Can you illuminate my cigarette?», в чем и проявляется их креативность. Другими словами, нарушения норм иностранного языка вследствие неполного усвоения этого языка говорящим трактуются не как ошибки, а как проявление лингвокреативности.

Подобная трактовка нарушения языковых норм достаточно распространена среди исследователей ELF (см., к примеру, [Seidlhofer, 2013]), но отличается от принятого в отечественной науке понимания лингвокреативности как намеренного, прагматически ориентированного нарушения языковых стандартов, как культурно-творческого акта создания и модификации языковых знаков и смыслов, творческого осмысления и конструирования мира человеком [Лингвокреативность..., 2021].

Заметим, что другие исследователи ELF обнаруживают в этом идиоме и сознательное стремление к выразительности, то есть лингвокреативность в более традиционном понимании [Pitzl, 2023; Franceschi, 2013; MacArthur, Alejo-González, 2024]. Так, М.-Л. Пицл обнаружила в корпусах VOICE и ELFA три типа метафорических контекстов: создание новых метафор; модифицирование устойчивых метафорических выражений языка-посредника; перенесение метафорических выражений из родного языка говорящего в ELF. Функции метафорических и идиоматических выражений в межкультурной коммуникации, показывает М.-Л. Пицл, разнообразны: это акцентирование, подытоживание, пояснение, смягчение угрозы лицу собеседника, создание

¹Так, в одном из приводимых им примеров японский студент понимает вежливое приглашение сесть (*Why don't you sit down?*), адресованное ему преподавателем, как вопрос и дает соответствующий ответ (*Because you did not tell me to*) [Kecskes, 2014, с. 117].

непринужденной атмосферы и даже выражение мультилингвальной или мультикультурной идентичности [Pitzl, 2023]. Это свидетельствует, по ее мнению, о том, что метафорическая креативность и креативное варьирование идиом не создают проблемы в межкультурных контактах на ELF, и доказывает, что участники межкультурной коммуникации далеко не всегда полагаются на прямое значение языковых единиц.

Заключение

В социо-когнитивной теории И. Кечкеша прослеживаются две составляющие. Во-первых, его теория приложима к теории коммуникации в целом. Кечкеш последовательно подчеркивает когнитивную сторону своей динамической модели значения: то, что значения формируются в ходе коммуникации интерактивно, не означает, что коммуниканты не имеют прошлого: значение высказываний отражает не только текущий контекст общения, но также индивидуальный прежний опыт коммуникантов, на который, в свою очередь, накладывают свой отпечаток культурные нормы и паттерны их лингвокультур. Поведение говорящих определяется столкновением принципов кооперации и эгоцентризма. Соответственно, в акте коммуникации прежний опыт влияет на актуальный (текущий) ситуативный опыт; салиентность (важность того или иного компонента индивидуального знания для конкретного индивида, определяемая его прошлым опытом) оборачивается релевантностью (значимостью в данном социальном контексте),

внимание (фокусирование на салиентных для индивида компонентах знания) превращается социально оформленное намерение.

Во-вторых, эта теория определяет трактовку Кечкешем межкультурной коммуникации, под которой автор понимает общение на языке, который не является родным, по крайней мере, для части участников интеракции. В ходе межкультурной коммуникации ее участники создают временную интеркультуру, взаимно приспособляя прежний индивидуальный опыт к потребностям сложившейся ситуации. В частности, в силу неполного владения языком-посредником участники межкультурной коммуникации вынуждены заменять устойчивые выражения (SBU) собственными номинациями с буквальным смыслом и истолковывать идиомы аналогичным образом; Кечкеш расценивает подобное речевое поведение (Open Choice Principle) в качестве проявления лингвокреативности. Предлагаемый лингвистом микродиахронический подход к изучению интеркультур в относительно устойчивых группах коммуникантов позволит выяснить, насколько долговечными могут быть результаты подобного языкового творчества.

Для отечественных лингвистов особый интерес исследования И. Кечкеша придает то, что ряд выдвинутых им положений (модель динамического значения, теория когнитивной базы) обнаруживают определенное сходство с базовыми положениями отечественной психолингвистики и когнитивной лингвистики. Детальный анализ этих смысловых пересечений определяет перспективную линию дальнейших исследований.

Список источников

1. Kecskes I. Interculturality and intercultural pragmatics // *The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication* / J. Jackson (ed.). 2nd ed. NY: Routledge, 2020. P. 138–155.
2. *Research Trends in Intercultural Pragmatics* / I. Kecskes, J. Romero-Trillo (eds.). Boston – Berlin: Walter de Gruyter, 2013.
3. Kecskes I. *Intercultural Pragmatics*. Oxford–New York: Oxford University Press, 2014.
4. *Current Issues in Intercultural Pragmatics* / I. Kecskes, S. Assimakopoulos (eds.). Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.
5. *Doing Pragmatics Interculturally: Cognitive, Philosophical, and Sociopragmatic Perspectives* / R. Giora, M. Haugh (eds.). Berlin–Boston: Mouton de Gruyter, 2017.
6. *The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication* / J. Jackson (ed.). Oxon–New York: Routledge, 2020.
7. *The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics* / I. Kecskes (ed.) Cambridge : Cambridge University Press, 2023.
8. Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 7–18.
9. Kecskes I. *The Socio-Cognitive Approach to Communication and Pragmatics*. Cham: Springer, 2023.
10. Kecskes I. Editorial to the special issue “Current developments in intercultural pragmatics” // *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 151. P. 74–75.
11. Schröder U. *Co-constructing Intercultural Space: An Embodied Approach*. Berlin–Boston: Walter de Gruyter, 2024.

12. Holmes J. Kecskes, I. 2014. *Intercultural Pragmatics*. Oxford University Press: New York. pp. 277: [Review of the book] // *Language and Dialogue*. 2014. № 4 (3). P. 478–486.
13. Германова Н. Н. Англоязычная межличностная лингвопрагматика: новые тенденции в изучении коммуникативного поведения // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025. Вып. 8 (902). С. 41–50.
14. Giora R. *On Our Mind: Saliency, Context, and Figurative Language*. Oxford: Oxford University press, 2003.
15. Пищальникова В.А. Индексы ассоциативного поля как параметры исследования речевого действия: к становлению метода // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025. Вып. 8 (902). С. 19–27.
16. Германова Н. Н. *Английский язык сквозь призму социолингвистики: теоретические аспекты языкового варьирования*. М: МГЛУ, 2019.
17. Kecskes I. Activating, seeking and creating common ground: socio-cognitive approach / I. Kecskes, F. Zhang // *Pragmatics and cognition*. 2009. № 172 (2). P. 331–355.
18. Gibbs R. W. The emergence of common ground / R. W. Gibbs, H. L. Colston // *Doing Pragmatics Interculturally: Cognitive, Philosophical, and Sociopragmatic Perspectives* / R. Giora, M. Haugh (eds.). Berlin–Boston: Mouton de Gruyter, 2017. P. 13–29.
19. Sanders R. S. Overcoming differences and achieving common ground: Why speaker and hearer make the effort and how they go about it / *Doing Pragmatics Interculturally: Cognitive, Philosophical, and Sociopragmatic Perspectives* / R. Giora, M. Haugh (eds.). Berlin–Boston: Mouton de Gruyter, 2017. P. 31–54.
20. Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) / под. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов // *Язык, сознание, коммуникация*. 1997. Вып. 1. С.128–145.
21. Kecskes I. *Situation-bound utterances in L1 and L2*. Berlin–NY: Mouton de Gruyter, 2003.
22. Seidlhofer B. *Understanding English as a Lingua Franca: A Complete Introduction to the Theoretical Nature and Practical Implications of English used as a Lingua Franca*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
23. *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности* / отв. ред. И. В. Зыкова. М.: РВалент, 2021.
24. Pitzl M. L. Creativity and Idiomaticity in Intercultural Interactions // *The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics* / I. Kecskes (ed). Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 187–215.
25. Franceschi V. Figurative language and ELF: Idiomaticity in cross-cultural interaction in university settings // *Journal of English as a Lingua Franca*. 2013. № 2 (1). P. 75–99.
26. MacArthur F. Beyond idioms, the use of metaphor in ELF academic settings: A comprehensive review / F. MacArthur, R. Alejo-González // *Journal of Pragmatics*. 2024. № 219. P. 48–57.

References

1. Kecskes, I. (2020). Interculturality and intercultural pragmatics. In Jackson, J. (Ed.), *The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication* (pp. 138–155). 2nd ed. NY: Routledge.
2. Kecskes, I., Romero-Trillo, J. (Eds.). (2013). *Research Trends in Intercultural Pragmatics*. Boston–Berlin: Walter de Gruyter.
3. Kecskes, I. (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford–New York: Oxford University Press.
4. Kecskes, I., Assimakopoulos, S. (Eds.). (2017). *Current Issues in Intercultural Pragmatics*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
5. Giora, R., Haugh, M. (Eds.). (2017). *Doing Pragmatics Interculturally: Cognitive, Philosophical, and Sociopragmatic Perspectives*. Berlin–Boston: Mouton de Gruyter.
6. Jackson, J. (Ed.). (2020). *The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication*. Oxon–New York: Routledge.
7. Kecskes, I. (Ed.). (2023). *The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kecskes, I. (2014). Slovo, kontekst i komunikativnoe znachenie = Word, context and communicative meaning. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 7–18. (In Russ.)
9. Kecskes, I. (2023). *The Socio-Cognitive Approach to Communication and Pragmatics*. Cham: Springer.
10. Kecskes, I. (2019). Editorial to the special issue “Current developments in intercultural pragmatics.” *Journal of Pragmatics*, 151, 74–75.

11. Schröder, U. (2024). Co-constructing Intercultural Space: An Embodied Approach. Berlin–Boston: Walter de Gruyter.
12. Holmes J. (2014). Kecskes, I. (Ed.). 2014. Intercultural Pragmatics. Oxford University Press: New York. pp. 277: [Review of the book]. *Language and Dialogue*, 4(3), 478–486
13. Guermanova, N. N. (2025). Interpersonal pragmatics: new tendencies in studies of communicative behaviour. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(902), 41–50.
14. Giora, R. (2003). *On Our Mind: Salience, Context, and Figurative Language*. Oxford: Oxford University Press.
15. Pishchalnikova, V. A. (2025). Associative field indexes as parameters of speech action research: towards the formation of a method. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(902), 19–27.
16. Guermanova, N. N. (2019). *Anglijskij jazyk skvoz' prizmu sociolingvistiki: teoreticheskie aspekty jazykovogo var'irovaniya* [The English Language through the prism of sociolinguistics: theoretical aspects of language variation]. Moscow: MSLU.
17. Kecskes, I., Zhang, F. (2009). Activating, seeking and creating common ground: socio-cognitive approach. *Pragmatics and cognition*, 17(2), 331–355.
18. Gibbs, R. W., Colston, H. L. (2017). The emergence of common ground. In Giora, R., Haugh, M. (Eds.), *Doing Pragmatics Interculturally: Cognitive, Philosophical, and Sociopragmatic Perspectives* (pp. 13–29). Berlin–Boston: Mouton de Gruyter.
19. Sanders, R. S. (2017). Overcoming differences and achieving common ground: Why speaker and hearer make the effort and how they go about it. In Giora, R., Haugh, M. (Eds.), *Doing Pragmatics Interculturally: Cognitive, Philosophical, and Sociopragmatic Perspectives* (pp. 31–54). Berlin–Boston: Mouton de Gruyter.
20. Krasnyh, V. V. (1997). Kognitivnaja baza vs kul'turnoe prostranstvo v aspekte izuchenija jazykovoj lichnosti (k voprosu o russoj konceptosfere) [Cognitive basis vs cultural space in the aspect of language personality studies (concerning Russian conceptosphere)]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija*, 1, 128–144.
21. Kecskes, I. (2003). *Situation-bound utterances in L1 and L2*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
22. Seidlhofer, B. (2013). *Understanding English as a Lingua Franca: A Complete Introduction to the Theoretical Nature and Practical Implications of English used as a Lingua Franca*. Oxford: Oxford University Press.
23. Zykova, I. V. (Ed.). (2021). *Lingvokreativnost' v diskursah raznyh tipov: predely i vozmozhnosti* [Linguistic creativity in discourses of different types: limits and potential]. Moscow: R.Valent.
24. Pitzl, M. L. (2023). Creativity and Idiomaticity in Intercultural Interactions. In Kecskes, I. (Ed.), *The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics* (pp. 187–215). Cambridge: Cambridge University Press.
25. Franceschi, V. (2013). Figurative language and ELF: Idiomaticity in cross-cultural interaction in university settings. *Journal of English as a Lingua Franca*, 2(1), 75–99.
26. MacArthur, F., Alejo-González, R. (2024). Beyond idioms, the use of metaphor in ELF academic settings: A comprehensive review. *Journal of Pragmatics*, (219), 48–57.

Информация об авторе

Германова Наталия Николаевна

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
 Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Guermanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
 Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	18.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Прагматические стратегии адаптации научного знания в лонгриде

М. И. Киосе¹, А. Ибрагимов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹Институт языкознания РАН, Москва, Россия

¹maria_kiose@mail.ru

²aibragimov194@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье ставится проблема прагматической адаптации научного знания в медиа-дискурсе. Цель исследования заключается в разработке процедуры когнитивно-дискурсивного анализа в конструировании научного знания и в последующем установлении прагматических стратегий адаптации знания научной статьи к формату лонгрида. С опорой на распределение семантических ролей и типов позиционирования в научной статье и в лонгриде определяются две прагматические стратегии: интенсификация и ослабление. Они проявляются в увеличении или снижении представленности тех или иных ролей и маркеров позиционирования. Результаты исследования показывают преобладание стратегий интенсификации в отношении агентивности, пространственного конструирования, вероятности событий при конструировании научного знания в лонгриде.

Ключевые слова: конструирование, анализ семантических ролей, анализ позиционирования, научный текст, лонгрид, прагматическая стратегия, адаптация знания

Для цитирования: Киосе М. И. Прагматические стратегии адаптации научного знания в лонгриде / М. И. Киосе, А. Ибрагимов // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 67–75.

Original article

Pragmatic Strategies in Academic Knowledge Adaptation in Longreads

Maria I. Kiose¹, Akhmed Ibragimov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

¹maria_kiose@mail.ru

²aibragimov194@gmail.com

Abstract. The study addresses the problem of pragmatic adaptation observed in the construal of academic knowledge in media discourse. Its aim is to explore the construal and pragmatization of academic knowledge within a cognitive-discursive framework, and to further identify the pragmatic strategies of adapting the semantic structure and stance in an academic article to a longread. Featuring the distribution of semantic roles and stance types in the article and the longread, the study reveals two pragmatic strategies of intensification and mitigation appearing in the differences found in the distribution of roles and stance markers. The results show the prevalence in intensification strategies attributed to agency, spatial construal, higher probability of events in the construal of academic knowledge in the longread.

Keywords: construal, semantic roles analysis, stance analysis, academic text, longread, pragmatic strategy, knowledge adaptation

For citation: Kiose, M. I., Ibragimov, A. (2026). Pragmatic strategies in academic knowledge adaptation in longreads. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 67–75. (In Russ.)

Введение

В настоящее время изучение дискурсов активного воздействия, в первую очередь, медиадискурса, становится одним из центральных направлений когнитивно-прагматических исследований. Как отмечает О. В. Соколова, «в отличие от текста как категории преимущественно лингвистической, дискурс является прагматической категорией, обращенной к коммуникативной ситуации» [Соколова, 2014, с. 15]. Актуальность исследования дискурса данного типа связана с тем, что установление стратегий конструирования и прагматизации знания может отвечать не только коммерческим, но и образовательным целям, что приобретает особую социальную значимость в контексте информационной экологии [Сергеева, 2025]. В настоящей работе решаются следующие задачи:

- 1) разрабатывается процедура установления прагматических стратегий адаптации научного знания в медиадискурсе;
- 2) устанавливаются особенности их распределения в одном из форматов медиадискурса – лонгриде.

Методологически работа опирается на трехчастную концепцию моделирования дискурсивного воздействия (дискурсивный анализ типов знания, анализ конструирования, нарративный анализ) [Discourse, framing and narrative: three ways of doing critical interpretative policy analysis, 2025], что обеспечивает новизну исследования. С применением методики параметрического анализа [Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности, 2021] устанавливаются особенности конструирования и модификации научного знания в лонгриде в целом и в его отдельных нарративных компонентах в сопоставлении с научной статьей, что позволяет определить состав прагматических стратегий адаптации научного знания в лонгриде.

Теоретические основания исследования

Исследования дискурса в аспекте его воздействующего потенциала ведутся в трех ключевых направлениях (см. обзор в работе: [Discourse, framing and narrative ... , 2025]): 1) дискурсивный анализ с выявлением доминантных областей знания в дискурсе; 2) анализ конструирования, нацеленный на определение эпистемологической структуры знания; 3) нарративный анализ, в рамках которого устанавливаются состав и последовательность компонентов «рассказа» о некотором событии. Соответственно, специфика конструирования дискурса активного воздействия, а значит,

и его прагматический потенциал связывается 1) с выбором дискурсивно значимой области знания, 2) конструированием дискурсивного события с участием означенной области знания и 3) особенностями «рассказа» о дискурсивном событии.

В ряде дискурсивных исследований получили описание некоторые прагматические стратегии адаптации научного знания. В качестве таких стратегий могут выступать *селективная, классифицирующая и оценивающая* стратегии [Болдырев, 2022]. При анализе прагматической стратегии *эвиденциальности* в научно-популярном тексте разграничиваются такие ее типы, как прямая и косвенная непосредственная, косвенная опосредованная [Выровцева, 2023]. В отношении разных компонентов медиадискурса выявлены стратегии *оформления подзаголовка, выдвижения ключевой информации, выявления актуальности, пояснения, проведения аналогии, включения примеров, персонализации, детерминологизации, настоящего времени* [Writing Strategies for Science Communication: Data and Computational Analysis, 2020]. Однако описанные стратегии выработаны с опорой на принципы дискурсивной организации. Они в малой степени учитывают особенности конструирования события научного и научно-популярного текстов и его нарративной репрезентации.

Возможности анализа события в аспекте его конструирования при этом описаны в концепциях, исследующих 1) семантические роли в структуре фрейма, 2) особенности позиционирования события в структуре фрейма. Так, основываясь на исследованиях Ч. Филлмора, предложен инвентарь семантических ролей: это 91 роль в рамках семи блоков: агенса, посессивных ролей, пациента, адресата, экспериенцера, инструмента, обстоятельственных характеристик [Ляшевская, 2015]. Развивая лингвосемиотическую концепцию четырех типов позиционирования – эпистемическом, оценочном, эмоциональном (позиционирование релевантности), интерсубъективном Дж. Дю Буа [Du Bois, 2007] в системе этих типов разработана классификация из 34 параметров позиционирования [Ирисханова, 2024; Киосе, 2025]. Возможности нарративного анализа определяются с опорой на теорию нарративной организации дискурса У. Лабова [Labov, 1967]; например, структура медиастатьи была рассмотрена как состоящая из 11 элементов (заголовков, подзаголовков, фотография, подпись к фотографии, вступление, источник / аффилиация, цитата, «яркая» цитата, логотип, статистика / диаграмма / график, заключение) [Tankard, 2001] или как включающая 3 структурных части (информационную, содержательную и вспомогательную) [Методические рекомендации

для разработки и представления к публикации научной статьи, 2016].

Соответственно, с опорой на разработанные типологии семантических ролей и типов позиционирования, а также компонентов нарративной структуры представляется возможным установить:

- 1) особенности конструирования дискурса в распределении этих составляющих (компонентов нарративной структуры, семантических ролей, типов позиционирования) в научной статье и лонгриде;
- 2) особенности прагматизации научного дискурса в лонгриде (прагматические стратегии), проявляющиеся в модификации особенностей конструирования.

Методы и процедура анализа

Основным методом анализа конструирования события является когнитивно-дискурсивный метод. Он используется с опорой на методы анализа семантических ролей и типов позиционирования. Для установления их распределения в статье мы опираемся на состав ее нарративных компонентов (см. рис. 1–2).

Для проведения исследования используется методика параметрического анализа дискурса [Лингвокреативность ... , 2021]. Применительно к анализу семантических ролей методика была апробирована в ряде работ (см., например, в [Киосе, 2025]), где ручной разметке подвергаются все значимые слова в составе простого предложения с опорой на типологию семантических ролей, предложенную О. Н. Ляшевской, Е. В. Кашкиным [Ляшевская, 2015]. Применительно к анализу позиционирования в структуре простого предложения (клаузы) методика разработана О. К. Ирисхановой, А. А. Петровым, М. И. Киосе, О. Н. Прокофьевой,

Е. Е. Смирновой [Ирисханова, 2024; Киосе, 2025], где ручной разметке подвергаются параметры эпистемического, оценочного позиционирования, позиционирования релевантности и интерсубъективности с опорой на [Du Bois, 2007].

Материалом анализа являются 2 текста: научная статья А. А. Кибрика «Мультимодальная лингвистика»¹ и медиастатья, являющаяся адаптацией нескольких работ по мультимодальной коммуникации (А. А. Кибрика, Г. Е. Крейдлина, К. В. Бабаева и А. А. Архангельской, С. А. Бурлак) и размещенная на платформе «ПостНаука»². Общее количество предложений в научной статье составляет 153 (простых предложений – 732), общее количество слов – 2572. Общее количество предложений в медиастатье равняется 67 (простых предложений – 251), общее количество слов – 1266.

Процедура анализа включает три этапа.

На первом этапе тексты сегментируются на единицы анализа (простое предложение) и преобразуются в формат для ручной разметки с применением особых текстовых вставок для последующей программной обработки³. Проводится параметрическая разметка нарративной структуры текстов, где каждое простое предложение размечается (с применением кодовой разметки) на предмет реализации нарративного компонента, семантических ролей у значимых слов и типа позиционирования. Сравним особенности реализации семантических ролей в двух предложениях – из научной и медиастатьи (примеры 1–2):

¹Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. Вып. 4. С. 134-152.

²URL: <https://postnauka.org/lists/97164> (дата обращения: 12.11.2025)

³Киосе М. И., Ефремов А. А. Программа HETEROSTAT комплексного расчёта параметров дискурса. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020661240 от 21.09.2020.

Блоки семантических ролей

- Блок агенса
- Блок посессивных ролей
- Блок пациенса
- Блок адресата
- Блок экспериенцера
- Блок инструмента
- Блок обстоятельственных характеристик

Типы позиционирования

- Эпистемическое позиционирование
- Оценочное позиционирование
- Позиционирование релевантности
- Позиционирование интерсубъективности

Рис. 1. Группы параметров эпистемологического конструирования события

Нарративная структура научной статьи

- Заголовок
- Аннотация
- Ключевые слова
- Введение
- Основная часть
- Заключение
- Список источников

Нарративная структура медиатекста

- Заголовок
- Подзаголовок
- Фотография
- Подпись к фотографии
- Вступление
- Основная часть
- Источник / аффилиация
- Цитата
- «Яркая» цитата
- Логотип
- Графический элемент
- Заключение

Рис. 2. Компоненты нарративной структуры статьи

1. Окружающий <признак> нас <контрагент> мир <агенса + тема> мультимодален <статус>, и мы <тема> являемся мультимодальными <признак> организмами <статус>.
2. В процессе <момент> личного <признак> общения <признак> люди <агенса> используют не только естественный <признак> язык <инструмент>, но и разные <признак> другие <признак> знаковые <признак> (семиотические <признак>) коды <инструмент>.

Наблюдаем, что состав семантических ролей достаточно сходный, однако, предположительно, их частотность может варьироваться, так ли это, будет окончательно установлено в ходе обработки данных.

Сравним особенности реализации типов позиционирования (примеры 3–4):

3. В параграфе 4 обсуждается важность одного из визуальных компонентов – жестового <выделенный объект> – для такого центрального языкового явления, как референция <выделенный объект>.
4. Как изучают жесты <выделенный объект + точка зрения собеседника> и что они способны <уверенность в возможности> рассказать об эмоциях и отношениях между людьми <выделенный объект + точка зрения собеседника>, рассказывают эксперты ПостНауки <точка зрения 3-го лица>.

Подчеркиваем, что при представлении фрагмента со сходным содержанием в медиатекст вводятся маркеры эпистемического и интерсубъективного позиционирования. Предполагаем, что в случае с позиционированием в двух типах дискурса будут наблюдаться различия в составе типов.

На втором этапе проводится статистическая обработка данных распределения семантических ролей и типов позиционирования, а также распределения этих характеристик в составе нарративных компонентов в двух форматах научного знания с применением программных методов. Далее

проводится сопоставительный анализ с целью установления трансформаций в конструировании научного знания.

На третьем этапе с опорой на выявленные особенности устанавливаются прагматические стратегии адаптации научного знания в медиадискурсе двух типов: интенсификации и смягчения. Так, в примерах 3–4 обнаруживаются проявления стратегий интенсификации эпистемического позиционирования в отношении уверенности в возможности и интерсубъективного позиционирования в отношении точки зрения собеседника и третьего лица. Для установления стратегий проводится статистический анализ с определением значимых различий (с применением χ^2 -тестов) в распределении семантических ролей и типов позиционирования в двух форматах. В итоге формулируется окончательный состав прагматических стратегий адаптации, которые обеспечивают модификацию научного знания в дискурсе активного воздействия.

Результаты исследования

Рассмотрим особенности распределения нарративной структуры статей. Научная статья имеет следующую структуру (с указанием количества простых предложений): заголовок (1), введение (45), основная часть (642), заключение (40); также имеется список источников (который не был размечен по параметрам эпистемологического конструирования, поэтому не вошел в данные). Медиастатья имеет следующую структуру: заголовок (2), подзаголовок (8), фотография с надписью (1), вступление (5), основная часть (213), источник / аффилиация (7). Наблюдаем отсутствие заключения в медиастатье; при этом представлено сходное относительное распределение вводных компонентов (введения в научной статье и подзаголовка и вступления в медиастатье) и основной части.

Всего обнаружено 3639 случаев использования семантических ролей и 991 случай позиционирования. Сначала рассмотрим распределение семантических ролей, объединенных в блоки (см. табл. 1).

Таблица 1

Частотность блоков семантических ролей (абс. и в %)

Статья	Агенса	Посессивные роли	Пациенс	Адресат	Экспертиенцер	Инструмент	Обстоятельственные характеристики	Всего
Научная статья	91 (3,51)	104 (4)	576 (22,2)	8 (0,3)	10 (0,38)	137 (5,28)	1669 (64,32)	2595
Медиастатья	136 (13,03)	38 (3,64)	208 (19,92)	3 (0,29)	15 (1,44)	52 (4,98)	592 (56,7)	1044

Частотность групп позиционирования (абс. и в %)

	Эпистемическое	Оценочное	Релевантности	Интерсубъективное	Всего
Научная статья	78 (19,02)	95 (23,17)	140 (34,15)	237 (57,8)	410
Медиастатья	330 (56,8)	130 (22,38)	66 (11,36)	121 (20,82)	581

Как показали результаты, в медиадискурсе наблюдается интенсификация агентивности (5) и ослабление обстоятельственных характеристик (6–7):

5. Мы <агенс> используем не только слова, но и звуки, не имеющие отношения к языку: внедренные в контекст общения, они обретают смысл.
6. Ученые делят жесты на семиотические <признак> классы.
7. Наконец, выделяются жесты-регуляторы, которые помогают выстроить общение.

В примерах 6–7 отмечаем в примере 7 отсутствие обстоятельственных характеристик – пространственных и признаковых – в медиастатье по сравнению с научной статьей (пример 6).

Последующие χ^2 -тесты показали, что эти различия являются значимыми (по агенсу $\chi^2 = 115,363$, $p < 0,001$; по обстоятельственным характеристикам $\chi^2 = 18,33$, $p < 0,001$). Результаты позволяют выделить прагматические стратегии интенсификации агентивности и ослабления обстоятельственных характеристик. Однако более детальный анализ распределения ролей в блоке обстоятельственных характеристик показал, что в действительности происходит интенсификация пространственного конструирования (роль Сфера, (8)) на фоне ослабления всех других характеристик (признаковых, временных, описывающих параметры, причинно-следственных, описывающих источники и ресурсы):

8. Эта проблема рассматривается в многочисленных дисциплинах <сфера>.

В связи с этим подчеркнем, что интенсификация пространственного конструирования является самостоятельной стратегией адаптации.

Рассмотрим распределение групп параметров позиционирования (табл. 2).

Результаты показывают интенсификацию эпистемического позиционирования (пример 9)

и ослабление позиционирования релевантности и интерсубъективного позиционирования в медиадискурсе (примеры 10–11):

9. Например, когда мы хотим <наличие интенциональности> сказать, что человек ведет себя неадекватно, мы можем <возможность осуществления события> покрутить пальцем у виска и присвистнуть.
10. В процессе личного общения люди используют не только естественный язык, но и разные другие знаковые (семиотические) коды.
11. То, как взаимодействуют между собой естественные языки и эти знаковые коды, получило в науке известность как проблема мультимодальности.

Ослабление позиционирования релевантности в примере 10 возникает из-за отсутствия примеров «разных других знаковых (семиотических) кодов», ослабление интерсубъективного позиционирования в примере 11 происходит вследствие опущения имени автора, определившего понятие «мультимодальности».

Последующие χ^2 -тесты показали, что эти различия являются значимыми (по эпистемическому позиционированию $\chi^2 = 141,611$, $p < 0,001$; по позиционированию релевантности $\chi^2 = 76,52$, $p < 0,001$; по интерсубъективному позиционированию $\chi^2 = 142,45$, $p < 0,001$). Таким образом, в эпистемическом позиционировании адаптация достигается за счет интенсификации высокой вероятности проявления признака / осуществления события (пример 12); в позиционировании релевантности это ослабление значимости / выделенности свойства или признака объекта; в интерсубъективном позиционировании это ослабление противопоставления:

12. Если человек делает комплимент с кислым выражением лица, очевиден <высокая вероятность осуществления события> конфликт между вербальной и невербальной составляющими <...>.

Приведем результаты распределения блоков семантических ролей и позиционирования

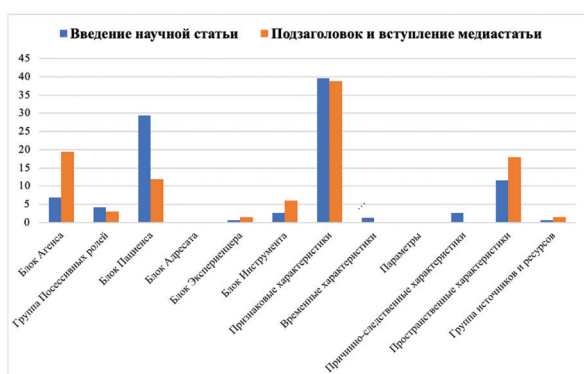

Рис. 1. Распределение семантических ролей в вводных компонентах

Рис. 2. Распределение типов позиционирования в вводных компонентах

в ключевых нарративных компонентах научной и медиастатьи. На рисунках 1–2 даны сравнительные результаты их распределения во введении (подзаголовке и вступлении в медиастатье).

Результаты показывают, что во введении медиастатьи наблюдается интенсификация агентивности, пространственного конструирования и эпистемического позиционирования, а также ослабление пациентивности и релевантности.

На рисунках 3–4 показаны сравнительные результаты распределения блоков семантических ролей и позиционирования в основной части.

В отношении семантических ролей наблюдаем сохранение интенсификации агентивности и роли пространства, при этом проявляется ослабление признаковости. Также сохраняется интенсификация эпистемического позиционирования и ослабление релевантности; при этом проявляется ослабление интерсубъективного позиционирования.

Полученные результаты позволяют уточнить особенности реализации общих типов прагматических стратегий, описанных Н. Н. Болдыревым, Т. Н. Ефименко [Болдырев, 2022]. Так, селективность проявляется в интенсификации агентивности и пространственном конструировании сферы, высокой вероятности проявления признака / осуществления события. Оценивающий характер обнаруживается в интенсификации некоторых типов оценки – положительной (в примере 13: <...> что может показаться удивительнее всего <...>), утилитарной (в примере 14: <...> важную роль в коммуникации играет просодия <...>). Количественный анализ подтвердил наблюдения, сделанные Е. В. Выровцевой, А. А. Самсоновой [Выровцева, 2023]: был обнаружен рост случаев эвиденциальности (как параметров интерсубъективного позиционирования) в медиатексте (в примере 15: <...> вы улавливаете <прямая эвиденциальность> некоторый смысл их общения <...>), однако в рамках данного

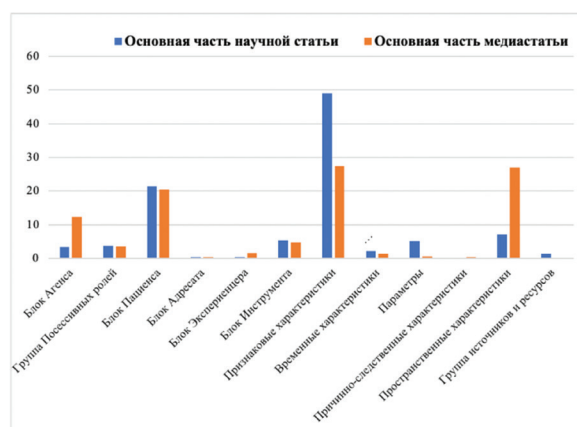

Рис. 3. Распределение семантических ролей в основной части

Рис. 4. Распределение типов позиционирования в основной части

типа позиционирования иные параметры, в первую очередь, противопоставление точек зрения значительно преобладали в научной статье; в итоге оказалось, что интерсубъективность представлена активнее в научном тексте. Выявленные стратегии показывают возможности увеличения прагматического потенциала медиастатьи, в то время как стратегии ее оформления, обозначенные в [Writing

Strategies for Science Communication ... , 2020], указывают только на ее дискурс-структурирующие характеристики. В целом констатируем, что применение методов семантических ролей [Ляшевская, 2015] и параметрического анализа позиционирования [Ирисханова, 2025; Киосе, 2025] при разметке языкового материала позволяет устанавливать не только особенности эпистемологического конструирования событий в дискурсе, но и прагматику их варьирования.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить два типа прагматических стратегий адаптации научного знания к формату медиадискурса – интенсификации и ослабления, которые проявляются в эпистемологическом конструировании

медиадискурса в аспекте его семантических ролей и позиционирования. Результаты исследования показывают, что изучение прагматических стратегий может быть осуществлено с опорой на методики параметрического анализа; таким образом, факт реализации прагматической стратегии подтверждается количественно. С привлечением расширенных данных (образцов научного и медиадискурса) представляется возможным не только инвентаризировать эти стратегии, но и установить их процентный вклад в адаптацию научного знания, а также определить границы варьирования адаптации и ее обусловленность индивидуальными факторами. Прикладной потенциал исследования связан с использованием выявленного инвентаря стратегий для прагматизации научного знания не только в медиадискурсе, но и в других типах дискурса, прежде всего, в образовательном.

Список источников

1. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. 2-е изд. М.: Гнозис, 2014.
2. Сергеева О. В. Жанровые особенности образовательного медиадискурса в контексте информационной экологии и кибербезопасности / О. В. Сергеева, М. Р. Желтухина, Е. Б. Пономаренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Вып. 1 (16). С. 291–310.
3. Discourse, framing and narrative: three ways of doing critical interpretative policy analysis / M. van Hulst, T. Metzger, A. Dewulf et al. // Critical policy studies. 2025. Vol. 19. № 1. P. 74–96.
4. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности: коллективная монография / [В. З. Демьянков, Е. В. Захаркив, И. В. Зыкова и др.] ; отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021.
5. Болдырев Н. Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ / Н. Н. Болдырев, Т. Н. Ефименко // Медиалингвистика. 2022. Вып. 4 (9). С. 355–368.
6. Выровцева Е. В. Функции эвиденциальности в речевой модели возражения (научно-популярный медиадискурс) / Е. В. Выровцева, А. А. Самсонова // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2023. № 1 (40), т. 1. С. 132–138.
7. Writing Strategies for Science Communication: Data and Computational Analysis / T. August, L. Kim, K. Reinecke, N. Smith // Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP). 2020. P. 5327–5344. DOI 10.18653/v1/2020.emnlp-main.429.
8. Ляшевская О. Н. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк/ О. Н. Ляшевская, Е. В. Кашкин // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 464–556.
9. Du Bois J. W. The Stance Triangle // Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 139–182.
10. Ирисханова О. К. Позиционирование в полимодальном аспекте: анализ интерсубъективизации / О. К. Ирисханова, А. А. Петров // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. Вып. 1. С. 17–27.
11. Киосе М. И. Категория интенсивности и ее реализация в устном экспозиторном диалоге на русском языке / М. И. Киосе, О. Н. Прокофьева, Е. Е. Смирнова // Вестник Томского государственного университета. 2025. Вып. 515. С. 14–24.
12. Labov W. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience / W. Labov, J. Waletzky // Essays on the Verbal and Visual Arts. Seattle and London: the University of Washington Press, 1967. P. 12–44.
13. Tankard J. W., Jr. The Empirical Approach to the Study of Media Framing // Framing Public Life. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. P. 95–106.
14. Методические рекомендации для разработки и представления к публикации научной статьи / В. Г. Полевой, А. И. Пономарёв, А. В. Рыбаков, А. И. Мазаник // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2016. Вып. 1 (28). С. 94–102.

15. Киосе М. И. Прагматика времени и пространства в художественной модификации исторических событий / М. И. Киосе, Е. Д. Чулкова // Критика и семиотика. 2025. Вып. 1. С. 125–144.

References

1. Sokolova, O. V. (2014). *Active Effect Discourses: Poetic Avant-garde, Advertising and PR*. 2nd ed. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Sergeeva, O. V., Zheltukhina, M. R., Ponomarenko, E. B. (2025). Genre Features of the Educational Media Discourse in the Context of Information Ecology and Cyber Security. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1(16), 291–310.
3. van Hulst, M., Metze, T., Dewulf, A. et al. (2025). Discourse, framing and narrative: three ways of doing critical interpretative policy analysis. *Critical policy studies*, 19(1), 74–96.
4. Demyankov, E. V., Zakharkiv, I. V., Zykova, I. V. [et al.] (2021). *Linguistic Creativity in Different Types of Discourse: Limits and Possibilities*. Ed. by I. V. Zykova. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
5. Boldyrev, N. N., Efimenko, T. N. (2022). Secondary interpretation of scientific knowledge in mass media discourse. *Media Linguistics*, 4(9), 355–368. (In Russ.)
6. Vyrovtsseva, E. V., Samsonova, A. A. (2023). Functions of Evidentiality in the Speech Model of Objection (Popular Science Media Discourse). *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev*, 1(40)-1, 132–138. (In Russ.)
7. August, T., Kim, L., Reinecke, K., Smith, N. (2020). Writing Strategies for Science Communication: Data and Computational Analysis (pp. 5327–5344): proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP). DOI 10.18653/v1/2020.emnlp-main.429.
8. Lyashevskaya, O. N., Kashkin, E. V. (2015). Types of Information about Lexical Constructions in Russian FrameBank. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 6, 464–556. (In Russ.)
9. Du Bois, J. W. (2007). The Stance Triangle. In *Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction* (pp. 139–182). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
10. Iriskhanova, O. K., Petrov, A. A. (2025). Stance-Taking from Multimodal Perspective: An Analysis of Intersubjective Stance. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 17–27. (In Russ.)
11. Kiose, M. I., Prokofieva, O. N., Smirnova, E. E. (2025). The Category of Intensity and its Manifestation in Russian Spoken Expository Dialogue. *Tomsk State University Journal*, 515, 14–24. (In Russ.)
12. Labov, W., Waletzky, J. (1967). *Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience*. In *Essays on the Verbal and Visual Arts* (pp. 12–44). Seattle and London: the University of Washington Press.
13. Tankard, J. W., Jr. (2001). The Empirical Approach to the Study of Media Framing. In *Framing Public Life* (pp. 95–106). Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates.
14. Polevoy, V. G., Ponomaryov, A. I., Rybakov, A. V., Mazanik, A. I. (2016). Guidelines for Development and Submission to Publication of Scientific Articles. *Scientific and Educational Problems of Civil Protection*, 1(28), 94–102. (In Russ.)
15. Kiose, M. I., Chulkova, E. D. (2025). The Pragmatics of Time and Space in Historical Events Modification in Fiction. *Critique and Semiotics*, 1, 125–144. (In Russ.)

Информация об авторах

Киосе Мария Ивановна

доктор филологических наук, доцент
главный научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета
ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации
Института языкознания РАН

Ибрагимов Ахмед

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
преподаватель кафедры английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Kiose Maria Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Chief Researcher at the Centre for sociocognitive discourse studies
at Moscow State Linguistic University
Leading Researcher at the Laboratory of multichannel communication
at Institute of Linguistics RAS

Ibragimov Akhmed

PhD Student of the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University
Lecturer at the Department of the English Language
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.01.2026	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	10.02.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Теоретические аспекты описания языка

Научная статья
УДК 81'1+81'22

Антиномии обыденного метаязыка

С. Н. Бредихин¹, М. А. Кравченко²

^{1,2}Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

¹bredichinsergey@yandex.ru

²mak@rgups.ru

Аннотация. Цель исследования – осмысление феномена обыденного метаязыка в контексте реализации фундаментальной лингвистической антиномии «деятельность vs система». В настоящей статье описательным методом показано, что обыденный метаязык в качестве системной функции естественного языка «наследует» его фундаментальную антиномию. К такому выводу авторы пришли путем анализа эмпирического материала. Он был представлен корпусом высказываний с внутренней референцией. Было установлено, что антиномичная природа обыденного метаязыка манифестируется в его онтологических признаках, образующих следующие дихотомии: 1) внешняя субъектность vs внутренняя субъектность; 2) дискурсивная реальность vs парадигматическая реальность; 3) дискурсивная свобода vs семиотическая граница.

Ключевые слова: обыденный метаязык, антиномия, онтологические признаки, дихотомия, семиотика

Для цитирования: Бредихин С. Н. Кравченко М. А. Антиномии обыденного метаязыка / С. Н. Бредихин, М. А. Кравченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 76–85.

Original article

The Antinomies of Everyday Metalanguage

Sergey N. Bredikhin¹, Mikhail A. Kravchenko²

^{1,2}North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

¹bredichinsergey@yandex.ru

²mak@rgups.ru

Abstract. The purpose of the work is to comprehend and describe the phenomenon of everyday metalanguage in the context of the implementation of the fundamental linguistic antinomy “activity vs system”. In the study, using a descriptive method based on the analysis of empirical material presented by a corpus of statements with internal reference, it is shown that the everyday metalanguage, which is a functional implementation of natural language, “inherits” its fundamental antinomy. As a result, it was found that the antinomic nature of the everyday metalanguage manifests itself in its ontological features,

forming the following dichotomies: 1) external subjectivity vs internal subjectivity; 2) discursive reality vs paradigmatic reality; 3) discursive freedom vs semiotic boundary.

Keywords: common metalanguage, antinomy, ontological features, dichotomy, semiotics

For citation: Bredikhin, S. N., Kravchenko, M. A. (2026). The antinomies of everyday metalanguage. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 76–85. (In Russ.)

Введение

Способность естественного языка одновременно выступать средством описания окружающей действительности и инструментом самоописания позволяет ему занимать приоритетное место в иерархии семиотических систем. Такие неотъемлемые свойства языка, как гибкость и многомерность, позволяют ему в ходе семиозиса трансформироваться в метаязык.

В современной лингвистике постепенно преодевается узкий взгляд на метаязык как исключительно на лингвистический феномен. Объем понятия расширяется до любых случаев словоупотребления, обладающих внутренней референцией.

Традиция лингвистического изучения обыденного метаязыка опирается на теоретическое наследие Р. Якобсона. В трудах знаменитого лингвиста впервые была последовательно высказана мысль о том, что «метаязыковые операции составляют важную и неотъемлемую часть нашей речевой деятельности» [Якобсон, 1996, с. 21]. Благодаря им обеспечивается возможность внутрисистемного перевода языковой семантики [Якобсон, 1985]. На актуальном этапе развития лингвистической науки к разряду общепризнанных относится положение о том, что проявления обыденного метаязыка выходят далеко за пределы собственно комментариев к семантике слов. Под обыденным метаязыком принято понимать «... все языковые средства, референт которых способен присутствовать в языке и речи», а его главная ценность усматривается «в способности эксплицировать все связанные с языком и его использованием явления, давать им метаимена и метаквалификацию» [Рябцева, 2005, с. 439].

Актуальность исследования обыденного метаязыка, в первую очередь, продиктована заметным увеличением количества метаязыковых контекстов. Данная тенденция наблюдается в дискурсивных практиках различного происхождения. Изучение обыденного метаязыка превратилось в одну из приоритетных областей научного поиска. Она актуализируется в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания. Вместе с тем

в лингвистике до настоящего момента не сформирована аргументированная позиция по вопросу о соотношении онтологических признаков естественного языка, с одной стороны, и параметров метаязыка – с другой. Принимая во внимание консубстанциональность этих последних параметров, т. е. учитывая, что метаязыковые высказывания строятся с помощью единиц естественного языка, на первый взгляд обоснованно выглядит экстраполяция онтологических признаков языка на метаязык.

Как известно, фундаментальные онтологические признаки языка укладываются в пространство антиномии «язык-система vs язык-деятельность». Данная антиномия обеспечивает многогранность и полифункциональность реализации языковой способности человека. На антиномичную природу языка впервые указал один из основоположников теоретической лингвистики В. фон Гумбольдт. Он утверждал, что «по своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый момент преходящее» [Гумбольдт, 2000, с. 70]. В. фон Гумбольдт сформулировал судьбоносное для лингвистики положение. Оно заключается в том, что в языке можно видеть как «*Ergon* (продукт деятельности)», так и «*Energiea* (деятельность)» [там же].

Вопрос об установлении антиномий важен не только в части изучения языка *per se*, но также в лингвистической эпистемологии, поскольку исследователь осуществляет выбор методологической платформы в зависимости от того, что он видит в языке – *εργον* или *ενεργεια*. На своем понимании природы языка исследователь основывает выбор методологии. Она строится на принципах семиоцентризма или антропоцентризма, сообразно предмету исследования. Выбор методологии при исследовании феномена обыденного метаязыка в той же степени обусловлен его онтологическими признаками. В этой связи актуальность и потенциальная результативность исследовательской повестки напрямую зависит от ответа на вопрос, обладает ли обыденный метаязык собственной «надязыковой» системностью или он может рассматриваться только

в качестве деятельности, как одна из функциональных проекций языка.

Достижение цели исследования обеспечивается решением следующих задач:

- 1) представить характеристику теоретических подходов к осмыслению феномена обыденного метаязыка;
- 2) выявить онтологические признаки обыденного метаязыка, позволяющие видеть в нем «деятельность» и «систему»;
- 3) описать особенности антиномии обыденного метаязыка в виде рамки соответствующих дихотомий.

Объектом настоящего исследования выступают конструкции обыденного метаязыка, представляющие собой автосемантические отрезки дискурса. Они характеризуются внутренней референцией и выполняют функцию интерпретации и описания элементов языкового кода.

Предметом исследования являются онтологические признаки обыденного метаязыка.

Методы и материал исследования

В ходе исследования был задействован комплекс общетеоретических и эмпирических методов. Изучение теоретического наследия структуралистов и философов языка, относящегося к анализируемой проблематике, осуществлялось при помощи метода нарративной лингвистической историографии, который опирается на приемы осмысления и классификации лингвистических трудов. Для анализа эмпирических данных широко использовался описательный метод. На отдельных этапах исследования привлекались методы структурно-семантического и функционально-семантического анализа, а также инструменты дискурс-анализа.

Материалом исследования выступили высказывания с внутренней референцией, в которых реализуется метаязыковая функция языка. В качестве материала исследования были использованы тексты художественных произведений современных русских писателей. Собранный корпус примеров был дополнен и расширен данными Национального корпуса русского языка (основного подкорпуса). В конкорданс вошли более четырех тысяч единиц метаязыковых конструкций.

Теоретический обзор

Всесторонний анализ лингвистических трудов по проблематике обыденного метаязыка свидетельствует о том, что в мировом и отечественном языкознании сформировались две традиции в изучении рассматриваемого феномена. Онтологическая

природа языка понимается по-разному в русле двух лингвистических традиций. Первая из них широко распространена и разработана в различных аспектах. Она опирается на деятельностьную парадигму метаязыка. Работы, относимые к данной лингвистической традиции, ориентированы на изучение метаязыковых субстанций, порождаемых говорящим в ходе речевой деятельности. При этом метаязыковой материал рассматривается не сам по себе, а как отражение деятельности метаязыкового сознания продуцента. Характером деятельности говорящего субъекта определяются направленность, технологии и процедуры проводимого лингвистического анализа.

Родоначальником указанной традиции следует считать американского ученого Генри (Генриха) Хенигсвальда, который в 60–70-е годы XX века активно продвигал в академическом сообществе идею специального изучения непрофессиональных высказываний о языке, широко распространенных в речевой практике его рядовых носителей. Основные положения своей концепции Г. Хенигсвальд сформулировал в программной статье «A proposal for the study of folk-linguistics» [Hoeningwald, 1971]. Называя функционально-деятельностное направление исследований метаязыка «фольк-лингвистикой», американский лингвист ставил во главу угла принцип осознанности как самой метаязыковой деятельности, так и ее результатов, опредмеченных в тексте. «Фольк-лингвистика» нашла прочную методологическую опору в науке о языке. Ее достижения связаны со становлением в языкознании антропологической парадигмы исследований. Антропоцентризм с его интересом к проявлению в языке и через язык интеллектуального потенциала человека, а также аксиологических доминант личности и общества обнаружил в анализе метаязыковой рефлексии говорящего (пишущего) эффективный инструмент фиксации культурных смыслов. Тем самым идеи Г. Хенигсвальда прочно укоренились на лингвистической почве и обрели многочисленных последователей, что в итоге привело к рождению отдельного научного направления [Niedzielski, Preston, 2003], именуемого в англоязычном лингвистическом дискурсе «folk linguistics», в немецкоязычном – «Volkslinguistik», во франкоязычном – «linguistique populaire».

В отечественной науке о языке для обозначения данного направления параллельно употребляются несколько терминов. Его называют «наивной лингвистикой», «народной лингвистикой», «стихийной лингвистикой», «лингвистикой обыденного сознания», «теорией обыденной лингвистики». По нашему мнению, последний из указанных терминов

(он был предложен М. Р. Шумариной) в наибольшей мере отражает суть антропоцентричной лингвистики. Это происходит, прежде всего, благодаря четкому разграничению исследуемого материала («обыденная лингвистика») и результатов его системного научного изучения («теория»).

Расцвет теории обыденной лингвистики пришелся на период, объединяющий последнее десятилетие XX века и первое десятилетие XXI века. Успехи научного направления обеспечивались фундаментальными и прикладными исследованиями Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, Н. Д. Арутюновой, А. Н. Ростовской, М. Р. Шумариной, Н. Д. Голева, И. Т. Вепревой [Булыгина, 2000; Арутюнова, 2000; Ростова, 2000; Шумарина, 2011; Голев, 2013; Вепрева, 2014] и др.

Вторая традиция отталкивается от понимания метаязыка как системы. Эта традиция базируется на представлениях о глубоком метаязыковом потенциале языка, последовательно сформулированных Р. Якобсоном. Исследователь отмечал, что «метаязык как часть языка вообще тоже является структурным образованием, не имеющим аналогов в других знаковых системах» [Якобсон, 1985, с. 316]. Следует признать, что данная традиция до настоящего времени получила в языкознании гораздо более узкое распространение, нежели первая из рассмотренных традиций. Тем не менее как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике традиция системного изучения обыденного языка никогда не прерывалась. В части зарубежного языкознания об этом свидетельствуют фундаментальные труды о метаязыке, опубликованные в конце XX и начале XXI веков. В их содержании отчетливо прослеживается влияние идей Р. Якобсона [Rey-Debove, 1997; Jaworski, 2004].

В отечественной лингвистике обращения к проблематике обыденного метаязыка в рамках системного подхода носили скорее спорадический фрагментарный, нежели фундаментальный характер. Работы, относимые нами к этой предметной области [Немец, 1999; Рябцева, 2005; Шарфутдинова, 2010; Кравченко, 2024; Кравченко, 2025], не вылились в самостоятельное научное направление с отчетливо выраженной преемственностью идей. Они представляют собой отдельные попытки (подчас весьма успешные) описания системных черт обыденного метаязыка. В русле системноцентрической парадигмы научные исследования, как правило, ограничивались изучением профессионального метаязыка, в первую очередь, метаязыка лингвистики. Их цели и задачи фокусировались на описании терминосистем отдельных наук и выработке лексикографических принципов презентации (мета)языковых фактов [Сорокина,

2007; Бредихин, 2024; Метаязык когнитивной лингвистики (к вопросу описания сложных саморазвивающихся систем), 2024].

Факт неравномерного развития исследовательских традиций может объясняться двояко. Во-первых, он может свидетельствовать о том, что обыденный метаязык не обладает ярко выраженными признаками системности, в результате чего системноцентрический подход к его изучению не представляется в значительной мере востребованным и актуальным. Во-вторых, доминирование деятельностной традиции может являться следствием того, что пик интереса к обыденному метаязыку пришелся на время расцвета антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которая ориентирована в первую очередь на интерпретацию и описание экзогенных факторов и механизмов, действующих в языке. Ответ на вопрос о том, какое из представленных объяснений находится ближе к истине, должно дать специальное исследование онтологических признаков обыденного метаязыка.

Обсуждение и результаты исследования

В изучении антиномий обыденного метаязыка акцент поиска должен быть смещен в сторону выявления признаков, указывающих на системность этого феномена. Акцент на системность обусловлен тем, что деятельностная природа языка отчетливо просматривается в высказываниях с внутренней референцией. Она уже многократно описана в лингвистической литературе (в частности в приведенных в теоретическом обзоре публикациях, относящихся к антропоцентрической традиции). Более того, весьма значительная часть исследователей (вопреки мнению Р. Якобсона о системно-структурном характере метаязыка) рассматривают метаязык исключительно как деятельность. Наиболее последовательно и категорично данная точка зрения была сформулирована В. Б. Кашкиным, который утверждал, что метаязыковая функция «не принадлежит языку, это деятельность его пользователей» [Кашкин, 2002, с. 6]. Поэтому сама возможность экстраполяции базовой антиномии языка на метаязык связана с установлением набора системных признаков, которые «уравновешивают» деятельностную природу обыденного метаязыка.

В ходе исследования удалось установить, что антиномия «деятельность vs система» применительно к обыденному метаязыку проявляется в следующих сочетаниях его онтологических признаков (свойств): 1) внешняя субъектность vs внутренняя субъектность; 2) дискурсивная реальность

vs парадигматическая реальность; 3) дискурсивная свобода vs семиотическая граница. Ниже мы охарактеризуем каждую из выделенных дихотомий.

Внешняя субъектность vs внутренняя субъектность обыденного метаязыка

Одной из базовых категорий языка является его субъектность. В ней отражается зависимость языка от его носителя. При этом в современной лингвистике принято выделять уровни субъектности языка. Первый из них определяется как базисный. Он манифестируется узнаваемым присутствием в поверхностном слое дискурса грамматического и (или) семантического субъекта, а также использованием разного рода субъектных компонентов речи. Второй уровень субъектности трактуется как «суперсубъектность» и реализуется через «целую серию типов рефлексивного отношения человека к языку» [Мальчукова, 2008, с. 168]. Именно данный уровень субъектности характерен для обыденного метаязыка. Он предполагает наличие взгляда извне, зафиксированного в активной позиции интерпретатора, субъекта рефлексии, задающего форму и содержание метаязыкового комплекса (рефлексива). Такое понимание субъектности выносит на первый план деятельностные признаки обыденного метаязыка.

В традиционной лингвистике свойство субъектности метаязыка выступало неперменным атрибутом его деятельностной, антропологической сущности. Однако последние научные достижения в области искусственного интеллекта и био семиотики позволяют говорить о существовании и развитии в языке особого типа субъектности, которую мы будем называть внутренней субъектностью. Она не коренится в индивидуальном сознании говорящего, а является производной семантической системы самого языка. В современных лингвистических исследованиях все чаще присутствует мысль о том, что качество субъектности порождается не только зримым и незримым присутствием субъекта коммуникации. Оно «синтезируется» в самих знаках, выступающих носителями «больших данных» истории. В семантическом потенциале слова заключается «начало и оправдание его субъектности» [Ревзина, 2023, с. 106].

Глубокий анализ классических трудов по семиотике позволяет рассмотреть контуры идеи внутренней субъектности знаковых систем. Так, С.Т. Золян, возвращаясь к семиотической концепции Ч. Пирса, находит последовательной позицию американского ученого по исключению

субъекта из определения знака. Именно в нивелировке субъектности С. Т. Золян видит особенность семиотики Ч. Пирса, в которой «семиозис предстает как само-порождаемая процессуальность, независимая от человеческого мышления» [Золян, 2023, с. 46], а сам знак трактуется как «квази-разум» [там же, с. 47]. Внутренняя субъектность, имманентная языковой системе, играет важную роль в процессе реализации метаязыковой функции. Метаязыковые трансформации в полной мере задействуют внутренний семантический потенциал языковых знаков. Тем самым свойства внешней и внутренней субъектности дополняют друг друга и формируют основу антиномии обыденного метаязыка.

Дискурсивная реальность vs парадигматическая реальность обыденного метаязыка

Уникальность феномена естественного метаязыка и соответственно трудность его изучения определяются тем, что он возникает на пересечении «стихий» языка и речи. Единицы метаязыка (за исключением отдельных лексико-семантических разрядов слов, напрямую обозначающих элементы самого кода) на первый взгляд не обладают модусом существования в парадигматической реальности. Как правило, они приобретают метаязыковой статус в результате использования языка в метаязыковой функции. Иными словами, квалификация высказывания как метаязыкового должна подтверждаться фактом его внутренней референции, что возможно только в дискурсе. Из сказанного неизбежно следует вывод о дискурсивности обыденного языка. Он существует в дискурсе и следовательно, обладает динамическими качествами.

Консубстанциональность языка и метаязыка затрудняет выявление специфических системных отношений между элементами обыденного метаязыка. Действительно, словарь обыденного метаязыка фактически состоит из слов естественного языка, которые обладают кодифицированными парадигматическими и синтагматическими признаками. Однако едва ли мы можем без натяжек утверждать, что элементы обыденного метаязыка не вступают в системные взаимоотношения за пределами тематического поля, которое определено самой языковой системой (а не субъектом речи и его жизненными запросами). Более того, считаем, что метаязыковой потенциал языка порождает особую разновидность парадигматических отношений. Эти отношения возникают

между знаком и его интерпретантами (интерпретантами), которую Ч. Моррис определял в качестве обязательного компонента семиозиса [Моррис, 2001, с. 47]. Семиотики и лингвисты давно заметили, что экспликация формы и содержания знака осуществляется через процедуру интерпретации и что «проблема содержания есть всегда проблема перекодировки» [Лотман, 2023, с. 55]. В современной лингвистике под интерпретантой принято понимать цепочку знаков, с помощью которой интерпретируется и описывается единичный знак, включенный во множественный контекст. При этом в интерпретантах фиксируются «итоги семиотической операции, называемой "знак за знак"» [Кубрякова, 2001, с. 288].

Считаем, что отношения между знаком и его потенциальными интерпретантами (множественность последних объясняется вариативностью, заложенной в самом процессе интерпретации) формирует парадигматическую реальность обыденного метаязыка. Порождение метаязыкового высказывания в речи выступает как реализация системного метаязыкового свойства «знак на знак».

Дискурсивная свобода vs семиотическая граница обыденного метаязыка

Наиболее ярко и последовательно, на наш взгляд, антиномия «деятельность vs система» проявляется в виде дихотомии, образуемой, с одной стороны, признаком дискурсивной свободы, свойственной обыденному метаязыку, с другой – протеканием метаязыковой деятельности в границах семиотических измерений объекта рефлексии.

Дискурсивная свобода обыденного метаязыка манифестируется в многообразии структурно-семантических и когнитивно-дискурсивных типов и видов его реализации. Так, автономное употребление единиц языка может принимать в дискурсе самые разнообразные формы и занимать знаковое пространство от слова или словосочетания до целого текста. Знаки-метаоператоры инкорпорируются в ткань текста с целью трансляции метаязыковых оттенков, нюансов смысла:

И Антошка, ни разу в жизни пока не влюблявшаяся, ... раз и навсегда утратила всякие иллюзии по поводу **так называемой любви** (М. Степнова. *Безбожный переулоч*).

Зачастую результаты метаязыковой рефлексии воплощаются пределах отдельного высказывания:

В качестве, **с позволения сказать, ньюсмейкера (есть на свете и такое слово)** (Е. Водолазкин. *Авиатор*).

Некоторые метаязыковые комментарии, выступая в качестве повествовательной доминанты, достигают размеров сложного синтаксического целого:

«Черт побери, где же Косицкий?!» ... Эту фразу повторял Коля, стоя у окна нашей квартиры на бульваре Шевченко. **Не могу передать, до чего же эта фраза мне нравилась... Меня завораживал ее звуковой облик, удивительное такое «побери», сохранившееся, как муха в янтаре, в одной лишь этой идиоме** (Е. Водолазкин. *День рождения Коли*).

Сообщения метаязыкового характера получают в дискурсе как прямое (эксплицитное), так и скрытое (имплицитное) выражение. Эксплицитные метаязыковые конструкции характеризуются контактным соположением интерпретанты с вербализованной частью дискурса:

На самом же деле **ситро (так называет лимонад бабушка Аня) сладкое** (Ю. Поляков. *Совдетство*).

– **Нерелевантных**, – повторил Митя и удивился, что в его памяти вдруг всплыл **этот термин – явно не из мира бригаиров и Бродяг** (А. Иванов. *Вегетация*).

В метаязыковых конструкциях имплицитного типа объект рефлексии и его интерпретанта присутствуют в свернутом виде. При этом результаты метаязыковой рефлексии, отраженные в тексте, зачастую декодируются лишь посредством инференции (в первом из приведенных ниже примеров метаязыковой статус конструкции «пир во время насморка» объясняется аллюзией на прецедентный феномен «пир во время чумы»; во втором примере высказывание строится через скрытую аттракцию слов *Лета* – «название мифической реки» и *лето* – «время года»:

Слышишь, из открытой форточки на втором этаже музыка, смех – **пир во время насморка** (М. Шишкин. *Письмовник*).

Впоследствии дым Отечества так и канул в **Лету или, если точнее, в зиму, которая наступила неожиданно рано** (В. Пелевин. *Generation «П»*).

Уровень эксплицитности / имплицитности метаязыковых высказываний во многом определяется ситуационными параметрами дискурса.

Однако при всем разнообразии дискурсивных проявлений обыденного метаязыка его деятельность ограничена семиотическими рамками измерений интерпретируемого и описываемого объекта (языка). Таким образом, обыденный метаязык сам обретает контуры семиотической системы. Однако эта семиотика не является полной копией семиотики языка, а представляет собой ее «зеркальное отражение». В семиотике метаязыка мы видим не традиционную семиотику объекта (случай языка и других знаковых систем), а семиотику интерпретации объекта. Как сам язык, будучи системным явлением, реализует себя в измерениях семантики, синтактики и прагматики, так и обыденный метаязык представляет собой систему описания языка в границах семиотических измерений.

Семантикой метаязыка мы называем интерпретацию и описание языковых знаков (их последовательностей). При этом рефлексии и интерпретации могут подвергаться как означающие знака:

Сильвию, кстати, назвали в честь прабабушки... И хоть в церкви при крещении девочке дали более подходящее армянское имя, закрепилось за ней то, **непривычное для слуха, отдающее голосом горного родника и шелестом весенней листвы** (Н. Абгарян. Симон),

так и его означаемые:

Он доставал их из **очелков, особых печных ниш, где угли для растопки хранились под слоем золы** (Е. Водолазкин. Лавр).

Синтактика метаязыка представляет собой измерение, нацеленное на интерпретацию отношений между знаками, расположенными в синтагматической цепи. В приведенном ниже примере с помощью метатекстовой конструкции, между компонентами высказывания фиксируются отношения обобщения:

Оно быстро меняется, мировоззрение, особенно **когда надо делать срочную операцию на сердце, или снимать катаракту, или грыжу латать – одним словом, пристойно стареть ...** (Д. Рубина. Синдром Петрушки).

Наконец, прагматика метаязыка связана с интерпретацией отношений между коммуникантами и используемыми в дискурсе знаками:

– А он в самом деле может Петра Агеевича ... **прикончить?** – осторожно спросил я, нарочно выбрав **самое безобидное слово из тех, что означали убийство** (Ю. Поляков. Советство. Узник пятого волнореза).

Заключение

В результате исследования авторы пришли к заключению, что обыденный метаязык обладает признаками динамического конструкта, явленного в форме специфической деятельности, и признаками системно-структурного образования. Иными словами, обыденный метаязык есть одновременно деятельность и система.

Антиномия «деятельность vs система» манифестируется в свойственных обыденному языку дихотомиях. Первая из них – дихотомия внешней / внутренней субъектности – указывает на два потенциальных центра метаязыковой активности. С одной стороны, таким центром выступает говорящий, субъект метаязыкового сознания (внешняя субъектность), с другой – сама семантическая система языка (внутренняя субъектность).

Вторая дихотомия фиксирует два модуса существования обыденного метаязыка: дискурсивную реальность и парадигматическую реальность. Благодаря дискурсивизации язык включен в стихию речи, наделен динамическими признаками. Благодаря прагматике речь включена в систему, которая пронизывает всю совокупность отношений между словами и их интерпретантами.

Наконец, третья дихотомия образуется столкновением фактов дискурсивной свободы и семиотической границы обыденного метаязыка. Суть данной дихотомии заключается в том, что практически неподдающемуся исчислению многообразию типов и видов дискурсивной реализации обыденного метаязыка противостоит его членение в соответствии с трехмерным семиотическим пространством. Все метаязыковые конструкции распределяются между измерениями семантики, синтактики и прагматики. Не обладая традиционной семиотикой объекта, метаязык реализует себя в качестве семиотики интерпретации объекта, т. е. описывает язык в границах свойственных ему семиотических измерений.

Антиномичная природа обыденного метаязыка имплицитно предполагает перспективность обращения его исследователей к универсальной методологической платформе, совмещающей в себе как междисциплинарные возможности антропоцентризма, так и глубокие аналитические инструменты системности.

Список источников

1. Якобсон Р. К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. С. 13–26.
2. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 306–318.
3. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.
4. Гумбольдт В. фон О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 37–298.
5. Hoeningswald H. M. A proposal for the study of folk-linguistics // Sociolinguistics / W. Bright (Ed.). The Hague: Mouton, 1971. P. 16–26.
6. Niedzielski N. A. Folk linguistics / N. A. Niedzielski, D. R. Preston. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
7. Булыгина Т. В. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 9–18.
8. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7–19.
9. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Из-во Томского университета, 2000.
10. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
11. Голев Н. Д. Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 30–37.
12. Вепрева И. Т. Метаязыковой привкус эпохи. Избранные работы последнего десятилетия. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014.
13. Rey-Debove J. Le métalangage: étude linguistique du discours sur le langage. Paris: Armand Colin, 1997.
14. Jaworski A. Metalanguage: social and ideological perspectives / A. Jaworski, N. Coupland, D. Galasinski. The Hague: Walter de Gruyter, 2004.
15. Немец Г. П. Семантика метаязыковых субстанций. М.: Академия педагогических наук; Краснодар: Кубанский Госуниверситет, 1999.
16. Шарафутдинова Л. Ф. Метаязыковой потенциал естественного языка (на материале креолизованных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2010.
17. Кравченко М. А. Метаязык в зеркале его функций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 2. С. 172–184.
18. Кравченко М. А. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов // СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 1. С. 85–96.
19. Сорокина Э. А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения). М.: Изд-во МГОУ, 2007.
20. Бредихин С. Н. К вопросу об изоморфизме метаязыков лингвистического описания // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем: сборник научных статей. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. Вып. 7. С. 35–41.
21. Метаязык когнитивной лингвистики (к вопросу описания сложных саморазвивающихся систем) / С. Н. Бредихин, М. В. Каменский, Г. Н. Манаенко [и др.]. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024.
22. Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвузовский: сборник научных трудов. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: ВГУ, 2002. Вып. 3. С. 4–34.
23. Мальчукова Н. Субъектность в осмыслении языка и проблема доверия к представляемым им объектам. Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 86. С. 166–173.
24. Резвина О. Г. Слово как субъект «больших данных» истории // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, экспериментсб. научных статей / ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2023. С. 106–116.
25. Золян С. Т. Семиозис как диалог между квази-разумами: о незавершенном замысле Чарльза Пирса // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: сб. научных статей / ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2023. С. 40–50.
26. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.
27. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Эксмо, 2023.

28. Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283–291.

References

- Jacobson, R. (1996). K yazykovedcheskoj problematike soznaniya i bessoznatel'nosti [Towards linguistic problems of consciousness and unconsciousness]. In *Language and the unconscious* (pp. 13–26). Moscow: Gnosis. (In Russ.)
- Jacobson, R. (1985). Rechevaya kommunikaciya [Speech communication]. In *Selected works* (pp. 306–318). Moscow: Progress. (In Russ.)
- Ryabceva, N. K. (2005). Yazyk i estestvennyj intellect [Language and Natural Intelligence]. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Humboldt, W. von. (2000). O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitie chelovechestva [On the difference in the structure of human languages and its impact on the spiritual development of mankind]. In *Selected works on linguistics* (pp. 37–298). Moscow: Progress. (In Russ.)
- Hoeningwald, H. M. (1971). A proposal for the study of folk-linguistics. In W. Bright, (Ed.), *Sociolinguistics* (pp. 16–26). The Hague: Mouton.
- Niedzielski, N. A., Preston, D. R. (2003). *Folk linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (2000). "Stikhijnaya lingvistika" (folk linguistics) ["Spontaneous linguistics"]. In *Russkij yazyk segodnya. Vol. 1.* (pp. 9–18). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
- Arutyunova, N. D. (2000). Naivnye razmyshleniya o naivnoj kartine yazyka [Naive reflections and the naive picture of language]. In *Yazyk o yazyke.* (pp. 7–19). Moscow: Yazyki russoj kul'tury. (In Russ.)
- Rostova, A. N. (2000). Metatekst kak forma ehksplikacii metayazykovogo soznaniya (na materiale russskikh govorov Sibiri) [Metatext as a form of explication of metalanguage consciousness (based on the material of Russian dialects of Siberia)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (In Russ.)
- Shumarina, M. R. (2011). Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta [Language in the mirror of a literary text. (Metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russoj prozy)]. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)
- Golev, N. D. (2013). Everyday political discourse: metalanguage and metalinguistic aspects. *Political linguistics*, (4)46, 30–37. (In Russ.)
- Vepreva, I. T. (2014). Metayazykovej privkus ehpkohi. Izbrannye raboty poslednego desyatiletija [The metalanguage flavor of the epoch]. Selected works of the last decade. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. (In Russ.)
- Rey-Debove, J. (1997). *Le métalangage: étude linguistique du discours sur le langage*. Paris: Armand Colin.
- Jaworski, A., Coupland, N., Galasinski, D. (2004). *Metalanguage: social and ideological perspectives*. The Hague: Walter de Gruyter.
- Nemec, G. P. (1999). Semantika metayazykovykh substancij [Semantics of metalanguage substances]. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences Akademiya pedagogicheskikh nauk; Krasnodar: Kubanskij Gosuniversitet. (In Russ.)
- Sharafutdinova, L. F. (2010). Metayazykovej potencial estestvennogo yazyka (na materiale kreolizovannykh tekstov) [The metalanguage potential of natural language (based on the material of creolized texts)]: PhD thesis in Philology. Kaliningrad. (In Russ.)
- Kravchenko, M. A. (2024). Metayazyk v zerkale ego funkcij [Metalanguage in the mirror of its functions]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, (2), 172–184. (In Russ.)
- Kravchenko, M. A. (2025). Metayazykovaya refleksiya v khudozhestvennom tekste: ot ob'ekta refleksii k tipologii refleksivov [Metalanguage reflection in a literary text: from the object of reflection to the typology of reflexives]. *SiBSkript*, 27(1), 85–96. (In Russ.)
- Sorokina, E. A. (2007). Kognitivnye aspekty leksicheskogo proektirovaniya (k osnovam kognitivnogo terminovedeniya). [Cognitive aspects of lexical design (towards the fundamentals of cognitive terminology)]. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russ.)
- Bredikhin, S. N. (2024). K voprosu ob izomorfizme metayazykov lingvisticheskogo opisaniya [On the issue of isomorphism of metalanguages of linguistic description]. In *Isomorphic and allomorphic features of language systems* (issue 7, pp. 35–41): collection of scientific articles. Stavropol: North Caucasus Federal University. (In Russ.)

21. Bredikhin, S. N., Kamenskij, M. V., Manaenko, G. N. et al. (2024). Metayazyk kognitivnoj lingvistiki (k voprosu opisaniya slozhnykh samorazvivayushchikhsya sistem). [The meta-language of cognitive linguistics (on the issue of describing complex self-developing systems)]: selected papers. Stavropol: North Caucasus Federal University. (In Russ.)
22. Kashkin, V. B. (2002). Bytovaya filosofiya yazyka i yazykovye kontrasty [Everyday philosophy of language and linguistic contrasts]. In Theoretical and applied linguistics: interuniversity collection of scientific papers. Aspects of metacommunicative activity (issue 3, pp. 4–34). Voronezh: VSU. (In Russ.)
23. Mal'chukova, N. (2008). Sub'ektnost' v osmyslenii yazyka i problema doveriya k predstavlyaemym im ob'ektam [Subjectivity in understanding language and the problem of trust in the objects represented by it]. Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen, 86, 166–173. (In Russ.)
24. Rezvina, O. G. (2023). Slovo kak sub'ekt «bol'shikh dannykh» istorii [The Word as a subject of “big data” history]. In Diskurs i yazyk v ehpokhu «bol'shikh dannykh»: Variativnost', kreativnost', eksperiment (pp. 106–116): collection of scientific articles. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
25. Zolyan, S. T. (2023). Semiozis kak dialog mezhdz kvazi-razumami: o nezavershenom zamysle Charl'za Pirsra [Semiosis as a dialogue between quasi-minds: on the unfinished plan of Charles Pierce]. In Diskurs i yazyk v ehpokhu “bol'shikh dannykh”: Variativnost', kreativnost', eksperiment (pp. 40–50): collection of scientific articles. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
26. Morris, C. W. (2001). Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the theory of signs]. In Semiotika: Antologiya (pp. 45–97). Moscow: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga. (In Russ.)
27. Lotman, Yu. M. (2023). Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the literary text]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
28. Kubryakova, E. S. (2001). O svyazyakh kognitivnoj nauki s semiotikoj (opredelenie interpretanty znaka) [On the connections of cognitive science with semiotics (definition of the interpretant of the sign)]. In Language and culture: Facts and values: On the 70th anniversary of Yu. S. Stepanov (pp. 283–291). Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)

Информация об авторах

Бредихин Сергей Николаевич

доктор филологических наук, профессор
профессор департамента лингвистики факультета международных отношений
Северо-Кавказского федерального университета

Кравченко Михаил Александрович

кандидат филологических наук, доцент
докторант Северо-Кавказского федерального университета

Information about the authors

Bredikhin Sergey Nikolaevich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Linguistics
Faculty of International Relations
North-Caucasus Federal University

Kravchenko Mikhail Alexandrovich

PhD in Philology, Associate Professor
PhD (Dr. habil.) student
North-Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	25.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	19.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Слово – морфема – конструктор: дискуссия о статусе сокращенного компонента аббревиатуры

К. Ю. Емельянова¹, В. И. Теркулов²

^{1,2}Донецкий государственный университет, Донецк, Россия

¹kemelanova966@gmail.com

²terkulov@rambler.ru

Аннотация. В работе ставятся проблемы терминологической номинации и трактовки статуса сокращенного компонента сложносокращенных слов. Цель работы – обосновать определение данной единицы как абброконструкта. Рассмотрены альтернативные концепции его словесной (как аналитического прилагательного) и морфематической (как абброморфемы и аффиксоида) интерпретации. Констатируется наличие у сокращенного компонента аббревиатуры как морфемных (воспроизводимость, статус части слова), так и словесных (лексемное значение, подтверждаемое замещением им слова при универбализации и развертыванием в слово при псевдоунивербализации) признаков, что не позволяет отождествить его ни с морфемой, ни со словом. Предлагается использовать нейтральный термин «абброконструктор», указывающий только на структурную характеристику данной единицы.

Ключевые слова: абброконструктор, аббревиатура, аффиксоид, абброаффиксоид, аналитическое прилагательное, абброморфема

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 1025030500191-9-6.2.1;6.2.3).

Для цитирования: Емельянова К. Ю. Слово – морфема – конструктор: дискуссия о статусе сокращенного компонента аббревиатуры / К. Ю. Емельянова, В. И. Теркулов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 86–92.

Original article

Morpheme – Word – Construct: Discussion on the Status of the Abbreviated Component of Compound Word

Ksenia Yu. Yemelyanova¹, Vyacheslav I. Terkulov²

^{1,2}Donetsk State University, Donetsk, Russia

¹kemelanova966@gmail.com

²terkulov@rambler.ru

Abstract. The paper describes the problems of interpretation and terminological nomination of the abbreviated component of compound words. The purpose of the work is to substantiate the definition of this unit as an abbroconstruct. Alternative concepts of verbal (as an analytical adjective) and morphemic (as an acromorpheme and an affixoid) interpretation of it are considered. The presence of both morphemic (reproducibility, status of a part of a word) and verbal (lexemic meaning, confirmed by its substitution of a word during univerbalization and expansion into a word during pseudo-univerbalization) features in the abbreviated component of an compound word is established, which does not allow it to be identified with either a morpheme or a word. It is proposed to use the neutral term “abbroconstruct”, indicating only the structural characteristic of this unit.

Keywords: acronym, abbreviation, affixoid, abbroaffixoid, analytical adjective, abromorpheme

Acknowledgments. The research was conducted on the topic of the state order "The linguistic space of the city: linguistic, sociolinguistic, linguoculturological and psycholinguistic aspects of consideration" (№ 1025030500191-9-6.2.1;6.2.3).

For citation: Yemelyanova, K. Yu., Terkulov, V. I. (2026). Word – morpheme – construct: a Discussion on the Status of the Abbreviated Component of compound Word. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(909), 86–92. (In Russ.)

Введение

Под сложносокращенным словом мы понимаем «единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своем составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [Теркулов, 2017, с. 74]. Данное определение отграничивает сложносокращенные слова от инициальных аббревиатур, состоящих из первых букв (*ДК* [дэ-ка́]) или звуков (*вуз* [вус]) лексем производящего словосочетания.

Работа посвящена обоснованию использования термина «абброконструкт» для обозначения сокращенных компонентов сложносокращенного слова, таких, например, как *авто-* в слове *автомагистраль*, эквивалентного токену *автомобильная* словосочетания *автомобильная магистраль*, *энерго-* в слове *энергопоставки*, эквивалентного токену *электроэнергии* словосочетания *поставки электроэнергии*, и т. д.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые сокращенный компонент аббревиатуры получает трактовку особого словообразовательного средства, не сводимого ни к морфеме, ни к слову и находящего на границе между ними.

Актуальность данного обоснования статуса сокращенного компонента обусловлена целым рядом причин.

Во-первых, сокращенный компонент сложносокращенного слова является единицей, определяющей существенные характеристики аббревиации данного типа: в отличие от конструкта инициальной аббревиатуры, возникающего в результате реального ситуативного сокращения слов словосочетания до их первых звуков или букв, абброконструкт – воспроизводимая единица, используемая как для регулярного замещения какой-либо лексемы в процессе трансформации словосочетания в слово (универбализации), например *заведующий кафедрой* → *завкафедрой* (аббревиатуры), так и как самостоятельная единица, непосредственно присоединяемая к производящему слову при квазиаббревиации – процессе искусственного создания аббревиатурного слова – и могущая разворачиваться

во «вторичную» лексему при псевдоунивербализации – образовании словосочетания на базе слова, например *психо- + терапия* → *психотерапия* → *психологическая терапия* (квазиаббревиатуры).

Вполне очевидно, что на актуальном срезе языка нивелируются аббревиатуры и квазиаббревиатуры. Их редукция позволяет говорить о синхронных аббревиатурах. Носители языка трактуют эти аббревиатуры в качестве синхронных на основании наличия у них актуальных синтаксических эквивалентов. Наряду с синхронными аббревиатурами логически мотивированы и диахронные аббревиатуры, а также квазиаббревиатуры. Они реально возникают вследствие универбализации или квазиаббревиации. И в первом и во втором случае роль сокращенного компонента очевидна: именно он обеспечивает как словообразовательные процессы, так и процессы интерпретации значения аббревиатуры.

Во-вторых, в современной лингвистике для обозначения сокращенного компонента аббревиатуры используется большое количество наименований: «абброморфема», «абброоснова», «структурная морфема», «прилагательная морфема», «лексикоморфема», «полупрефикс», «префиксоид» и т. д. Такое многообразие терминов показывает особый и пока еще не определенный статус данной единицы в языке: устоявшегося, общепринятого и семантически обоснованного наименования, как и статусной характеристики не существует. Сейчас можно констатировать наличие трех подходов к определению сокращенного конструкта аббревиатуры: 1) словесного, трактующего его как аналитическое прилагательное, 2) морфематического, предполагающего, что он может быть определен как особая морфема – абброморфема или абброаффиксоид, и 3) абброконструктного, устанавливающего особый статус данной единицы, находящейся на границе между словом и морфемой, но не являющейся ни первой и ни второй.

Задачи нашей работы, во-первых, обосновать использование термина «абброконструкт», во-вторых, определить, в каких разновидностях может выступать абброконструкт. Для этого нами используются следующие методы исследования: описательный, сопоставительный, хронологический, количественный, ономазиологический и семантический

(см.: [Емельянова, 2024]). Материал исследования составили свыше 80 000 лексем.

Практическая ценность работы видится в возможности использования ее результатов при создании аббревиатурных словарей. Такая возможность, собственно, и намечается сейчас. Трактовка сокращенного компонента аббревиатуры в качестве аброконструкта образует теоретическую базу для создания специализированного «Словаря аброконструктов русского языка» и «Толкового словаря сложносокращенных слов». Они могут быть представлены в отдельных статьях. Кроме того, вполне обоснованным представляется использование результатов исследования в вузовском курсе «Современный русский язык. Морфемика и словообразование» в тех его частях, которые посвящены описанию особенностей создания и функционирования аббревиатур.

Словесная трактовка сокращенного конструкта аббревиатуры

Словесная трактовка статуса сокращенного конструкта аббревиатуры была предложена А. А. Реформатским, который считал, что сложносокращенное слово представляет собой не слово, а «словосочетание, синтагму, только в роли обозначаемого слова в ней выступает не обычное прилагательное, а «аналитическое прилагательное» – усечение вроде *гос, глав, проф*» [Реформатский, 1975, с. 10]. Эта идея в свое время получила широкую поддержку в научной среде. Например, А. Г. Лыков также считал аббревиатуры словосочетаниями, поскольку их первая часть абсолютно эквивалентна слову (*специальный, профсоюзное, автобусная, партийный* и т. д.) [Лыков, 1976, с. 42].

Однако со временем возник целый ряд вопросов, заставивших усомниться в убедительности данной теории.

Во-первых, она ограничена только неинициальными сокращенными эквивалентами слов и не может быть применена к инициальным конструктам. Например, компонент *авиа-* в слове *авиабригада* соотносим со словом *авиационная* словосочетания *авиационная бригада*, в то время как для акронима *АБ*, связанного с тем же словосочетанием, конструкт *А* сложно определить как аналитическое прилагательное. Теория, таким образом, не является универсальной для «аббревиатурной системы» языка.

Во-вторых, исследователи указывают на отсутствие синтаксической самостоятельности сокращенных компонентов сложносокращенных слов, что затрудняет рассмотрение их как самостоятельных лексем. А. К. Бранднер, например, говоря об элементах типа *гео, гидро, электро* и т. д., справедливо отмечает, что «полной самостоятельности

эти единицы не имеют: они не могут относительно свободно перемещаться в предложении» [Бранднер, 2003, с. 252]: мы можем сказать *геонавигация*, но не можем **навигация гео, электрочайник*, но не **чайник электро* и т. д.

В-третьих, не всегда начальный компонент слова эквивалентен прилагательному. Так, в картотеке Словаря для слова *шахтовладелец* отмечаются в основном эквиваленты с субстантивными атрибутами: *владелец шахты, владелец шахт*¹. Можно ли в этом случае считать элемент *шахт-* аналитическим прилагательным? Подтверждением сказанного также служит тот факт, что не всегда атрибутивная форма является наиболее частотным дублетом конструкта. Иначе говоря, аброконструкт может быть эквивалентен не только прилагательному, но и существительному, что ставит под сомнение возможность его трактовки именно как прилагательного.

В-четвертых, компоненты аббревиатур могут занимать не только признаковую атрибутивную, но и базисную субстантивную позицию, выполняя роль заместителя главного члена атрибутивного словосочетания. Например, в слове *колхоз*, компонент *кол* имеет атрибутивное значение (*коллективное*), но компонент *хоз* явно эквивалентен базису – существительному *хозяйство*, которое абсолютно не связано с атрибутивной функцией, но выполняет ту же структурную роль, что и препозитивный компонент: выступает в качестве «заместителя» полнозначной лексемы – существительного.

Учитывая противоречия, возникающие при попытках придать малым элементам аббревиатур статус самостоятельных части речи, ученые чаще всего приходят к мысли о том, что рассматриваемые конструкты имеют не словный, а морфемный статус.

Морфематическая трактовка аброконструкта

Считать морфемой сокращенный компонент аббревиатуры предлагалось давно. Еще Л. В. Щерба писал о том, что в аббревиатурах типа *спецфонд, профсобрание, автостанция* и т. п. «одна из частей <...> является обыкновенным словом, а другая – *своего рода префиксом или суффиксом* (выделено нами – К. Е., В. Т.) с известным всякому значением, как, например, *партработник, партбилет, партсобрание* и т. п.» [Щерба, 1957, с. 137]. Д. И. Алексеев обозначал термином «аброморфема» высокочастотное сокращение, используемое при образовании аббревиатур [Алексеев, 1966].

¹Конструкт *шахт-* трактуется нами как гибридный аброконструкт, который может иметь и аббревиатурную (*шахтостроительство – шахтное строительство*), и композитную (*шахтостроительство – строительство шахт*) трактовки.

Другие лингвисты определяют абброконструкт как аффиксоид. Как пишет Е. А. Левашов, «в ходе своего всё усложняющегося развития русский язык в недалеком прошлом выработал повторяющиеся в употреблении структурные компоненты сложных слов, называемые поразному, но преимущественно – префиксоидами и суффиксоидами, обобщенно – аффиксоидами, в чем-то уподобляющиеся префиксам и суффиксам, обобщенно – аффиксам» [Левашов, 2008, с. 50].

Такой же точки зрения придерживается О. В. Русакова, которая определяла как префиксоиды конструкторы *авиа-*, *авто-*, *бензо-*, *био-*, *вибро-*, *воен-*, *гео-*, *диет(о)-*, *зоо-*, *электро-* и др. [Русакова, 2011].

Абброморфемный и абброаффиксоидный (морфематические) подходы вызывают целый ряд возражений, главное из которых заключается в том, что абброконструкты сохраняют словное значение. Это подтверждается разворачиванием их в словесные эквиваленты. Они синонимичны не «морфемам и словосочетаниям», а мотивационно связанным с ними словам: *авиа* – *авиационный*, *авто* – *автомобильный*, *адм* – *административный* и т. д. Например, слово *бортнаёк* регулярно разворачивается в словосочетание *бортовой паек* (около 2000 включений в тексты Корпуса аббревиатурных текстов), где синонимом абброконструкта является слово *бортовой*:

И **бортнаек** схарчишь и на обед успеешь. **Бортовой паек** был положен при продолжительности полета более 4 часов¹.

Отметим, кстати, что отождествление абброконструктов и аффиксоидов и неучтение их особой актуальной мотивационной связи со словосочетаниями ведет не только к искажению трактовки словообразовательных процессов и явлений, но и к формальным ошибкам. Так, например, Т. И. Плужникова отмечает, что «важным фактором в выделении аффиксоидов является разрушение формальносемантической соотнесенности сложного слова с его мотивирующим генеративом» [Плужникова, 2012, с. 288].

В основательном и во многом удачном словаре «Аффиксоиды русского языка» [Козулина, 2009] представлено достаточно глубокое описание семантики конструкторов аббревиатур. Однако, как показали наши исследования, значение абброконструкта в достаточно большой мере раскрывается значениями эквивалентных словосочетаний, которые не представлены в данном словаре, и их игнорирование, вполне объяснимое при «морфематическом», аффиксоидном подходе к определению статуса сокращенных компонентов аббревиатур,

¹URL: <https://dzen.ru/a/ZsSP55np2g22hMh6?ysclid=mjfdwxx7o9205723409> (дата обращения: 10.01.2026)

как при анализе конструкторов, так и при их описании, приводит к целому ряду неточностей при лексикографировании. Например, в указанном слове для абброконструкта *бак-* дается одно значение «относящийся к изучению, использованию, применению бактерий» [там же, с. 34]. Анализ же эквивалентности позволил выявить для него следующий набор значений²:

- Бак-** 1) Содержащий бактерии, бектериофаги (*бакзакваска* = *бактерийная закваска*, *бектериофаговая закваска*). 2) Направленный на определение и идентификацию бактерий (*баканализ* = *анализ на бактерии*). 3) Осуществляемый бактериями, обусловленный ими (*бакзагрязнение* = *загрязнение бактериями*). 4) Направленный на борьбу с бактериями (*баклампа* = *бактерицидная лампа*). 5) Предназначенный для исследований в области бактериологии (*баклаборатория* = *бактериологическая лаборатория*) • 1. **Бактериальный** ■ *бактериальный* (*бакконтроль* – *бактериальный контроль*); *бактериальная* (*бакзакваска* – *бактериальная закваска*); *бактериальное* (*бакзагрязнение* – *бактериальное загрязнение*). 2. **Бактериологический** ■ *бактериологический* (*бакметод* – *бактериологический метод*); *бактериологическая* (*баклаборатория* – *бактериологическая лаборатория*); *бактериологическое* (*бакисследование* – *бактериологическое исследование*). 3. **Бактериальный** ■ *бактериальный* (*баксостав* – *бактериальный состав*); *бактерийная* (*бакзакваска* – *бактерийная закваска*); *бактерийное* (*бакзагрязнение* – *бактерийное загрязнение*). 4. **Бактерицидный** ■ *бактерицидный* (*бакматериал*² – *бактерицидный материал*); *бактерицидная* (*баклампа* – *бактерицидная лампа*). 5. **Бактериофаговый** ■ *бактериофаговый* (*бакпрепарат* – *бактериофаговый препарат*). 6. **Бактэрия** ■ *бактерий* (*баканализатор* – *анализатор бактерий*); *бактериями* (*бакзагрязнение* – *загрязнение бактериями*); *на бактерии* (*баканализ* – *анализ на бактерии*). 7. **Бакпосёв** ■ *на бакпосев* (*баканализ* – *анализ на бакпосев*).

Подытоживая сказанное, приведем ряд аргументов против морфематической (абброморфемной и аффиксоидной) трактовки абброконструктов.

²Данный пример представляет картотеку создаваемого на кафедре русского языка ДонГУ «Словаря абброконструктов русского языка». После знака «●» здесь дается набор эквивалентов абброконструкта, после цифры приводится эквивалентная лемма (обобщённое представление эквивалентной единицы), а после знака «■» – токены данной леммы, то есть реальные речевые воплощения леммы в конкретных дешифровках абброконструкта.

1. Отнесение сокращенных компонентов аббревиатур к разряду аффиксоидов так же, как и к разряду абброморфем, исключает возможность выделения сложносокращенных слов как единиц универбализационного словопроизводства, поскольку «такая трактовка противоречит самой возможности выделения ССС (сложносокращенных слов. – К. Е., В. Т.) как единиц компрессионного или, точнее, универбализационного словопроизводства и относит их не к “слово- и основосложениям”, а к фактам аффиксации на базе простого слова» [Теркулов, 2015, с. 129], что абсолютно противоречит текстовым свидетельствам, очевидно показывающим в огромном количестве случаев универбализационную природу конструктов аббревиатур.

2. Как справедливо отмечал А. В. Солнцев, «номинативность слов определяется как понятийная, а номинативность морфем как ассоциативная» [Солнцев, 1987, с. 135]. То же самое можно сказать и об аффиксоиде: он имеет значение, «структурно сходное со значением аффикса, т. е. значение не конкретное, а обобщенное, модифицированное, и в силу этого принципиально отличающееся от значения исходного корня (слова)» [Теркулов, 2015, с. 131]. У конструкта же аббревиатуры отмечается явно словное значение. Сравните, например, значение префиксоида *vip-* «имеющий высокую значимость» в словах *vip-гость*, *vip-автомобиль*, для которых не обнаруживаются дескриптивные эквиваленты, и абброконструкта *вод-*, явно имеющего конкретное значение «водный» в аббревиатурах *водоаккумулятор*, *водобак*, *водопомпа* и под., подтверждаемое текстовыми эквивалентами этих слов: *водный аккумулятор*, *водный бак*, *водная помпа*.

3. В языке отмечается большое количество слоговых аббревиатур, полностью состоящих из абброконструктов, например *помреж*, *главбух* и др. Трактовка в этом случае сокращенных компонентов как аффиксоидов или других служебных морфем невозможна: какой-то из этих элементов должен считаться корнем. Но это как минимум показывает, что аффиксоидная и, шире, морфемная трактовки не являются всеобъемлющими: абброконструкты могут соотноситься и с корнем, и с аффиксами, что делает ущербным любое их структурно и статусно ограничивающее определение.

Абброконструктивная трактовка сокращенного конструкта аббревиатуры

Итак, абброконструкт не может быть определен ни как слово, ни как морфема. Он не соответствует таким определениям ни по структурным, ни по семантическим признакам. Поэтому нами и был

избран конструктивный подход к определению и описанию сокращенного компонента аббревиатуры. Мы используем нейтральный термин «абброконструкт», который указывает только на статус компонента в структуре сложносокращенного слова: абброконструкт рассматривается как его составная часть. Наши исследования показали, что: а) абброконструкт является заместителем слова, б) он может выступать в целом ряде функциональных разновидностей – абброэквиваленте, абброморфеме и абброаффиксоиде. Мы не отказываемся и от терминов морфематического подхода, используя их для определения типа отношения абброконструкта с эквивалентным словом. С точки зрения *диахронии*, апеллирующей к отношениям производности между производящей и производной единицами, различаются:

- 1) **абброэквивалент** – реальный заместитель слова при универбализации словосочетания, например *авиа-* в слове *авиагорючее*, возникшем в результате универбализации словосочетания *авиационное горючее*; абброэквиваленты используются при создании диахронных аббревиатур;
- 2) **абброморфема** – морфематизированный абброконструкт, непосредственно присоединяющийся к производящему слову, но затем псевдоунивербализационно разворачивающийся во вторичное эквивалентное словосочетание, например *десант* → *авиа + десант / авиадесант* (с 1929 г., по данным Аббревиатурного корпуса) → *авиационный десант* (с 1943);
- 3) **абброаффиксоид** – упрощенный вариант абброморфемы, не разворачивающийся во вторичный эквивалент, например *матка* → *авиа + матка* → *авиамамка* (другие названия – *воздушный авианосец*, *летающий авианосец*) «воздушное судно, которое несёт на себе другие летательные аппараты (внутри – на борту, либо снаружи – на внешней подвеске)» → отсутствие эквивалента.

На синхронном срезе языка вследствие псевдоунивербализации различие между абброэквивалентом и абброморфемой стираются, что позволяет говорить о существовании в *синхронии* двухкомпонентной корреляции абброконструктов:

- 1) **абброэквивалент** – абброконструкт, имеющий узуальный эквивалент / узуальные эквиваленты в синхронии (*авиагорючее* = *авиационное горючее*, *авиадесант* = *авиационный десант*);
- 2) **абброаффиксоид** – абброконструкт, не имеющий узуальных эквивалентов в синхронии (*авиамамка*).

Заключение

Итак, абброконструкт – единица, имеющая черты как морфемы (воспроизводимость, статус части слова), так и слова, что подтверждается наличием у него словного значения, возникновением на базе слова, замещением им слова в процессе универбализации, развертыванием в слово в результате псевдоунивербализации и регулярной текстовой эквивалентностью слову на актуальном срезе языка. Именно эта структурно-семантическая двойственность не позволяет трактовать сокращенный компонент сложносокращенного слова ни как лексему (аналитическое прилагательное), ни как морфему (абброморфему или аффиксоид). Для номинации мы используем термин «абброконструкт», указывающий только на его структурную характеристику (сокращенная составная часть аббревиатуры). Абброконструкт в диахронии

может выступать в качестве абброэквивалента, используемого при универбализации, абброморфемы, формирующей квазиаббревиатуру, подверженную псевдоунивербализации, и абброаффиксоида, не продуцирующего синтаксических эквивалентов. В синхронии функциональными вариантами абброконструкта являются абброэквивалент, входящий в слова, имеющие на актуальном срезе языка дескриптивные эквиваленты, и абброаффиксоид, обнаруживаемый в безэквивалентных словах.

Перспектива исследования состоит в том, чтобы разработать общую теорию абброконструктов, включающую их типологию по формальным и семантическим признакам. Кроме того, допустима (более того, лингвистически плодотворна) если не попытка экстраполяции трактовки неинициального абброконструкта на конструкты инициальных аббревиатур, то попытка сравнения данных единиц.

Список источников

1. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 6. С. 73–97.
2. Емельянова К. Ю. Диахронный подход к описанию сложносокращённых аппеллятивов. Квазиаббревиатуры // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке: монография. М.: Издательство Московского университета, 2024. С. 72–85.
3. Реформатский А. А. О членимости слова // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова: сборник статей / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1975. С. 5–13.
4. Лыков А. Г. Слово как смежная единица языка // Единицы разных уровней в языке и речи: сборник. Краснодар, 1976. Ч. 3. С. 41–49.
5. Бранднер А. К некоторым сдвигам на морфологическом уровне современного русского языка // Русское слово в мировой культуре. Русский текст и русский дискурс: материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. СПб.: Политехника, 2003. С. 247–255.
6. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957.
7. Алексеев Д. И. Стилистические особенности буквенных аббревиатур и сложносокращённых слов // Вопросы стилистики: тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Саратов, 1962. С. 44–59.
8. Левашов Е. А. Еще раз об аффиксоидах // Русская речь. 2008. № 3. С. 50–52.
9. Русакова О. В. О принципах выделения аффиксоидов в деривационной системе русского языка // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–2. С. 37–40.
10. Плужникова Т. И. Механизм формирования аффиксоида // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. Вологда, 2012. С. 285–290.
11. Козулина Н. А. Аффиксоиды русского языка: опыт словаря справочника / Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, Е. Н. Шагалава. СПб.: НесторИстория, 2009.
12. Теркулов В. И. Типология сокращённых компонентов аббревиатур // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (98). С. 127–134.
13. Солнцев А. В. Виды номинативных единиц // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 133–137.

References

1. Terkulov, V. I. (2017). Slozhnosokrashchyonnye slova: sinhronnyj i diahronnyj aspekty opisaniya [Complex reduced words: synchronous and diachronous aspects of the description]. Moscow University Bulletin, Series 9. Philology, 6, 73–97. (In Russ.).
2. Emelyanova, K. Yu. (2024). Diahronnyj podhod k opisaniyu slozhnosokrashchyonnyh apellyativov. Kvaziabreviatyury [A diachronous approach to the description of complex appellatives. Quasi-abbreviations]. In Petrukhina, E. V.,

- Terkulov, V. I., Kryuchkova, O. Yu. (Eds.), *Sistemnye, kognitivno diskursivnye i sinhronno diahronicheskie aspekty derivacionnykh processov v russkom yazyke* (pp. 72–85): monograph. Moscow: Publishing House of Moscow University. (In Russ.)
3. Reformatsky, A. A. (1975). O chlenimosti slova [About the segmentation of the word]. In Zemskaya, E. A. (Ed.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka. Slovoobrazovanie. Chlenimost' slova* (pp. 5–13): collection of articles. Moscow: Nauka. (In Russ.)
  4. Lykov, A. G. (1976). Slovo kak smezhnaya edinica yazyka [Word as an adjacent unit of language]. In *Edinicy raznyh urovnej v yazyke i rechi* (part 3, pp. 41–49): intercollegiate collection. Krasnodar. (In Russ.)
  5. Brandner, A. (2003). K nekotorym sdvigam na morfologicheskom urovne sovremennogo russkogo yazyka [To some shifts at the morphological level of the modern Russian language]. In *Russkoe slovo v mirovoj kul'ture. Russkij tekst i russkij diskurs* (pp. 247–255): proceedings of an X Congress MAPRYAL. St. Petersburg, June 30 – July 5, 2003. Russian text and Russian discourse. St. Petersburg: Polytechnic. (In Russ.)
  6. Shcherba, L. V. (1957). *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works in the Russian language]. Moscow: Gos. ucheb.-ped. izd-vo M-va prosveshcheniya RSFSR. (In Russ.)
  7. Alekseev, D. I. (1966). Stilisticheskie osobennosti bukvennykh abbreviatur i slozhnosokrashchyonnykh slov [Abbreviations as a new type of words]. In *Voprosy stilistiki* (pp. 13–37): abstracts of reports at the interuniversity scientific conference. Moscow: Nauka. (In Russ.)
  8. Levashov, E. A. (2008). Once again about affixoids. *Russkaya rech'*, 3, 50–52. (In Russ.)
  9. Rusakova, O. V. (2011). On the principles of affixoid allocation in the derivational system of the Russian language. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 22, 37–40. (In Russ.)
  10. Pluzhnikova, T. I. (2012). Mekhanizm formirovaniya affiksoida [The mechanism of formation of the affixoid]. In *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epohi* (pp. 285–290): a collection of scientific works. Vologda. (In Russ.)
  11. Kozulina, N. A., Levashov, E. A., Shagalova, E. N. (2019). *Affiksoidy russkogo yazyka: opyt slovyarya spravochnika*. [Affixoids of the Russian language: the experience of a dictionary reference book]. St. Petersburg: Nestor The Story. (In Russ.)
  12. Terkulov, V. I. (2015). Typology of abbreviated components of abbreviations. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3(98), 127–134. (In Russ.)
  13. Solntsev, A. V. (1987). Types of nominative units. *Voprosy yazykoznanii*, 2, 133–137. (In Russ.)

Информация об авторах

Теркулов Вячеслав Исаевич

доктор филологических наук, профессор
главный научный сотрудник, заведующий кафедрой русского языка
Донецкого государственного университета

Емельянова Ксения Юрьевна

младший научный сотрудник кафедры русского языка
Донецкого государственного университета

Information about the authors

Terkulov Vyacheslav Isaevich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Chief Researcher, Head of the Russian Language Department
Donetsk State University

Yemelyanova Kseniya Yurievna

Junior Researcher at the Department of the Russian Language
Donetsk State University

Статья поступила в редакцию	22.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	26.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Языки в современном мире

Научная статья
УДК 81'373.43+811.531

Источник неологизации в корейском языке: от сино-корейской лексики к англицизмам

Т. С. Мозоль¹, О. К. Ирисханова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹yoondanhee@gmail.com

²oiriskhanova@gmail.com

Аннотация. В корейском языке (южнокорейский вариант) в XXI веке значительно увеличилась скорость пополнения лексического фонда новыми словами, вместе с этим все большую роль в неологизационных процессах приобретает английский язык. Цель данного исследования состоит в выявлении количественных и качественных характеристик сино-корейской лексики и современных заимствований из китайского и английского языков. Рассматривается их роль в пополнении лексического фонда корейского языка на материале Большого словаря стандартного корейского языка и сборников корейских неологизмов за последние десять лет (2014–2023). Полученные данные свидетельствуют о постепенном смещении источника неогенеза в сторону английского языка, что ставит под сомнение концепцию стабильного доминирования сино-корейской лексики в процессах расширения лексического состава корейского языка.

Ключевые слова: южнокорейский вариант языка, неологизационные процессы, источник неологизации, сино-корейская лексика, пополнение словарного состава корейского языка

Для цитирования: Мозоль Т. С. Источник неологизации в корейском языке: от сино-корейской лексики к англицизмам / Т. С. Мозоль, О. К. Ирисханова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 93–100.

Original article

The Evolution of Neologisms in the Korean Language: From Sino-Korean Vocabulary to Anglicisms

Tatiana S. Mozol¹, Olga K. Iriskhanova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹yoondanhee@gmail.com

²oiriskhanova@gmail.com

Abstract. In the 21st century, the rate of vocabulary expansion in Korean (the South Korean variant) has increased significantly. Concurrently, English has begun to play an increasingly prominent role in its neologisms. This study aims to analyze the quantitative and qualitative characteristics of Sino-Korean vocabulary, as well as contemporary loanwords from Chinese and English, and to assess their role in the expansion of

the Korean lexicon. The analysis is based on the Standard Korean Language Dictionary and collections of Korean neologisms from the last decade (2014–2023). The findings indicate a gradual shift in the primary source of neologisms toward English, thereby challenging the notion of stable Sino-Korean lexical dominance in the expansion of the Korean vocabulary.

Keywords: South Korean variant of language, neologization processes, the source of neologization, Sino-Korean vocabulary, expansion of the Korean vocabulary

For citation: Mozol, T. S., Iriskhanova, O. K. (2026). The evolution of neologisms in the Korean language: from Sino-Korean vocabulary to anglicisms. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(909), 93–100. (In Russ.)

Введение: постановка проблемы неологизации через заимствования применительно к корейскому языку

Динамический характер любого языка наиболее явно проявляется в способности к расширению его словарного состава за счет новых лексических единиц. В настоящее время многие лингвисты отмечают высокую степень «неогенности» разных языков мира в XXI веке. Об этой «неогенности» нередко говорят как о «неологическом буме» [Скуратов, 2006, с. 4]. Данное утверждение также справедливо и для южнокорейского варианта языка. В XXI веке развитие средств коммуникации способствовало многократному увеличению скорости изменений в корейском языке, в частности появлению большого количества новых слов [푸량, 2022; 구현정, 2020]. Как отмечает южнокорейский лингвист Но Мёнхи, в XXI веке при образовании новых слов корейского языка все больше используются иноязычные элементы наравне с элементами сино-корейской лексики [노명희, 2006, с. 39]. В связи с этим актуальной исследовательской задачей является анализ тенденции смещения источника неологизации в корейском языке на современном этапе (XX–XXI века). Рассуждения о возрастающей роли английского языка в неологизационных процессах корейского языка можно встретить в работах отдельных южнокорейских лингвистов [노명희, 2006; 남길임, 송현주, 최준, 2015], однако количественного анализа соответствующих изменений, который позволил бы более детально охарактеризовать данные процессы и более точно установить «баланс сил», до настоящего момента не проводилось.

В работе проводится качественный и количественный анализ обширного языкового материала. Означенный корпус языковых единиц включает заимствованную лексику. Она зафиксирована

в Большом словаре стандартного корейского языка.¹ Рассматриваются также множественные неологизмы корейского языка. Они включены в сборники Национального института корейского языка (2014–2019) и в сборники неологизмов, подготовленные исследовательской группой во главе с профессором Нам Киримом (2020–2023)². Изучение данных материалов позволит проанализировать и сопоставить тенденции заимствования из английского и китайского языков, а также выявить особенности образования новых слов в современном корейском с участием сино-корейского компонента, англицизмов и заимствований из современного китайского языка. С учетом значительной доли гибридных неологизмов, которые могут одновременно содержать в себе как англоязычные, так и сино-корейские компоненты, в данной работе впервые применяется метод интервальной оценки в условиях структурной неопределенности для выявления динамики изменения количества неологизмов с англоязычным и сино-корейским компонентом.

В круг задач данного исследования входит следующее: рассчитать количество отобранных методом сплошной выборки заимствований в Большом словаре стандартного корейского языка с целью оценки специфики процессов

¹표준국어대사전 URL: <https://stdict.korean.go.kr/main/main.do> (дата обращения: 24.11.2025).

²국립국어원. 2014년 신어. 서울: 경대디지털, 2014.

국립국어원. 2015년 신어. 서울: 경대디지털, 2015.

국립국어원. 2016년 신어 조사 및 사용 주기 조사. 서울: 경대디지털, 2016.

국립국어원. 2017년 신어. 서울: 경대디지털, 2017.

국립국어원 2018년 신어 조사. 서울: 경대디지털, 2018.

국립국어원 2019년 신어 조사. 서울: 경대디지털, 2019.

남길임 외 신어 2020. 서울: 한국문화사, 2020.

남길임 외 신어 2021. 서울: 한국문화사, 2021.

남길임 외 신어 2022. 서울: 한국문화사, 2022.

남길임 외 신어 2023. 서울: 한국문화사, 2023.

пополнения корейского языка новыми словами за счет иноязычной лексики; сопоставить долю англицизмов, китайских заимствований и лексики с сино-корейским компонентом среди неологизмов (с учетом гибридной лексики); сопоставить роль современных заимствований из английского и китайского языков, а также сино-корейской лексики в неологизационных процессах современного корейского языка.

Заимствования, зафиксированные в Большом словаре стандартного корейского языка

В качестве источника языкового материала для анализа фактов заимствования из китайского и английского языков на современном этапе нами был использован Большой словарь стандартного корейского языка¹.

Особого внимания при этом заслуживает вопрос разграничения сино-корейского пласта лексики, вошедшего в корейский язык много столетий назад, и современных китайских заимствований в корейском языке.

Сино-корейскую лексику в широком смысле также можно отнести к заимствованиям². Однако, как считают многие корейские лингвисты, сино-корейская лексика занимает особое положение среди прочей заимствованной лексики в силу того, что процесс ее проникновения и адаптации обладал особой спецификой [주지연, 2018, с. 277–278]. Как отмечает южнокорейский лингвист Ли Квангю, сино-корейская лексика с точки зрения количества и качества играет важную роль в корейском языке: ее доля составляет около 58,5 % [이관규, 2004, с. 199–204]. При этом данный пласт лексики, как правило, не воспринимается носителями языка как заимствования [심재기 외, 2016; Sohn, 1999; Lee, Madigan, Park, 2016]. Многие корейцы затрудняются определить,

¹Самым авторитетным словарем корейского языка является Большой словарь стандартного корейского языка, издаваемый Национальным институтом корейского языка. Данный словарь является «эталоном правильности», при возникновении разногласий обращаются к этому словарю, на него прежде всего ориентируются при составлении официальных документов, учебников, при подготовке материалов центральных СМИ и пр. [Мозоль, 2022, с. 244]. В состав данного словаря входит около 420 тыс. слов. В Большом словаре корейского языка пометы с датой вхождения заимствования в словарь отсутствуют. Однако следует отметить, что первое издание словаря произошло в 1999 г. (работа над первым изданием велась группой лингвистов с 1992 по 1999 г.), а второе издание (в форме онлайн-словаря) – в 2008 г. Для отбора заимствований мы пользовались онлайн-версией словаря.

²Как отмечают исследователи, иероглифика проникла на Корейский полуостров в период с II века до н. э. по IV век н. э., самые ранние сохранившиеся эпиграфические памятники относят к IV–V векам [Song, 2006, с. 4; Концевич, 2007, с. 1–2].

является то или иное слово исконно корейским или же принадлежит к сино-корейскому пласту лексики, как, например, носители английского языка не воспринимают слова латинского и греческого происхождения (например, *history*, *democracy*, *library* и т. п.) в качестве заимствований [Sohn, 1999, с. 87]. В связи с этим южнокорейские лингвисты обычно выделяют исконно корейскую, сино-корейскую лексику и заимствования, что во многом совпадает «с интуитивным восприятием языка его носителями [주지연, 2018, с. 278]. Принцип вычленения сино-корейской лексики из числа заимствований разделяют также северокорейские лингвисты. Так, северокорейский лингвист Чхве Ванхо отмечает, что сино-корейскую лексику и заимствования в широком смысле по признаку происхождения можно отнести к иноязычной лексике, однако между ними существуют четкие различия в плане исторических предпосылок и времени проникновения в корейский язык, а также по количеству и функциям, которые они выполняют в языке. Сино-корейская лексика отличается от ареала заимствований также по количеству единиц и функциям, которые они выполняют в языке [최완호, 2005, с. 85]. В частности, сино-корейская лексика отличается высокой степенью продуктивности и является важным ядром пополнения лексического фонда. Известный южнокорейский лингвист Нам Кисим связывает такую роль сино-корейской лексики с возможностью ее свободной компоновки для образования составных слов. Более того, он отмечает, что сино-корейская лексика, как правило, лишена многозначности и большого количества коннотаций в отличие от исконно корейской лексики. Указанные факторы также способствуют ее продуктивности при образовании неологизмов [남기심, 1983, с. 214].

Вслед за корейскими лингвистами мы также будем разделять сино-корейскую лексику и современные заимствования из китайского языка. Заимствованные из китайского языка слова могут быть записаны иероглифами и при этом читаться на корейский манер, поскольку они претерпели фонетическую ассимиляцию в соответствии с нормами корейского языка (например, *국가* / 國家 «страна», *학교* / 學校 «школа») мы будем относить к сино-корейскому пласту лексики. Как отмечалось выше, данный сформированный много веков назад пласт лексики является неотъемлемой частью корейского языка и, как правило, не воспринимается как иноязычный его носителями. В то же время слова из китайского языка, которые сохраняют свое китайское произношение (например, географические названия, названия алкогольных

Языки-источники пополнения лексики корейского языка

	Язык-источник	Количество вхождений в словарь	Количество слов
1	Английский	15696	15008
2	Французский	1731	1703
3	Немецкий	1623	1609
4	Итальянский	928	923
5	Русский	637	637
6	Греческий	637	622
7	Китайский	496	496
8	Испанский	466	462
9	Латынь	449	444
10	Японский	382	380

напитков и блюд 류저우/柳州 «Лючжоу», 라오주/老酒 «лао цзяо», 덩삼/點心 «димсам» и т. п.), мы будем относить к заимствованиям из китайского языка [심재기, 2016].

С целью анализа роли других языков в пополнении лексического фонда корейского языка в целом, а также влияния английских и китайских заимствований в частности нами были отобраны и проанализированы все имеющиеся в словаре заимствования. При этом нами было рассчитано не только количество заимствованных лексем, но и количество вхождений в разные области знания, что фиксируется в словаре соответствующими пометами о принадлежности слова к той или иной сфере (медицина, сельское хозяйство, архитектура и др.). Ряд заимствований приводится в Большом словаре стандартного корейского языка в нескольких вариантах написания, нами был отобран только один вариант, который соответствует написанию, рекомендованному Национальным институтом корейского языка. Представим в таблице 1 десять важнейших языков-источников, из которых в Большом словаре стандартного корейского языка зафиксировано наибольшее количество слов.

Согласно приведенным данным, наибольшее количество заимствований попало в корейский язык из английского. Китайский язык занимает седьмое место по количеству заимствований, вошедших в корейский язык на современном этапе, при этом количество англицизмов превышает количество заимствований из китайского примерно в 30 раз. Согласно данным Большого словаря стандартного корейского языка, общее количество сино-корейской лексики составляет 193 800 слов.

Данный факт в целом может свидетельствовать о том, что пополнение лексического состава корейского языка за счет китайских лексических единиц на современном этапе по своему объему значительно меньше, нежели было ранее.

Представим на рисунке 1 количество заимствований из китайского и английского языков в сравнении с общим объемом сино-корейской лексики.

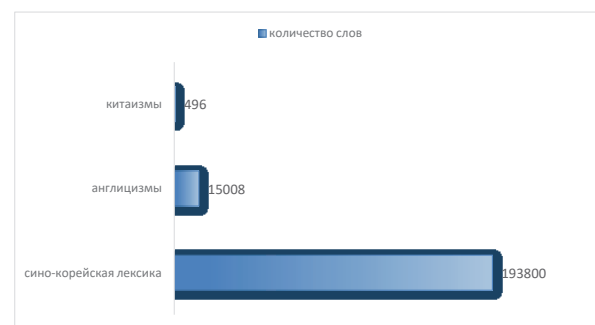

Рис. 1. Количество заимствований из китайского и английского языков в сопоставлении с сино-корейской лексикой

Неологизмы-заимствования, представленные в сборниках неологизмов корейского языка (2014–2023)

Материалы сборников неологизмов корейского языка (2014–2023), отражают самые последние тенденции в языке и позволяет дополнить данные Большого словаря стандартного корейского языка.

Поскольку в данных сборниках представлена информация о количестве иноязычной лексики

в целом, мы, опираясь на метод сплошной выборки, рассчитали отдельно долю англицизмов и китаизмов (с учетом гибридной лексики). В целом в отобранных сборниках неологизмов содержится 1 544 неологизмов-англицизмов и 2 043 неологизмов-гибридов, образованных с участием англоязычной лексики, при этом объем китаизмов незначителен – всего 12 неологизмов (10 из них относятся к гибридной лексике). Общий объем лексики сино-корейского происхождения составляет 3 242, а гибридов, образованных с участием сино-корейского компонента – 3 113.

В целом, доля неологизмов с английским компонентом в последние годы увеличивалась. Так, по данным сборника неологизмов Национального института корейского языка, только 25 % неологизмов 2001 года¹ были образованы с участием англицизмов (включая гибридную лексику)². В дальнейшем на протяжении XXI века количество неологизмов с англоязычным компонентом увеличивалось³. За последние пять лет англицизмы заметно активизировались в образовании неологизмов. Так, по данным сборников неологизмов корейского языка: в 2018 году общее количество неологизмов, образованных с участием английских заимствований, составило 65,43%, в 2019 году – 64,91%, в 2020 году – 45,19%; в 2021 году – 47,02%; в 2022 году – 45,48%, в 2023 году – 51,51%. Таким образом, ежегодный приток неологизмов, образованных за счет англицизмов, за период с 2001 по 2023 год вырос в два раза.

В целом за последние десять лет новых слов, содержащих сино-корейский компонент, было зафиксировано почти вдвое больше, чем слов с англоязычным компонентом. Однако требуется не только рассчитать общее количество новых слов, но и оценить тенденцию изменения количества неологизмов с англоязычным и сино-корейским компонентом за данный период. Количество неологизмов, в образовании которых участвуют китаизмы, крайне незначительно. Поэтому исключим их из расчета и сопоставим долю неологизмов с англоязычными и сино-корейскими компонентами

Для более точной оценки динамики изменения количества неологизмов мы сопоставили

¹국립국어연구원. 2001년 신어. 서울: 국립국어연구원.

²При расчете доли неологизмов также учитывается доля гибридной лексики, образованной при участии компонентов иероглифического происхождения, заимствованной лексики и исконно корейской лексики в разных сочетаниях (исконно корейская лексика + иероглифическая, исконно корейская + заимствования, заимствования + иероглифическая, иероглифическая лексика+заимствования + исконно корейская лексика).

³Отметим, что среди всех неологизмов с иноязычным компонентом (по данным 2005–2021 гг.) 93,69 % образовано с участием англицизмов [Jung, 2025, с. 62].

долю неологизмов, образованных с участием иероглифической лексики, и англицизмов при помощи метода интервальной оценки в условиях структурной неопределенности. Выбор данного метода был продиктован наличием пласта гибридной лексики, которая может сочетать в себе как сино-корейские элементы, так и английские заимствования.

Применяемый в работе метод интервальной оценки в условиях структурной неопределенности данных базируется на подходе, разработанным основоположниками интервальных методов оценки Р. Янг и Р. Муром [Young, 1931; Moore, 1966]. Данный подход успешно реализуется современными учеными в рамках исследований методов математического моделирования с интервальными параметрами. В частности, данные методы могут использоваться при решении различных прикладных и исследовательских задач, когда какие-либо данные точно не известны, но есть информация о диапазоне, в которых находятся их значения⁴ [Морозов, 2024].

Представим полученные данные на рисунке 2.

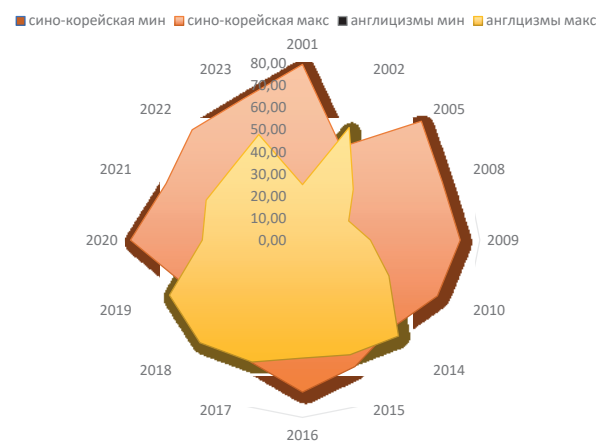

Рис. 2. Доля неологизмов с сино-корейским и англоязычными компонентами

Как видно из приведенного графика, сино-корейский пласт лексики по-прежнему является продуктивным ядром в пополнении лексического фонда корейского языка⁵. Однако заимствования из английского языка также становятся важным источником неологизации в современном корейском языке. Несомненно, не все неологизмы с англоязычным компонентом в итоге попадают в нормативные словари, часть из них, в конечном счете, выходит из употребления спустя определенное время, однако увеличение роли англицизмов в качестве источника неологизации в корейском

⁴См. подробнее: [Шарый, 2025, с. 9–11, 25].

⁵См. также о роли сино-корейской лексики: [남기삼, 1983; 심재기, 1987] и др.

языке является чрезвычайно значимым маркером трансформаций в южнокорейском обществе [노명희, 2006, с. 45]. В настоящее время происходит смещение источников неогенеза в корейском языке от сино-корейской лексики к англицизмам. Так, в 2002, 2014, 2018 и 2019 годах доля неологизмов с англоязычным компонентом превысила долю неологизмов с сино-корейским компонентом (см. пики для англицизмов на рис. 2). Полученные данные свидетельствуют о том, что традиционные представления лингвистов о наибольшей продуктивности сино-корейской лексики при пополнении лексического состава корейского языка нуждаются в пересмотре.

Заключение

В современном мире наблюдается не только ускорение, но и изменение неологизационных процессов, и корейский язык (южнокорейский вариант) подтверждает эти тенденции. Вместе с «неологическим бумом» в корейском языке наблюдается

постепенное смещение источника неологизации: если в течение многих столетий основным источником и средством пополнения лексического состава языка являлась иероглифическая лексика, то в XXI веке все большую роль в неологизационных процессах начинает играть английский язык.

Проведенный анализ материалов Большого словаря стандартного корейского языка, а также сборников неологизмов корейского языка за последние десять лет (2014–2023) подтвердил динамику неологизационных процессов. Эта динамика проявляется в смещении источника заимствований. Возникает необходимость пересмотра традиционных взглядов о неологическом потенциале сино-корейской лексики применительно к современному корейскому языку (южнокорейскому варианту). В дальнейшем представляется целесообразным изучить функционирование соответствующих групп неологизмов в различных типах современного дискурса корейского языка, что позволило бы, предположительно, подтвердить выявленную нами тенденцию.

Список источников

1. Скуратов И. В. Типологическая характеристика неологизмов современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистические аспекты: дис. ... д-ра филол. наук, М., 2006.
2. 푸랑 한 [Лян Фу]. 중 신어 대조 연구-2010년-2020년 신어의 단기 통시적 대조를 중심으로- [Сравнение неологизмов корейского и китайского языков: сопоставление в краткосрочной диахронической перспективе неологизмов 2010–2022 гг.]: 문학박사학위논문 [дис. ... д-ра филол. наук]. 대구 [Тэгу], 2022. (На кор. яз.)
3. 구현정 [Ку Хёнчжон]. 의존명사 종결 구성에 반영된 잠정 문법의 양상 [Аспекты эмерджентной грамматики современного корейского языка, отраженные в зависимых существительных в конце предложения] // 한말연구 [Korean Language Research]. 2020. Вып. 58. С. 5–34. (На кор. яз.)
4. 노명희 [Но Мёнхи]. 최근 신어의 조어적 특징 [Словообразовательные особенности современных неологизмов] // 새국어생활 [Сэкугосэнхваль]. 2006. Вып. 16 (4). С. 31–46. (На кор. яз.)
5. 남길임 [Нам Кирым]. 송현주, 최준 현대 한국어 [+ 사람] 사람 신어의 사회 문화적 의미-2012, 2013년 신어를 중심으로- [Социокультурное значение неологизмов современного корейского языка со значением «человек» (на примере неологизмов 2012 и 2013 гг.)] / 남길임, 송현주, 최준 [Нам Кирым, Сон Хёнчжу, Чхве Чун] // 한국사전학 [Journal of Korealex]. 2015. Вып. 25. С. 39–67. (На кор. яз.)
6. Мозоль Т. С. Языковая политика Республики Корея в XXI веке // Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура. М.: ВЦИОМ, 2022. С. 234–258.
7. 주지연 [Чу Чийён]. 국어 차용어의 분류에 대한 소고: 한자어의 지위를 중심으로 // 언어와 정보 사회. 2018. Vol. 34. P. 277–303. [Чу Чийён. Классификация заимствований в корейском языке: статус сино-корейской лексики // Language & Information Society. 2018. Vol. 34. P. 277–303]. (На кор. яз.)
8. 이관규 [Ли Квангю]. 학교 문법론 [Школьная грамматика]. 서울 [Сеул]: 도서출판 월인 [Тосочхулпхан ворин], 2004. (На кор. яз.)
9. 심재기 [Сим Чэги]. 외 국어 어휘론 개설 [Введение в лексикологию корейского языка]. 서울 [Сеул]: 박이정출판사 [Изд-во Пагичжон], 2006. (На кор. яз.)
10. Sohn H. M. The Korean Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
11. Lee I. H. Introduction to Korean linguistics / I. H. Lee, D. Madigan, J. Y. Park. London, NY: Routledge, 2016.
12. Song J. J. The Korean language. Structure, use and context. NY: Routledge, 2005.
13. Концевич Л. Р. Китайские иероглифы в корейском языке: Графические и фонетические особенности ханмуна // Российское корееведение. Альманах. 2007. Вып. 5. С. 159–228.

14. 최완호 [Чхве Ванхо]. 조선어어휘론 [Лексикология корейского языка]. 평양 [Пхеньян]: 사회과학출판사 [Сахвеквахакчхульпханса], 2005. (На кор. яз.)
15. 남기심 [Нам Кисим]. 새말(新語)의 생성과 사멸 [Возникновение и гибель новых слов] // 이기문 외 한국어문의 제문제 [Ли Кимун и др. Проблемы корейской филологии]. 서울 [Сеул]: 일지사 [Ильжиса], 1983. С. 192–228. (На кор. яз.)
16. Jung H. Y. Loan productivity in Korean neology and lexicographical representation: PhD thesis in Linguistics. Daegu, 2025.
17. Young R. C. Algebra of many-valued quantities // Mathematische Annalen. 1931. Vol. 104. P. 260–290.
18. Moore R. E. Interval Analysis. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966.
19. Морозов А. Ю. Моделирование динамических систем с интервальными параметрами: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. М., 2024.
20. Шарый С. П. Конечномерный интервальный анализ. Новосибирск: XYZ, 2025.

References

1. Skuratov, I. V. (2006). Tipologicheskaja karakteristika neologizmov sovremennom razgovornom i delovom francuzskom jazyke: lingvisticheskij i sociolingvisticheskie aspekty [Typological characteristics of neologisms in contemporary colloquial and business French: linguistic and sociolinguistic aspects]: Senior Doctoral Thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. 푸량 [Fu, Liang]. (2022). 한·중 신어 대조 연구 -2010년-2020년 신어의 단기 통시적 대조를 중심으로-. [A Comparative Study on Korean and Chinese Neologisms. A Short-term Diachronic Comparison of Neologisms from 2010 to 2020]: 문학박사학위논문 [PhD thesis in Linguistics]. 대구 [Taegu]. (In Korean)
3. 구현정 [Koo, H. J.] (2020). 의존명사 종결 구성에 반영된 잠정 문법의 양상 [Aspect of emergent grammar of modern Korean reflected in sentence-final dependent noun construction]. 한말연구 [Korean Language Research], (58), 5–34. (In Korean)
4. 노명희 [Noh, M. H.] (2006). 최근 신어의 조어적 특징 [Neologisms' Word Formation Characteristics]. 새국어생활 [Saekugosaenghwal], 16(4), 31–46. (In Korean)
5. 남길임, 송현주, 최준 [Nam, K. R. Song, H. J., Choi, J.] (2015). 현대 한국어 [+ 사람] 사람 신어의 사회 문화적 의미-2012, 2013년 신어를 중심으로-. [A Study of [+person] Neologisms' in Modern Korean Language]. 한국사전학 [Journal of Korealex], (25), 39–67. (In Korean)
6. MozoL, T. S. (2022). Language policy of the Republic of Korea in the 21st century. In Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture (pp. 234–258). Moscow: VCIOM: Russian Public Opinion Research Center. (In Russ.)
7. 주지연 [Ju, J. Y.] (2018). 국어 차용어의 분류에 대한 소고: 한자어의 지위를 중심으로 [A Study on the Characteristics of Sino-Korean Words as Loanwords]. 언어와 정보 사회 [Language & Information Society], (34), 277–303. (In Korean)
8. 이관규 [Lee, K. G.] (2004). 학교 문법론 [School Grammar]. 서울 [Seoul]: 도서출판 월인 [Worin]. (In Korean)
9. 심재기 외 [Sim, J. G. et. al.] (2016). 국어 어휘론 개설 [Introduction to Korean lexical studies]. 서울 [Seoul]: 박이정출판사 [Pagijong]. (In Korean)
10. Sohn, H. M. (1999). The Korean Language. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Lee, I. H., Madigan, D., Park, J. Y. (2016). Introduction to Korean linguistics. London, NY: Routledge.
12. Song, J. J. (2005). The Korean language. Structure, use and context. NY: Routledge.
13. Koncevich, L. R. (2007). Kitajskie ieroglify v korejskom jazyke: Graficheskie i foneticheskie osobennosti hanmuna. [Chinese Characters in the Korean Language: Graphic and Phonetic Features of Hanmun]. Korean Studies in Russia. Almanac, 5, 159–228. (In Russ.)
14. 최완호 [Choi, W. H.] (2005). 조선어어휘론 [Lexicology of the Korean Language]. 평양 [Phyongyang]: 사회과학출판사 [Sahwekwahak]. (In Korean)
15. 남기심 [Nam, K. S.] (1983). 새말(新語)의 생성과 사멸 [The Creation and Obsolescence of New Words]. 이기문 외 한국어문의 제문제 [In Lee, K. M. et al. Various Issues in the Korean Language (pp. 192–228)]. 서울 [Seoul]: 일지사 [Iljisa]. (In Korean)
16. Jung, H. Y. (2025). Loan productivity in Korean neology and lexicographical representation: PhD thesis in Linguistics. Daegu.
17. Young, R. C. (1931). Algebra of many-valued quantities. Mathematische Annalen, 104, 260–290.
18. Moore, R. E. (1966). Interval Analysis. Englewood Cliffs: Prentice Hall.

19. Morozov, A. Yu. (2024). Modelirovanie dinamicheskikh sistem s interval'nymi parametrami [Modeling of Dynamic Systems with Interval Parameters: abstract of Senior Doctoral thesis in Physics and Mathematics. Moscow]. (In Russ.)
20. Sharyj, S. P. (2025). Konechnomernyj interval'nyj analiz [Finite-Dimensional Interval Analysis. Novosibirsk: XYZ]. (In Russ.)

Информация об авторах

Мозоль Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент
заведующий кафедрой восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Ирисханова Ольга Камалудиновна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
проректор по науке
Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Mozol Tatiana Sergeevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor
Head of the Oriental Languages Department
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Iriskhanova Olga Kamaludinovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Vice-rector for Science, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	11.01.2026	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	29.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Языки официальных и неофициальных сфер общения в современной Республике Беларусь (на материале полевого социолингвистического исследования)

Л. Р. Мустафина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lu.mu13@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – описание функционального распределения различных идиомов в сферах официального и неофициального общения в Республике Беларусь в самой младшей когорте респондентов – от 20 до 40 лет. Исследование проводилось методом полуструктурированного интервью. Результаты опроса респондентов показали, что русский язык является доминирующим средством общения в указанных сферах. Литературный белорусский язык наиболее часто в нашей выборке использовался в сфере образования. В сфере семейно-бытового общения наблюдается увеличение доли респондентов, использующих русский язык, а также использующих литературный белорусский язык в собственных семьях. Меньшее количество респондентов используют литературный белорусский или разговорный русский языки в родительских семьях. В неофициальных сферах нередко используются местные диалекты и смешанный вариант русского и белорусского языков.

Ключевые слова: сферы официального общения, сферы неофициального общения, белорусский язык, русский язык, смешанный вариант русского и белорусского языков, местный диалект

Для цитирования: Мустафина Л. Р. Языки официальных и неофициальных сфер общения в современной Республике Беларусь (на материале полевого социолингвистического исследования) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 101–109.

Original article

The Language of Formal and Informal Communication in the Modern-day Republic of Belarus (based on a sociolinguistic survey)

Liubov R. Mustafina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lu.mu13@mail.ru*

Abstract. The purpose of this study is to analyze the functions of different idioms in formal and informal communication in the Republic of Belarus in the youngest cohort of respondents aged 20 to 40 using semi-structured interviews. The study showed that Russian is the dominant means of communication. The literary Belarusian language was most often used by the respondents in the domain of education. In the family domain there is an increase in the proportion of respondents who use Russian, as well as those who use literary Belarusian in their own families, compared with their parent families. Local dialects and a mixed variant of Russian and Belarusian are also used in formal and informal communication.

Keywords: formal communication, informal communication, the Belarusian language, the Russian language, Belarusian-Russian-mixed-speech, local dialects

For citation: Mustafina, L. R. (2026). The language of formal and informal communication in the modern-day Republic of Belarus (based on a sociolinguistic survey). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 101–109. (In Russ.)

Введение

Данная статья является частью проекта социолингвистического исследования динамики языковой ситуации в Республике Беларусь, проводимого автором в 2025 году в рамках диссертационного исследования. В задачи исследования входило:

1. Проведение социолингвистического исследования методом полуструктурированного интервью на репрезентативной выборке (т. е. пропорциональной генеральной совокупности), состоящей из 100 респондентов. В данной статье рассматривается функционирование идиомов в сферах официального (сфера образования и профессионального общения) и неофициального (сфера семейно-бытового и дружеского) общения в когорте от 20 до 40 лет, которая составила 24% от общей выборки, т. е. 24 человека. Среди них четыре респондента были уроженцами Витебской области, пять – Гомельской области, три – Гродненской области, шесть – Брестской области, три – Минской области и три – Могилевской области;
2. Определение функционального распределения идиомов в официальных и неофициальных сферах.

Вопросы в анкете распределялись по следующим блокам: 1) паспортный блок, 2) использование языков предками респондентов, 3) языковая биография респондентов, 4) актуальное использование языков, а также 5) блок вопросов, предназначенных для определения уровня языковой лояльности респондентов.

Для данной статьи актуальны вопросы из паспортного блока, вопросы, касающиеся актуального использования языков и использования языков в прошлом:

1. Где Вы родились?
2. На каком языке разговаривали в Вашей родительской семье?
3. На каком языке Вы разговаривали со своими сверстниками?
4. На каком языке Вы учились в школе?
5. На каком языке разговаривали вне уроков с одноклассниками / учителями?
6. Где Вы учились после школы?
7. На каком языке шло обучение?
8. На каком языке общались обучающиеся между собой?
9. В какой сфере Вы работаете?
10. На каком языке Вы общаетесь на работе?
11. На каком языке Вы разговариваете в своей семье, с детьми, внуками?

12. На каком языке вы разговариваете со своими родителями / бабушками / дедушками / братьями / сестрами сейчас?
13. На каком языке вы разговариваете, когда возвращаетесь в то место, где родились?
14. На каком языке Вы разговариваете с друзьями, знакомыми?
15. Зависит ли выбор языка от собеседника или темы разговора?
16. Какой язык Вы считаете родным?

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые вводятся в научный оборот социолингвистические данные по функциональному распределению идиомов в Республике Беларусь в XXI веке, а также впервые рассматривается динамика языковой ситуации в Республике Беларусь. Последний раз изучение языковой ситуации в Республике Беларусь проводилось в начале XXI века Ю. Б. Коряковым [Коряков, 2002].

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом лингвистов к функционированию языков в белорусском обществе. Функционирование идиомов в отдельных областях страны описано И. В. Калитой [Калита, 2010]; взаимодействие идиомов, в частности смешанный вариант русского и белорусского языков изучали Н. Б. Мечковская и Г. Хентшель [Мечковская, 1994; Хентшель, 2015]; лексическую и грамматическую специфику русского языка в Республике Беларусь исследовала О. С. Горицкая [Горицкая, 2021].

Практическая ценность работы заключается в возможности использовать ее результаты для составления рекомендаций по совершенствованию языковой политики в Республике Беларусь.

Языковая политика в Республике Беларусь в синхронии и диахронии

Детство большинства респондентов (14 из 24) пришлось на период с конца 1980-х по начало 2000-х годов. Этот период времени ознаменовался распространением белорусского языка. После распада СССР языковая политика в Республике Беларусь значительно изменилась. Этот период характеризуется активным внедрением белорусского языка в различные сферы жизни общества, так как фактически белорусский язык становился единственным государственным языком Республики Беларусь. «Полная реализация норм закона была рассчитана на десять лет. Именно за этот период планировалось, что население станет в совершенстве владеть национальным языком страны» [Лавицкий, 2022, с. 82]. Изменение языковой ситуации в подобных условиях действительно возможно, об этом Л. П. Крысин писал: «Изменение

политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной и национальной политике и другие факторы могут так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов – кодов и субкодов» [Крысин, 2021, с. 19–20].

Однако меры языковой политики, проводимой государством, так и не смогли повлиять на определенные сферы жизни общества. Исследование показало, что в сфере семейного общения литературный белорусский язык в анализируемое время вообще не использовался. В научной литературе этот факт объясняется следующим образом: «Менее всего интерес к белорусскому языку проявляется как к средству бытового общения, так как в этой сфере русскоязычный гражданин республики не чувствует психологического дискомфорта и принуждения, если не переходит на белорусский язык» [Конюшкевич, 1994, с. 216].

После проведения референдума в 1995 году языковая политика снова изменилась: русский язык получил статус второго государственного языка, что подразумевало его правомерное использование в тех сферах, которые ранее не удалось закрепить за белорусским языком.

В настоящее время, согласно закону о языках, «Республика Беларусь обеспечивает всестороннее развитие и функционирование белорусского и русского языков во всех сферах общественной жизни»¹.

Использование языков в официальных сферах

Сфера образования

В школе на русском языке обучалось 15 респондентов, 13 из них были жителями городской местности, остальные были жителями сельской местности. В белорусскоязычных школах обучалось шесть респондентов: двое жили в городе, четверо – в сельской местности. В силу перемены места жительства или же изменения языка обучения в школе, трое респондентов обучались и на русском, и на белорусском языках.

Язык обучения в школе (табл. 1) не влиял на язык общения в неофициальных сферах, так как респонденты, которые учились на литературном белорусском языке, не использовали его вне уроков. В пределах школы между собой дети

¹Закон Белорусской Советской Социалистической Республики о языках в Белорусской ССР : [принят на четырнадцатой сессии Верховного Совета БССР одиннадцатого созыва 26 января 1990 г.]. Минск : Беларусь, 1990. (В редакции Законов Республики Беларусь от 13.07.1998 №187-З, 22.12.2005 №76-З, 10.05.2007 №225-З, 17.07.2023 № 300-З)

Таблица 1

Язык обучения в школе

Местность	Русский	Белорусский	Русский и белорусский
Городская	13	2	3
Сельская	2	4	

общались, в зависимости от места жительства, на русском языке или местном диалекте.

Исключением являлся один частный случай. Респондентка, родившаяся в полностью русскоговорящей семье, провела большую часть детства с бабушкой, которая жила в сельской местности. Также респондентка была вынуждена с 1-го по 2-й класс посещать белорусскоязычную школу, из-за чего со временем у нее появился заметный белорусский акцент. Он вызывал определенный психологический дискомфорт, когда с 3-го класса респондентка продолжила обучение уже в городской школе с русским языком обучения. Избавление от акцента требовало определенных усилий и заняло некоторое время. В настоящее время она использует русский язык в большинстве сфер своей жизни, переходя на литературный белорусский язык в сфере дружеского общения, находясь в узком кругу людей.

Более значительное влияние оказывал язык обучения и, главное, окружения в учреждениях высшего образования или учреждениях профессионального образования. Языком общения в этих образовательных учреждениях в 100 % был русский.

Сфера профессионального общения

На данный момент 23 респондента занимаются профессиональной деятельностью, которая в 21 случае осуществляется на русском языке. Один респондент использует смешанный вариант русского языка и местного диалекта, так как занят в сфере торговли и общается с большим количеством людей из разных уголков страны. У другой респондентки можно констатировать диглосное распределение между литературным белорусским и разговорным русским языком. Такое распределение языков в речевой практике респондентки объяснимо. Она работает учительницей в школе с белорусским языком обучения. Поэтому она обязана использовать белорусский язык в образовательной сфере, тогда как в сфере семейно-бытового и дружеского общения она активно использует русский язык.

Использование языков в неофициальных сферах

Сфера семейно-бытового общения

В настоящее время в семейно-бытовой сфере используются не только русский и белорусский языки, но также местные диалекты и смешанный вариант русского и белорусского языков.

Некоторые исследователи считают, что «трасянка (смешанный вариант русского и белорусского языков) – это и есть современный белорусский язык в его субстандартных идиолектах; большинство людей, говорящих по-белорусски, говорят именно на трасянке» [Мечковская, 2018, с. 247]. О распространенности смешанной речи в сфере семейного общения писал также Г. Хентшель: «Проведенные в рамках Ольденбургского проекта социологические опросы показывают, что большинство респондентов в сферах общественной жизни употребляет русский язык, в то время как в бытовой сфере преобладает БРСР (белорусско-русская смешанная речь), причем такое распределение характерно для говорящих с разным (формальным) уровнем образования» [Хентшель, 2015, с. 173–174].

В нашей выборке 4 респондента описали язык семейного общения в родительской семье как «русский с примесями». Респонденты объясняли свой ответ тем, что русский язык в Беларуси изначально не может быть назван чистыми русским языком. Это мнение подтверждается и в научной литературе: «Функционирование русского языка в суверенных государствах, где формируется свое коммуникативное пространство, создает предпосылки для развития и дивергенции национальных разновидностей» [Горицкая, 2021, с. 62]. Белорусский вариант русского языка действительно имеет свои грамматические и лексические особенности. Местные диалекты, с другой стороны, в последние десятилетия также разбавляются русским языком, что приводит к распространению смешанной речи, которая «в свою очередь ассоциируется с

белорусской разновидностью русского языка» [Горицкая, 2021, с. 62].

Разграничение белорусского варианта русского языка, местного диалекта и белорусско-русской смешанной речи в сознании белорусов требует отдельного изучения, поэтому те респонденты (11), в чьих семьях использовался местный диалект или смешанный вариант белорусского и русского языков, могут быть объединены в одну группу (табл. 2).

В нашей выборке русский язык становился языком семейного общения; на русском языке в родительских семьях говорило 13 респондентов, это происходило по разным причинам. Из тех респондентов, в чьих родительских семьях общались на русском языке, 10 были жителями города. В семьях трех респондентов русский был родным языком одного из родителей или общим языком родителей разных национальностей.

Из 13 респондентов, в чьих родительских семьях использовался русский язык, 11 продолжили его использование в своей семье, два респондента перешли на использование литературного белорусского языка. В своей семье на русский язык перешли также пять из 11 респондентов, в чьих родительских семьях использовался местный диалект или смешанный вариант русского и белорусского языков. Таким образом, общее количество респондентов, использующих русский язык в сфере семейного общения, в настоящий момент увеличилось до 16 из 24 респондентов.

Респонденты, в чьих семьях использовался местный диалект или смешанный вариант языка, проживали как в сельской местности, так и в небольших городах. Многие из них отмечали, что их язык и язык их сверстников отличался от языка старшего поколения, так как становился больше похож на русский, данную тенденцию можно также проследить в речи более молодого поколения. Из 11 респондентов в своей семье местный диалект или смешанный вариант сохранили пять, заменили на русский язык также пять, один из респондентов в своей семье перешел на использование литературного белорусского языка.

Таблица 2

Распределение идиомов в сфере семейно-бытового общения

Языки	Родительская семья	Собственная семья
Белорусский	–	3
Русский	13	16
Местный диалект	7	3
Смешанный вариант русского и белорусского языков	4	2

Следует отметить, что в пределах данной возрастной когорты 15 респондентов неоднократно меняли место жительства, что привело к использованию некоторыми из них различных идиомов в общении с членами своей родительской семьи и членами семьи, которую они создали сами, а также повлияло на язык сферы дружеского общения.

В качестве примера отказа от использования местного диалекта в сфере семейно-бытового общения приведем следующий случай: респондентка сменила место жительства, переехав из Витебской области в Брестскую, где распространена другая группа диалектов. Оказавшись в сельской местности, где жители пользуются местным диалектом во всех сферах их жизни, респондентка не смогла использовать местный вариант, так как он сильно отличался от ее диалекта из-за лексических и главное, фонетических особенностей, и была вынуждена использовать русский язык. Ее собеседники, общаясь с ней, разговаривают на местном диалекте. Даже внутри собственной семьи респондентка общается на русском языке, в то время как ее собеседники продолжают пользоваться привычным местным диалектом. Общаясь с родительской семьей, респондентка использует свой местный диалект.

Следует отметить, что респонденты, продолжающие использование местного диалекта в своей взрослой жизни, употребляют его в большинстве случаев в сфере домашнего, бытового и дружеского общения, а также при возвращении на родину или для коммуникации в родительской семье.

Новые говорящие на литературном белорусском языке

Особый интерес также представляют те респонденты, в семьях которых русский язык, который ранее использовался в родительских семьях, был заменен на литературный белорусский язык и один случай, когда местный диалект, который использовался в родительской семье, был заменен на литературный белорусский язык в собственной семье респондента. Подобное было описано Ю. Б. Коряковым: «Иногда встречаются энтузиасты и / или патриоты, говорившие всю жизнь по-русски (нередко русские же по национальности), но в какой-то момент решившие выучить белорусский язык и теперь старающиеся на нем говорить, а нередко и писать» [Коряков, 2002, с. 51]. Поскольку литературный белорусский язык не является родным языком для этих респондентов, но был освоен ими в результате изучения в школе и дальнейшего самостоятельного изучения, они являются новыми говорящими на этом языке.

Далее мы подробно рассмотрим случаи замены русского языка на литературный белорусский. В нашей выборке в данной возрастной когорте подобное явление встречалось дважды. Оба респондента в настоящий момент являются жителями города Минска. В первом случае респондент до восьми лет жил в России, а после переехал в небольшой населенный пункт в Брестской области. Изучение белорусского языка началось только в школе, где он преподавался в качестве предмета и являлся обязательным для изучения. Однако примечательно, что языком обучения, как и в большинстве школ страны, был русский. Данный способ овладения литературным языком является как минимум основным для трех поколений белорусов. Рассуждая об изучении литературного белорусского языка, Н. Б. Мечковская пишет следующее: «Умение говорить на литературном белорусском языке у большинства его носителей (до 50 лет) вырабатывается не в детстве при естественном общении в семье и на улице, а путем специального обучения: обычно – в школе, реже – на отделениях белорусистики в вузах» [Мечковская, 1994, с. 312]. Общение в семье и со сверстниками респондента продолжалось на русском языке. Толчком к использованию белорусского языка вне школы стали занятия творчеством, а именно написание песен на белорусском языке. После окончания школы респондент поступил в учреждение высшего образования в Минске, где продолжил свое самостоятельное изучение белорусского языка. Язык изучался респондентом осознанно, осваивался именно литературный вариант. Далее появился узкий круг людей, общение с которыми перешло на белорусский язык, объединяющим фактором оставалось творчество. В дальнейшем белорусский язык начал использоваться в духовной сфере, так как респондент начал посещать церковь, в которой служба ведется на белорусском языке. Там сформировался определенный круг людей, общение с которыми осуществлялось и продолжает осуществляться на белорусском языке. Вне привычной сферы коммуникация с этими людьми также происходит на белорусском языке. Сфера семейного общения закреплена за белорусским языком только частично: респондент, общаясь со своим ребенком, использует белорусский язык, в то время как его жена пользуется русским. В родительской семье это разделение также присутствует, так как в этом конкретном случае отец респондента не владеет белорусским языком, единственным средством общения для него является русский язык, мать респондента, так как она родилась и выросла в Беларуси, поддерживает общение с сыном на

белорусском языке. Общение в других сферах зависит от собеседника. Предпочтительным языком для респондента является белорусский, однако, чтобы избежать напряжения во время коммуникации с людьми, которые не пользуются белорусским языком, в большинстве случаев в силу неуверенного владения им, респондент переключается на русский язык. На работе также преобладает русский язык. Респондент объясняет это следующим образом: поскольку он занят в технической сфере, использование русского языка упрощает взаимодействие с другими людьми. Респондент также признает, что не владеет нужной терминологией на белорусском языке. Основной причиной того, что респондент не использует белорусский язык во всех сферах своей жизни, он называет желание быть понятым другими людьми.

Во втором случае родным языком для респондента также являлся русский. Однако респондент жил в Минске с рождения, и посещал школу с белорусским языком обучения. Общение на уроках происходило на белорусском языке, а вне уроков – на русском. В настоящее время общение в родительской семье респондента все еще происходит на русском языке, однако общаясь с внуками, родители респондента стараются переходить на белорусский язык, так как со своими детьми в семье респондента общаются только на белорусском. Как и в первом случае, на работе респондент отдает предпочтение русскому языку, поскольку его использует большинство. В жизни респондента есть определенный круг друзей и знакомых, с которыми он говорит на белорусском языке вне зависимости от темы разговора, но есть и круг тех людей, с которыми он общается по-русски. Выбор языка зависит от собеседника. Использование только белорусского языка во всех сферах невозможно для этого респондента, так как он сталкивается с той же трудностью – с нежеланием разговаривать на белорусском, когда его собеседник продолжает говорить на русском.

Большинство респондентов в нашей выборке определяют уровень своего владения белорусским языком как недостаточный для свободного использования. Так как литературным вариантом владеют немногие, а местные варианты или же смешанный язык не являются достаточно престижными, привычным средством общения большинства становится русский язык.

Сфера дружеского общения

В сфере дружеского общения преобладает русский язык – он используется 13 респондентами (табл. 3). Частотными являются случаи использования

Таблица 3

Распределение идиомов в сфере дружеского общения

Языки	Количество респондентов
Белорусский	–
Русский	13
Белорусский и русский	5
Русский и местный диалект	4
Местный диалект или смешанный вариант	2

Таблица 4

Родной язык респондентов

Родной язык	Количество респондентов
Белорусский	11
Русский	10
Белорусский и русский	2
Белорусский, русский и местный диалект	1

русского языка с одним кругом людей и литературного варианта белорусского языка, реже местного диалекта, – с другим. На русском и белорусском языках в данной сфере общаются пять респондентов, выбор языка в этих случаях чаще зависит от собеседника, а не от темы разговора. Некоторые респонденты возвращаются к использованию местного диалекта, общаясь с давними знакомыми, речь идет о четырех респондентах, которые использовали местный диалект или смешанный вариант в общении со сверстниками в школе. Только местный диалект или смешанный язык предпочитают использовать два респондента, которые продолжают жить в сельской местности.

Родной язык

Каждому из опрошенных был задан вопрос о родном языке, однако без пояснения значения этого термина. Ответы респондентов приведены в таблице 4.

Белорусский язык был назван родным или одним из родных языков в 14 случаях в нашей выборке. Из 13 респондентов, в родительских семьях которых использовался русский язык,

шесть респондентов назвали родным или одним из родных белорусский. Из 11 респондентов, в родительских семьях которых использовался местный диалект или смешанный вариант языков, белорусский язык родным или одним из родных языков назвали восемь.

Фактически литературный вариант белорусского языка не является родным ни одному из наших респондентов. Языком семейного общения он стал лишь для трех респондентов. Возможно предположить, что респонденты, назвавшие родным языком белорусский, подразумевали местный диалект или смешанный вариант.

Подобная разница в функциях, которые литературный белорусский исполняет в белорусском обществе на самом деле, и теми, которые нередко предписываются ему самими белорусами, кроется в нечетком понимании значения термина «родной язык», которое некоторые путают со значением термина «этнический язык». В. И. Беликов и Л. П. Крысин определяют термин «родной язык» следующим образом: «Родной язык – это язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте», в то время как этнический язык – это «язык, специфичный для данного этноса» [Беликов, 2001, с. 12].

Местные диалекты, которые белорусы использовали задолго до появления современного литературного варианта белорусского языка и продолжают использовать сегодня, не имели какого-либо названия. Обращаясь к истории вопроса, мы видим, что еще в начале XX века белорусы часто сталкивались с определенными трудностями, размышляя не только о языке, на котором они говорили, но и о собственной этнической идентичности: «В настоящее время простой народ в Белоруссии не знает этого названия. На вопрос: кто ты? Простолудин отвечает – русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком; иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он “тутэйший” – здешний, конечно противопоставляя себя лицу, говорящему по-великорусски, как пришлому в западном крае» [Карский, 1903, с. 116]. Появление в 20-е годы XX века современного литературного варианта белорусского языка сыграло немаловажную роль в последующем укреплении национального самосознания белорусов. Очевидно, что символическая функция белорусского языка и сегодня чрезвычайно важна – белорусы называют белорусский язык родным, даже если не используют его в своей жизни.

Использование термина «родной язык» без пояснений его значения во время проведения опросов приводит к статистически неверным результатам,

что создает общую картину языковой ситуации, которая не соответствует действительности.

Заключение

Результаты исследования показали, что русский язык является доминирующим средством общения белорусов в возрасте от 20 до 40 лет как в официальных, так и в неофициальных сферах.

В официальных сферах наиболее часто в нашей выборке литературный белорусский язык использовался в сфере образования. По причине существования белорусскоязычных школ, особенно они распространены в сельской местности, белорусский язык чаще используется в сфере среднего образования, однако общение на занятиях не способствует использованию школьниками белорусского языка и в других сферах. Между собой обучающиеся общаются на местном диалекте, смешанном варианте белорусского и русского языков или на русском языке, выбор языка зависит от места их проживания. Сфера профессионального общения также в большинстве случаев обслуживается русским языком, исключением снова являются белорусскоязычные школы, так как учителя и администрация используют белорусский язык на занятиях, при ведении документации и т. д.

В сфере семейно-бытового общения примечательным является факт использования респондентами разных идиомов в родительской и собственной семье. Количество респондентов, которые общаются в своей семье на русском языке, увеличилось. Увеличение доли использующих русский язык произошло за счет респондентов, в чьих родительских семьях использовался местный диалект или смешанный вариант русского и белорусского языков. Их количество уменьшилась, при этом язык их родительской семьи был заменен на русский или литературный белорусский язык. Однако респонденты из этой группы нередко возвращаются к использованию местного диалекта или смешанного варианта языков, общаясь со своими старшими родственниками. В то же самое время их дети используют только русский язык в подобных ситуациях. Анализ результатов позволил констатировать увеличение доли использующих литературный белорусский язык в сфере семейного общения: при полном отсутствии респондентов, в родительских семьях которых бы использовался литературный вариант белорусского языка, количество респондентов, использующих его в собственной семье, увеличилось до трех. Разнообразие идиомов также характерно и для сферы дружеского общения, в которой литературный белорусский язык и местные диалекты используются почти так же часто, как и в сфере семейно-бытового общения.

Список источников

1. Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
2. Калита И. В. Современная Беларусь: языки и национальная идентичность. Усти-над-Лабем: Государственный университет в Усти-над-Лабеме, 2010.
3. Мечковская Н. Б. Языковая ситуация в Беларуси: этические коллизии двуязычия // *Russian Linguistics*. 1994. Вып. 3 (18). С. 299–322.
4. Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов // Языковой контакт: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2015. С. 171–185.
5. Горицкая О. С. Язык и границы: лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2021.
6. Лавицкий А. А. Генезис языковой политики Республики Беларусь // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2022. Т. 19. № 1. С. 77–85.
7. Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: Флинта, 2021.
8. Конюшкевич М. И. Языковая ситуация в Беларуси и особенности функционирования русского и белорусского языков // *Язык в контексте общественного развития: сб. науч. ст. М.*, 1994. С. 213–221.
9. Мечковская Н. Б. Белорусская «трасянка» как яблоко раздора и как оселок метода // *Русский язык в научном освещении*. 2018. № 1 (35). С. 226–250.
10. Беликов В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001.
11. Карский Е. Ф. *Белорусы: в 3 т. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности*. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903.

References

1. Korjakov, Ju. B. (2002). *Jazykovaja situacija v Belorussii i tipologija jazykovyh situacij* [The linguistic situation in Belarus and the typology of linguistic situations]: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Kalita, I. V. (2010). *Sovremennaja Belarus': jazyki i nacional'naja identichnost'* [Modern-day Belarus: Languages and National Identity]. Ústí nad Labem: Jan Evangelista Purkyně University in Ústí nad Labem. (In Russ.)
3. Mechkovskaja, N. B. (1994). *Jazykovaja situacija v Belarusi: jeticheskie kollizii duvuzychija*. *Russian Linguistics*, 3(18), 299–322. (In Russ.)
4. Hentshel', G. (2015). *Belorussko-russkaja smeshannaja rech' («trasjanka»): vosem' voprosov i otvetov*. In *Jazykovoj kontakt* (pp. 171–185): collection of scientific articles. Minsk: RIVSH. (In Russ.)
5. Gorickaja, O. S. (2021). *Jazyk i granicy: leksicheskaja i grammaticheskaja specifika russkogo jazyka v Belarusi* [Language and boundaries: lexical and grammatical specificity of the Russian language in Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University. (In Russ.)
6. Lavickij, A. A. (2022). *Genesis of the Republic of Belarus Language Policy. Polylinguality and Transcultural Practices*, 19(1), 77–85. (In Russ.)
7. Krysin, L. P. (2021). *Oчерки по sociolingvistike* [Essays on Sociolinguistics]. Moscow: Flinta. (In Russ.)
8. Konjushkevich, M. I. (1994). *The linguistic situation in Belarus and the peculiarities of the functioning of the Russian and Belarusian languages. Jazyk v kontekste obshhestvennogo razvitija* (pp. 213–221): collection of scientific articles. Moscow. (In Russ.)
9. Mechkovskaja, N. B. (2018). *Belarusian "trasjanka" as the apple of discord and as the whetstone of the method. Russian language and Linguistic theory*, 1(35), 226–250. (In Russ.)
10. Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
11. Karskij, E. F. (1903). *Belorusy [Belarusians]* (vol. 1): in 3 vols. Warsaw: Tipografija Varshavskogo uchebnogo okruga. (In Russ.)

Информация об авторе

Мустафина Любовь Руслановна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Mustafina Luibov Ruslanovna

PhD Student

of the Department of General and Comparative Linguistics

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.12.2025
24.01.2026
13.02.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Язык и культура

Научная статья
УДК 811.112.2+81'42

Отражение концептов немецкой лингвокультуры в песнях кабаре 1920-х годов

Л. Ф. Бирр-Цуркан

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
l.birr-tsurkan@spbu.ru*

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ картины мира немецкого общества 1920-х годов. Единицами смысла, из которых складывается означенная картина мира, являются отражения социально значимых немецких концептов в песнях кабаре. Материалом исследования послужили песни таких авторов и исполнителей, как К. Тухольский, Ф. Холлэндер, М. Сполянский, Б. Эбингер, К. Вальдофф, М. Лион, Р. Валетти и др. В основу исследования был положен метод интерпретативного анализа. В результате проведенного исследования были выделены нашедшие отражение в песнях кабаре концепты немецкой лингвокультуры 20-х годов XX века – концепт порядка, концепт страха, концепты запрета и контрполюсной ему свободы, концепт счастья, концепты войны и смерти.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуальная картина мира, концепт, песенный текст, песня

Для цитирования: Бирр-Цуркан Л. Ф. Отражение концептов немецкой лингвокультуры в песнях кабаре 1920-х годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 110–119.

Original article

Representation of Concepts of German Linguoculture in Cabaret Songs of the 1920s

Lilia F. Birr-Tsurkan

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
l.birr-tsurkan@spbu.ru*

Abstract. The aim of this article is a linguocultural analysis of the conceptual worldview of German society in the 1920s through the reflection of concepts and values in cabaret songs. The material is songs by such authors and performers as K. Tucholsky, F. Hollaender, M. Spoliansky, B. Ebinger, K. Waldoff, M. Lion, R. Valetti, and others. The research was based on the method of interpretive analysis. As a

result of the conducted research, the concepts of German linguistic culture of the 1920s, reflected in cabaret songs, were identified – the concept of order, the concept of fear, the concepts of prohibition and its counter-polar freedom, the concept of happiness, the concepts of war and death.

Keywords: linguistic worldview, concept worldview, concept, song text, song

For citation: Birr-Tsurkan, L. F. (2026). Representation of concepts and values of German linguoculture in cabaret songs of the 1920s. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(909), 110–119. (In Russ.)

Введение

Роль песни в жизни социума трудно переоценить. В истории любой культуры песня служила способом выражения не только личных переживаний автора и исполнителя, но также нужд и чаяний всего народа. Тексты песен отражают картину мира соответствующей лингвокультуры. В то же время песни воспитывают аудиторию – актуализируют в глазах слушателей константные концепты национальной культуры, дают им соответствующую оценку и тем самым участвуют в формировании ценностных ориентиров социума.

Теоретическую базу статьи составили работы, посвященные языковой картине мира и ее формированию [Телия, 1988; Караулов, 2010; Попова, 2007], природе и роли концептов в жизни человека [Арутюнова, 1993; Карасик, 2004; Токарев, 2009], реализации конкретных концептов в национальной культуре, в том числе немецкой [Вежбицкая, 2001; Медведева, 2011; Буренкова, 2018], роли ассоциативных связей в верификации содержания национально-специфических понятий [Пищальникова, 2021; Бубнова, 2021] и др.

Задачи исследования включают критическое осмысление интерпретации концептов, сбор корпуса немецких песен кабаре 1920-х годов, выявление и интерпретацию актуализованных в них концептов. Методологическую базу исследования составляет контекстуальный интерпретативный анализ текста (он является нормативным для лингвокультурного исследования аксиологических концептов и социальных ценностей). В работе используются также индуктивный и дедуктивный методы.

Актуальность настоящего исследования определяется динамичной природой концептов, на которую обращает внимание ряд авторов [Солдатов, 2003; Попова, 2007; Буренкова, 2018], а также материалом, избранным для исследования. В последние годы песенное творчество все больше привлекает внимание авторов. Оно чрезвычайно продуктивно для изучения лингвокультурных

особенностей, в том числе концептов. Однако, прежде всего, в центре внимания исследователей оказывается фольклор. Примером его системного анализа могут послужить диссертации, посвященные концептосфере «Время» в русских и немецких народно-песенных текстах [Чернова, 2010], религиозным и эмоционально-чувственным концептам в фольклорном песенном дискурсе [Теппеева, 2020]. При этом зачастую для исследования избирается один конкретный концепт [Чайка, 2006] или проводится сравнение различных песенных жанров [Саенко, 2024]. Обращение к неизученному ранее материалу и историческому срезу немецкого фольклора (песни кабаре 1920-х годов) позволяет проанализировать концепты определенной социальной группы представителей немецкого этноса на конкретном историческом этапе.

Материалом для настоящей статьи послужили тексты основных авторов и исполнителей песен берлинских кабаре 20-х годов XX века: Курта Тухольского, Фридриха Холлэндера, Миши Сполянского, Бландины Эбингер, Клэр Вальдофф, Марго Лион, Розы Валетти и др. Песни, составляющие их репертуар, опубликованы на сайтах¹. Именно Берлин являлся в 20-е годы местом процветания творчества кабаре. При сборе корпуса текстов автор данной статьи ориентировался на имена основных исполнителей и авторов песен, творчество которых было связано с берлинскими кабаре. Корпус проанализированных песен насчитывает 90 текстов. Новизна данного исследования объясняется материалом, который ранее не привлекался в качестве объекта для изучения концептов.

Результаты исследования могут получить практическое применение в курсах лингвострановедения, лингвистических основ межкультурной коммуникации, а также на практических занятиях по страноведению Германии.

¹URL: <https://www.musixmatch.com> ; <https://www.songtexte.com> ; <https://lyricstranslate.com> ; <https://kabarett.de/kurt-tucholsky> ; <https://www.frederickhollandermusic.com> (дата обращения: 20.11.2025).

Концептуальная картина мира, языковая картина мира, концепты

Каждая культура имеет свою неповторимую концептуальную картину мира, которая складывается из концептов, характерных для данной культуры на данном этапе ее исторического развития. Лингвистическим отражением этой совокупности концептов является языковая картина мира. По словам Б. А. Серебренникова, определяющая сущность языковой картины мира, исследователи, как правило, «исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке» [Серебренников, 1988, с. 87]. Отражение действительности в человеческом сознании и в языке происходит посредством концептуализации фрагментов действительности. На взаимосвязь концептуальной и языковой картин мира обращал внимание Ю. С. Степанов, подчеркивая, однако, недопустимость их смешения, ибо «нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка» [Степанов, 2001, с. 574]. Концептуальная картина мира шире, чем языковая, являющаяся собой результат лингвокреативной деятельности человека, фиксации в языке его представлений о мире.

В лингвистике закрепились два подхода к пониманию концептов – лингвокогнитивный и лингвокультурный, положенный в основу настоящей статьи. Концепты отражают особенности восприятия мира отдельной культурой, «это как бы сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 2001, с. 40], «понятие, погруженное в культуру <...>, вербализованный культурный смысл» [Маслова, 2011, с. 384].

В рамках лингвокультурного подхода наибольшее внимание исследователей привлекают так называемые ключевые концепты культуры, т. е. «ядерные» (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом¹, в интерпретации Ю. С. Степанова, «константы культуры» [Степанов, 2001, с. 84]. Именно такие ключевые, универсальные концепты анализируются в данной статье. Их константность выражается в их «постоянной представленности» в картине мира, но не обязательно в их

содержательном наполнении. Многие авторы отмечают динамичный характер концептов. В самом деле, концепты не обязательно статичны, они подвержены изменениям вместе с меняющимися культурой и обществом [Солдатова, 2003; Попова, 2007; Буренкова, 2018]. М. М. Ангелова предлагает представить рассуждения Ю. С. Степанова относительно природы концепта «в виде следующей схемы: концепт = понятие + представление о нем» [Ангелова, 2004, с. 6]. То есть, если понятие постоянно представлено в лингвокультуре, представление о нем может меняться со временем. Например, концепт любви, который, безусловно, является базовым, ключевым, имел различное «наполнение» в эпоху минезингеров и в начале XX века. Содержательные и психологические характеристики языковых концептов меняются со временем. Таким образом, изучение концептов определенного временного среза позволяет понять, что наиболее значимо для представителей той или иной лингвокультуры на данном этапе ее исторического развития.

На возможность концептуального анализа художественного текста обращает внимание В. А. Пищальникова. Она отмечает, что в концепте кроме понятийного (логического) содержания заключены и «личностные смыслы» [Пищальникова, 1991, с. 9]. Автор художественного текста, будучи представителем определенного этноса, отражает в своем произведении основные концепты своей культуры, наделяя их и «личностными смыслами». В. А. Маслова также указывает на многослойную структуру концепта: «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Маслова, 2004, с. 36].

Примером художественного текста может выступать текст песенный. Автор настоящей статьи солидарен с Н. И. Мокровой, которая, говоря о многомерности песенного текста как лингвистической, антропологической и культурной категории, подчеркивает, что песня «аккумулирует в себе не только индивидуально-авторские эмоциональные и психологические характеристики, основные черты языковой личности <...>, но и характеристики внешнего происхождения – социальной, духовной и культурной природы» [Мокрова, 2015, с. 390]. Кроме того, отметим, что песенному тексту, как любому поэтическому тексту присуща богатая образность, наличие которой позволяет изучить ассоциативное поле устного произведения, выявить природу ассоциативных связей между изображаемыми явлениями.

¹Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 51.

Основные концепты, нашедшие отражение в песнях берлинских кабаре 1920-х годов

Концепт *Ordnung* (любовь к порядку)

Многие исследователи отмечают любовь к порядку (*Ordnung*) как одну из главных особенностей немецкой культуры [Опарин, 2010; Медведева, 2011; Нечаева, 2011; Буренкова, 2018]. С точки зрения Бернарда Нусса, для его соотечественников невозможно само существование в неупорядоченном мире:

Für Deutsche ist unerlässlich, Ordnung zu haben und in einer Welt zu leben, in der Ordnung herrscht. In der Tat ist nur die Ordnung imstande, den inneren Frieden zu sichern [Nuss, 1993, с. 123]. – Для немцев совершенно необходимо иметь порядок и жить в мире, в котором царит порядок¹.

Ю. Шейман называет *Ordnung* для немца второй родиной, «*Ordnung* дарует предсказуемость, обеспечивает внутренний покой. Всё должно подчиняться правилам. Многочисленные предписания и запрещения – надежная основа, уменьшающая внутреннюю неопределенность»².

Одна из песен Курта Тухольского (Kurt Tucholsky) так и называется – «*Ruhe und Ordnung*». Немецкий идеал заключается в том, чтобы спокойная, привычная картинка за окном ничем не нарушалась:

Die Hauptsache ist: Nicht das Straßenbild stören (K. Tucholsky. *Ruhe und Ordnung*). – Главное: не портить вид улицы.³

В конце песни автор предрекает своим соотечественникам следующее будущее – на их могиле будет написано, что они были при жизни неизменно спокойные (*ruhig*) и аккуратные, любящие порядок (*ordentlich*):

So wird man auf euren Gräbern doch lesen: sie sind immer ruhig und ordentlich gewesen (K. Tucholsky. *Ruhe und Ordnung*). – Так на ваших могилах прочтем: они всегда были спокойны и соблюдали порядок.

В песне на слова К. Тухольского «*An die Berlinerin*» представлен именно такой образ

немки, Венеры с берегов Шпрее, которая во всем любит порядок, даже в вопросах любви:

Venus der Spree – wie so fleißig liebst du, wie pünktlich dabei! Zieren bis zwölf Uhr dreißig, Küssen bis nachts um zwei. Alles erledigst du fachlich, bleibst noch im Liebesschwur ordentlich, sauber und sachlich: Lebende Registratur! (K. Tucholsky. *An die Berlinerin*) – Венера с берегов Шпрее – как прилежно ты любишь, и как пунктуально при этом! Убранство до двенадцати тридцати, поцелуй до двух ночи. Со всем ты справляешься деловито, и соблюдаешь порядок в любовных клятвах, опрятна и целесообразна: *ходячая регистратура!*

Эпитеты *fleißig*, *pünktlich*, *fachlich*, *ordentlich*, *sachlich* называют те качества, которые выступают гарантами порядка. Завершает этот ассоциативный ряд метафорический образ регистратуры.

Готовность подчиниться заведенному порядку во избежание утраты привычного уклада жизни видится автором песни как причина превращения немецкого общества в легко управляемую толпу, стадо (*Herde*), которому чуждо свободомыслие:

...nur nicht denken lassen – nur nicht frei sein! Wann, o Volk, wird das einmal verschwinden untern Linden? (K. Tucholsky. *Die Herde*) – Только не позволять думать – только не быть свободным! Когда же, о, народ, исчезнет это на Унтер ден линден?

Темой стадного повиновения власти и веры в то, что написано в прессе, пронизана и песня К. Тухольского «*Merkt ihr nischt?*», в которой немцы сравниваются с овцами, дружно идущими строем под дудку прессы:

Käseblätter schelten brav auf die Republike. Und es tapst das deutsche Schaf nach der Preßmusik. (K. Tucholsky. *Merkt ihr nischt?*) – Жалкие газетенки примерно ругают республику. И топает немецкая овца под музыку прессы.

Наконец, в «*Deutsches Lied*» К. Тухольский говорит о нескончаемых административных учреждениях (*Ämter ohne Ende*), которые также являются воплощением немецкого порядка.

Концепт страха

С. В. Буренкова видит в концептах «*Ordnung*» и «*Sicherheit*» противовес присущему немцам концепту страха [Буренкова, 2015]. Идея С. В. Буренковой не нова, о концепте «*Sicherheit*» как положительном корреляте концепта «*Angst*» писала еще

¹Здесь и далее – перевод наш

²Шейман Ю. Немецкая языковая картина мира на фоне русской // Семь искусств. Наука. Культура. Словесность. 2022. № 5 (144). URL: <https://7i.7iskusstv.com/y2022/nomer5/shejman> (дата обращения: 20.11.2025).

³Эд. и далее перевод автора. – Л. Б.-Ц.

А. Вежбицкая [Вежбицкая, 1999]. Исследовательницам вторит Ю. Шейман, который также считает, что «ключевой немецкой ценностью является противоположность Angst, т. е. Sicherheit. Быть sicher (уверенным) значит быть свободным от Angst»¹.

О концепте страха как одном из ведущих концептов в жизни немцев пишут многие авторы. Так, А. Вежбицкая считает, что «Angst – это особое немецкое понятие» [Вежбицкая, 1999, с. 547]. Сравнивая далее семантику *Angst* и *Furcht*, польская исследовательница отмечает начальную неопределенность страха в слове *Angst*. Согласно А. Вежбицкой, «Angst – это «состояние, подобное депрессии, и сложное слово Angstzustand ‘состояние страха (Angst)’ обычно включается в немецкие словари» [Вежбицкая, 1999, с. 548].

Ю. Шейман отмечает, что «большая доля Angst базируется на незнании того, что произойдет (Ungewissheit)»².

В песнях кабаре также часто говорится о безысходности, неуверенности (отсутствии той самой *Sicherheit*) и страхе перед будущим. При этом метафорическим выражением неуверенности и стремления уйти от внушающей страх окружающей действительности нередко выступает образ сна. Так, в песне «Mit einer scheußlichen Puppe» Бландина Ебингер (Blandine Ebinger) убаюкивает свою маленькую Элизабет, думая о серости, безысходности следующего дня:

Eia popeia schlaf ein, mein Königskind. Morgen ist wieder ein Tag, wieder ein griesgrauer Tag, der niemals nich kein Ende nimmt. Schlaf ein, Elisabeth! (B. Ebinger. *Mit einer scheußlichen Puppe*) – Баюшки-баю, засыпай, мой золотой ребенок. Завтра будет новый день, новый серый-серый день, которому не будет конца. Засыпай, Элизабет!

Страх в песнях кабаре – это не *Furcht*, а более сильное чувство *Schreck*, *Todesangst*, *Grauen*:

Sie litten mit, mit hunderttausend Grauen. Und wozu Todesangst und Schreck? Haha!³ Für einen Dreck! (K. Kühl, R. Valetti. *Rote Melodie*) – Они сострадали, со стотысячным ужасом. И ради чего этот смертельный страх и ужас? Д...рма ради!

Концепты запрета и свободы

Как отмечает Ю. Шейман, «связь между Angst и Ordnung наиболее полно проявляется в

¹Шейман Ю. Немецкая языковая картина мира на фоне русской.

²Там же.

³Междометие, выкрикиваемое охотниками при охоте на лис.

стремлении устанавливать запреты»⁴. Концепт запрета – один из самых типичных для немецкой этнокультуры. Контрполусом запрету выступает свобода. Однако философский вопрос о том, что есть свобода, А. Вежбицкой решается как свобода упорядочивать свою жизнь в рамках существующих ограничений, это никоим образом не возможность делать все, что вздумается [Вежбицкая, 2001], т. е. свобода без запретов невозможна. Однако философский вопрос о том, что есть свобода, А. Вежбицкой решается в русле извечной немецкой упорядоченности. Свобода понимается как умение жить в рамках существующих ограничений, а вовсе не право делать всё, что заблагорассудится [Вежбицкая, 2001]. В немецком понимании свобода без запретов невозможна. С одной стороны, свобода – это преодоление запретов, с другой стороны, есть запреты, которые очерчивают границы для проявления свободы. Образом этих границ, сковывающих личную свободу, выступают в песнях кабаре, например, клетка без дверей и щелей или аквариум:

In einem Käfig ohne Tür und Ritzen aus dickem Jglas, wie im Aquarium (B. Ebinger, *Die Hungerkünstlerin*). – В клетке без двери и щелей из толстого стекла, как в аквариуме.

В песне Б. Ебингер образ, эксплицирующий концепт свободы, – это дерзкая молодая женщина, не принимающая существующих правил. В данном случае свобода ассоциируется с полетом и дерзостью, т. е. представление свободы связано с попыткой противостоять обыденным устоям, вездесущему порядку (*Ordnung*) и запрету (*Verbot*):

Ich bin ein frechet Bist geworden, das seine Zähne, Zähne, Zähne zeigt. Ich lasse mir nicht unterkriegen! Wo and're gehen, da muß ick fliegen (B. Ebinger. *Da muß ick fliegen*). – Я стала дерзкой бестией, которая показывает зубы, зубы, зубы. Я не дам себя подчинить! Там, где другие ходят, я должна летать.

Анализируя ассоциативное поле базовой ценности *Freiheit* (свобода), А. И. Хлопова [Хлопова, 2021] обращает внимание на ее связь с образом полета. В песне Б. Ебингер представление о свободе метафорически связано с небесами и крыльями:

Der Himmel steht mir immer offen <...>. Mir ist, als ob mich Flügel trügen (B. Ebinger, *Da muß ick fliegen*). – Небо для меня всегда открыто <...>. Мне кажется, будто меня несут крылья.

⁴Шейман Ю. Немецкая языковая картина мира на фоне русской.

Концепт счастья

Счастье – есть то, к чему стремится любой человек. Но присущее немцам чувство неуверенности и страха за будущее по ряду признаков весьма ограничивает и способность насладиться счастьем. Так, в песне из репертуара Евы Буш (Eva Busch) «Die Zigarette» счастье кратковременно и измеряется длиной одной выкуренной сигареты:

Gestern glühten sie noch rot Lust und Lebensfreude. Heute sind sie kalt und tot – Asche alle beide! Gestern dacht' ich, dass das Glück ewig leuchten werde <...>. Das Glück, das du meinst, ist nur flüchtiger Rauch Und kommt's mal zu dir, fliegt's vorbei wie ein Hauch! Du hältst in der Hand deine Seligkeit – Eine Zigarette lang! (E. Busch. Die Zigarette) – Вчера они еще горели красным – желание и радость жизни. Сегодня они холодны и мертвы – оба стали пеплом! Вчера я думала, что счастье будет вечным <...>. Счастье, о котором ты говоришь, всего лишь мимолетный дым. Если оно к тебе приходит, то улетает, как дуновение! Ты держишь в руках свое блаженство – длиной в сигарету!

В песне Фридриха Холлэндера (Friedrich Hollaender) «Wenn ich mir was wünschen dürfte» автор боится желать себе много счастья, так как иначе возникнет тоска по грусти:

Wenn ich mir was wünschen dürfte, möchte ich etwas glücklich sein. Denn wenn ich gar zu glücklich wär, hätt' ich Heimweh nach dem Traurigsein (F. Hollaender. Wenn ich mir was wünschen dürfte). – Если мог бы я для себя что-то пожелать, то хотел бы быть чуть-чуть счастливым. Потому что если бы я был слишком счастлив, то стал бы тосковать по грусти.

Клер Вальдоф (Claire Waldoff), известная своим эпатажным видом и поведением на сцене, в одноименной песне задается вопросом: «Wat braucht der Berliner, um glücklich zu sein?» – и отвечает на этот вопрос следующим набором заветных желаний:

'ne Laube, 'nen Zaun und 'n Beet, wat braucht der Berliner 'nen heurigen Wein, wenn vor Ihm sein Weißbierglas steht. Ne dicke Zigarre mang die Lippen jeklemmt, zwee Mann zum Skat im frisch jewaschnem Hemd, dazu een Kümmel und 's nötige Schwein, det braucht der Berliner um jücklich zu sein. (C. Waldoff. Wat braucht der Berliner, um glücklich zu sein?) – Дачный домик, забор и грядка, зачем берлинцу молодое вино, если перед ним стоит бокал светлого пива. Толстая сигара, зажата

в зубах, два мужика для ската в свежевystиранной рубашке, к тому же тминная водка и немного удачи, вот что нужно для берлинца, чтобы быть счастливым.

А в стихотворении К. Тухольского «Das Ideal» рисуются мечты о вилле с большой террасой, «скромной, но со вкусом»:

Neun Zimmer, – nein, doch lieber zehn! Ein Dachgarten, wo die Eichen drauf steh'n, Radio, Zentralheizung, Vakuum, eine Dienerschaft, gut gezogen und stumm, eine süße Frau voller Rasse und Verve – (und eine fürs Wochenend', zur Reserve). K. Tucholsky. Das Ideal. – Девять комнат – нет, лучше десять! Сад на крыше, где стоят дубы, радио, центральное отопление, вакуум, слуги, вышколенные и немые, милая жена, породистая и пылкая – (и еще одна для выходных, про запас).

То есть представления о счастье имеют достаточно практичный и прозаичный характер – достаток, дом и прочий антураж спокойной жизни. Практичный характер немцев проявляется и в их представлении о счастье.

Однако счастье, как видно из примеров выше, скоротечно, да и мечты о таком счастье остаются недостижимыми:

Jedes Glück hat einen kleinen Stich. Wir möchten so viel: Haben. Sein. Und gelten. Daß einer alles hat: das ist selten (K. Tucholsky. Das Ideal). – У каждого счастья есть изъян. Мы так много хотим: иметь, быть и слыть. Но чтобы у одного это было все: такое бывает редко.

Концепты войны и смерти

Переживание опыта Первой мировой войны и призывы избежать вовлечения в новые военные действия является одной из важнейших тем песен кабаре. Неслучайно одним из самых нашумевших процессов против антимилитаристских изданий Веймарской республики стало дело журнала «Die Weltbühne», в котором под псевдонимом Теобальда Тигера (Theobald Tiger) печатались многие стихи Курта Тухольского, положенные на музыку и звучавшие с подмостков кабаре. Так, песня «Die Trommel» в исполнении Труды Хестерберг (Trude Hesterberg) говорит о бессмысленности жертв, принесенных солдатами:

Die Soldaten, ja, die taten für den Fürsten alles ganz umsonst. <...> Und hat der ganze Spuk ein Ende, geht's in des Himmels Scheibenstände. Die Soldaten müssen braten in dem allertiefsten Höllenpfuhl! – Солдаты,

да, они делали все даром для князя. <...> А когда все это безобразие закончится, все пойдут в небесный тир. Солдаты должны будут гореть в крошечном аду! (Т. Hesterberg, *Die Trommel*).

В яркой метафоре последних строк песни все эти военные походы сравниваются с мышинной возней:

Die Trommel liegt im Arsenale. Im Gehäuse die Mäuse, die führ'n das alte Leben fort. – Барабан лежит в арсенале. В его коже – мыши, они живут своей прежней жизнью. (Т. Hesterberg, *Die Trommel*).

Напечатанное в том же издании стихотворение К. Тухольского «Rote Melodie» в исполнении Кейт Кюль (Kate Kühl) и Розы Валетти (Rosa Valetti) является одним из программных произведений берлинских кабаре. Песня повествует о матери, потерявшей сына:

Die Frau singt: Ich bin allein. Es sollt nicht sein. Mein Sohn stand bei den Russen. Da fuhr man sie, wie's liebe Vieh, zur Front – in Omnibussen (К. Kühl, R. Valetti. *Rote Melodie*). – Женщина поет: я одна. Этого не должно быть. Моему сыну выпало воевать с русскими (до сл. 'Мой сын стоял у русских'). Их отвезли, как скот, на фронт – в омнибусах¹.

Солдаты сравниваются с безвольным скотом, который отправили на фронт. Речь идет о бессмысленности войны и завершается песня призывом избежать войну:

Und wozu Todesangst und Schreck? Haha! Für einen Dreck! <...> Wag es nur nicht noch einmal! Es schrein die Toten! (К. Kühl, R. Valetti. *Rote Melodie*) – И для чего смертельный страх и ужас? Ради грязи! <...> Не решайся на это еще раз! Кричат мертвые!

Антивоенная тематика – одна из центральных в песнях кабаре изучаемого периода, особенно конца 20-ых годов. Это немаловажное обстоятельство свидетельствует о росте милитаристских настроений в стране и в то же время о стремлении ряда представителей немецкой лингвокультуры утвердить противоположные ценности. Так, в песне Ф. Холлэндера «Münchhausen (Lügen-Chanson)» автор говорит о несуществующей стране, которая

¹Omnibus обозначал различные виды транспорта, начиная от конки и до одно- или двухэтажного автобуса. Однако к началу Первой мировой войны это именно автобусы. Ср. информацию на сайте, посвященном истории общественного транспорта Берлина. URL: http://www.berliner-verkehrsseiten.de/bus/Geschichte/ABOAG/ABOAG_Fz/DD/dd.html (дата обращения: 20.11.2025).

не хочет развязывать войну, а переплавляет оружие в мирные детские кроватки:

Я видел страну. Она не хочет идти на войну. Она переплавляет все оружие и делает из этого кроватки для детишек.

Концепт смерти ассоциируется, прежде всего, с войной, но не только. В ряде песен говорится о смерти не на фронте, а в обыденной жизни. При этом авторы вновь обращаются к отмеченному выше образу сна (Schlaf):

Schlaf, Mutter, schlaf – Wie bist du nur so müd. <...> Indeß in Todesschweigen Sich deine Wimpern neigen. Schlaf, Mutter, schlaf... (B. Ebinger. *Wiegenlied an eine Mutter*) – Как же ты устала. <...> Тем временем в смертном молчании закрываются твои ресницы. Спи, мама, спи.

Концепт смерти ассоциируется:

- с грязью: *Er lag im Dreck*. – Он лежал в грязи (К. Kühl, R. Valetti. *Rote Melodie*);
- с бледностью: *weil wir doch die Bleichsucht haben* – потому что у нас анемия (B. Ebinger. *Currende*);
- с усталостью: *Wie lang hast du gewacht! Ob du auch sterbensmüde bist <...>. Wie bist du nur so müd*. – Как долго ты не спала! Хотя и была смертельно уставшей <...>. Как же ты устала (B. Ebinger, *Wiegenlied an eine Mutter*).

Заключение

В настоящей статье изложены результаты лингвокультурного исследования концептов, нашедших отражение в песнях немецких кабаре 20-х годов XX века. Немецкие социально-этические ценности были явлены на примере кабаре Берлина как главного центра немецкого песенного искусства.

Антивоенные этические концепты, обусловленные определенным периодом исторического развития Германии, свидетельствуют о характере немецкого мировосприятия в целом. Оно включает в себя не только компоненту пацифизма, но и другие специфически германские смыслы. Материал исследования позволил выделить такие концепты, как: неизменная любовь немцев к порядку (*Ordnung*), которой авторы песен объясняют способность немецкого общества превращаться в легко управляемую толпу; концепт страха, связанного с чувством безысходности; типичный для немецкой этнокультуры концепт запрета и противостоящей ему свободы, понимаемой как стремление нарушить запреты; концепт счастья,

имеющего весьма практичный и приземленный характер; концепты войны и смерти.

Проведенное исследование подтвердило тезис о необходимости досконального знания немецкого

песенного творчества. Оно является универсальным индикатором немецких смыслов и представлений о свободе, счастье, мире и других ценностных универсалиях.

Список источников

1. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
4. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
6. Токарев Г. В. Лингвокультурология. Тула: Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов: пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2001.
8. Медведева Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2011.
9. Буренкова С. В. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры в диахроническом аспекте // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов по материалам международной научной конференции / под ред. И. Ю. Колесова. Барнаул: Издательство Алтайского государственного педагогического университета, 2018. С. 190–194.
10. Пищальникова В. А. Ассоциативный эксперимент и психолингвистическое исследование личностной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844). С. 105–118.
11. Бубнова И. А. «Ното soveticus»: специфика социального стереотипа в современном российском обществе (на материале ассоциативного эксперимента) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844). С. 85–95.
12. Солдатова М. А. Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: труды и материалы / под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева: традиции и современность. Казань: Издательство Казанского университета, 2003. Т. 2. С. 110–112.
13. Чернова Н. Р. Концептосфера «Время» в русских и немецких народно-песенных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010.
14. Тепеева Д. Р. Лингвокультурные особенности фольклорного песенного дискурса (религиозные и эмоционально-чувственные концепты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2020.
15. Чайка С. А. Лингвокультурологическое исследование концепта город в иностранной аудитории: На материале русского городского фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
16. Саенко М. И. Дискурсивное пересечение текстового пространства народной и авторской колыбельных песен: лингвокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2024.
17. Серебренников Б. А. Как происходит отражение мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 87–107.
18. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.
19. Маслова В. А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). № 2–3. С. 383–387.
20. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. М.: МГПУ, 2004. Вып. 3. С. 3–10.
21. Пищальникова В. А. Концептуальный анализ художественного текста: учебное пособие. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1991.
22. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.
23. Мокрова Н. И. Песня как явление комплексного характера // Вестник Иркутского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 6 (101). С. 389–393.

24. Опарин М. В. Концепт Ordnung в немецком философском дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Вопросы германистики. 2010. № 2 (46). С. 89–92.
25. Нечаева Н. В. Концепт Ordnung в немецкой языковой картине мира и его актуализация в институциональном типе дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011.
26. Nuss B. Das Faust-Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen. Bonn: Bouvier, 1993.
27. Буренкова С. В. Содержательная динамика немецкого концепта Sicherheit в современном социокультурном контексте // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 30–32.
28. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: пер. с англ. М.: Языки русской культуры, 1999.
29. Хлопова А. И. Содержание базовой ценности freiheit / свобода в немецкой лингвокультуре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 4. С. 93–106.

References

1. Telia, V. N. (1988). Metaforizaciya i ee rol' v sozdanii yazykovoj kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. In Serebrennikov, B. A. (Ed.), Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i izobrazheniye mira (pp. 173–204): collection of papers. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Karaulov, Yu. N. (2010). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)
3. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow: ACT: Vostok-Zapad. (In Russ.)
4. Arutyunova, N. D. (1993). Logicheskiy analiz yazyka. Mental'nyye deystviya [Logical analysis of language. Mental actions]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Karasik, V. I. (2004). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
6. Tokarev, G. V. (2009). Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Tula: Izdatel'stvo TGPU im. L. N. Tolstogo. (In Russ.)
7. Wierzbicka, A. (2001). Ponimaniye kul'tur cherez posrdstvo klyuchevykh slov [Understanding Cultures through Keyword Research]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.)
8. Medvedeva, T. S., Oparin, M. V., Medvedeva, D. I. (2011). Klyuchevyye kontsepty nemetskoj lingvokul'tury [Key concepts of German linguoculture]. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta. (In Russ.)
9. Burenkova, S. V. (2018). Klyuchevyye koncepty nemeckoj lingvokul'tury v diakhronicheskom aspekte [Key Concepts of German Linguistic Culture in a Diachronic Aspect]. In Kolesova, I. Yu. (Ed.), Innovatsionnyye tekhnologii i podkhody v mezhkul'turnoy kommunikatsii, lingvistike i lingvodidaktike (pp. 190–194): the digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
10. Pishchalnikova, V. A. (2021). Associative experiment and psycholinguistic study of personal identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(844), 105–118. (In Russ.)
11. Bubnova, I. A. (2021). "Homo soveticus": specificity of social stereotype in modern Russian society. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(844), 85–94. (In Russ.)
12. Soldatova, M. A. (2003). Ponyatie lingvokul'turnogo koncepta v lingvisticheskix issledovaniyax [The concept of linguocultural concept in linguistic research]. In Galiullina, K. R., Nikolaeva, G. A. (Eds.), II Mezhdunarodnyye Boduenovskiy chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost' (vol. 2, pp. 110–112): trudy i materialy. (In Russ.)
13. Chernova, N. R. (2010). Kontseptosfera «Vremya» v russkikh i nemetskikh narodno-pesennykh tekstakh [The conceptual sphere of "Time" in Russian and German folk song texts]: abstract of PhD thesis in Philology. Kursk. (In Russ.)
14. Teppeeveva, D. R. (2020). Lingvokul'turnyye osobennosti fol'klornogo pesennogo diskursa (religioznyye i emotsional'no-chuvstvennyye kontsepty) [Linguistic and cultural features of folk song discourse (religious and emotional-sensory concepts)]: abstract of PhD thesis in Philology. Nalchik. (In Russ.)
15. Chaika, S. A. (2006). Lingvokul'turologicheskoye issledovaniye koncepta gorod v inostrannoy auditorii: Na materiale russkogo gorodskogo fol'klora. [A linguistic and cultural study of the concept of the city in a foreign audience: Based on Russian urban folklore]: abstract of PhD thesis in Philology. Omsk. (In Russ.)

16. Saenko, M. I. (2024). Diskursivnoye peresecheniye tekstovogo prostranstva narodnoy i avtorskoй kolybel'nykh pesen: lingvokul'turnyy aspekt [Discursive intersection of the textual space of folk and author's lullabies: a linguistic aspect]: abstract of PhD thesis in Philology. Belgorod]. (In Russ.)
17. Serebrennikov, B. A. (1988). [How does the world get reflected in language?] In Serebrennikov, B. A. (Ed.), Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira (pp. 87–107). [Moscow: Nauka]. (In Russ.)
18. Stepanov, Yu. S. (2001). Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij proyekt. (In Russ.)
19. Maslova, V. A. (2011). Concepts and values: the contents of meanings and their language interpretation. Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nyye kommunikatsii", 24(63)-2, part 1, 383–387. (In Russ.)
20. Angelova, M. M. (2004). ["Concept" in modern linguacultural studies]. In Aktual'nyye problemy angliyskoy lingvistiki i lingvodidaktiki (vol. 3, pp. 3–10): collection of scientific works of MGPU. (In Russ.)
21. Pishchal'nikova, V. A. (1999). Konceptual'nyj analiz khudozhestvennogo teksta [Conceptual analysis of a literary text]: uchebnoe posobie. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
22. Maslova, V. A. (2004). Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Minsk: TetraSistems. (In Russ.)
23. Mokrova, N. I. (2015). Song as a complex phenomenon. Proceedings of Irkutsk State Technical University, 6(101), 389–393. (In Russ.)
24. Oparin, M. V. (2010). The concept of Ordnung in German philosophical discourse. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Voprosy germanistiki, 2(46), 89–92. (In Russ.)
25. Nechayeva, N. V. (2011). Koncept Ordnung v nemeczkoy yazykovoj kartine mira i ego aktualizaciya v institucional'nom tipe diskursa [The concept of Ordnung in the German linguistic picture of the world and its actualization in the institutional type of discourse]: abstract of PhD thesis in Philology. Barnaul]. (In Russ.)
26. Nuss, B. (1993). Das Faust-Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen. Bonn: Bouvier.
27. Burenkova, S. V. (2015). Dynamics in the content of the concept Sicherheit in the modern sociocultural context. Review of Omsk state pedagogical university. Humanitarian research, 1(5), 30–32.
28. Wierzbicka, A. (1999). Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov [Semantic universals and description of languages]. Translated from English. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)
29. Khlopova, A. I. (2021). The content of the basic value of freiheit / freedom in German linguistic culture. Proceedings of the South-West state university. Series: Linguistics&Pedagogics, 11(4), 93–106. (In Russ.)

Информация об авторе

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Information about the author

Birr-Tsurkan Lilia Fiodorovna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the German Philology Department
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию	24.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	21.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Прецедентные библейские фразеологизмы как фреймы в английской и русской лингвокультурах

М. В. Горячева

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орёл, Россия
starshinova.masha@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить фреймовые структуры прецедентных библейских фразеологизмов в английской и русской лингвокультурах. Методологическую основу исследования составляют когнитивно-дискурсивный, интертекстуальный и сопоставительный анализ корпусных данных НКРЯ, English Corpora. Установлено, что исследуемые библейские фразеологизмы характеризуются диалектическим единством устойчивого концептуального ядра и вариативных периферийных элементов, обеспечивающих их дискурсивную адаптацию. Корпусный анализ выявил тенденцию к сохранению религиозно-исторических коннотаций библейских фразеологизмов в английском языке и преобладание их метафорического переосмысления в русском языке, что объясняется различиями в исторической судьбе текста Священного Писания в представленных лингвокультурах.

Ключевые слова: библейские фразеологизмы, фреймовый анализ, лингвокультурология, прецедентность, концептуализация, вариативность, дискурс

Для цитирования: Горячева М. В. Прецедентные библейские фразеологизмы как фреймы в английской и русской лингвокультурах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 120–127.

Original article

Precedent Biblical Phraseological Units as Frames in English and Russian Linguocultures

Maria V. Goryacheva

Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia
starshinova.masha@yandex.ru

Abstract. The aim of the research is to reveal the frame structures of precedent background phenomena within English and Russian linguocultures. The methodological framework employs cognitive-discursive, intertextual and contrastive analysis of corpus data from the Russian National Corpus and English Corpora. The study reveals that the biblical phraseological units exhibit a dialectical unity of stable conceptual cores and variable peripheral elements, which ensures their discursive adaptability. The corpus analysis revealed a tendency of biblical phraseological units to retain their religious and historical connotations in English, in contrast to the prevalence of their metaphorical reinterpretation in Russian. This variation is explained by the differences in the historical trajectory of the Bible within the given linguocultures.

Keywords: biblical phraseological units, frame analysis, cultural linguistics, precedent phenomena, conceptualization, variability, discourse

For citation: Goryacheva, M. V. (2026). Precedent biblical phraseological units as frames in English and Russian Linguocultures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 120–127. (In Russ.)

Введение

Библейские фразеологизмы (БФ) представляют собой устойчивые прецедентные сочетания, входящие к тексту Священного Писания и обладающие рядом дифференциальных признаков, среди которых можно выделить: клишированность, идиоматичность и антропоцентрическую маркированность [Бакина, 2023]. Устойчивость этих признаков определяет последовательную интеграцию БФ в русскую и английскую языковую среду.

Указанные выше свойства БФ коррелируют с их способностью служить инструментом концептуализации реальности, проецируя библейскую парадигму на осмысление актуальных явлений действительности. «Система фразеологических значений как интерпретированного в ценностно-смысловой парадигме субъективного компонента русской ментальности определяет лингвокультурную компетенцию человека, которая определяется в своей основе подсознательной актуализацией в языковом сознании стереотипных выражений, знаков-символов и образных структур косвенного характера, существенно расширяющих креативные возможности языка в познании действительности и репрезентации культуры» [Золотых, 2008, с. 11]. Соответственно, с позиции когнитивной лингвистики БФ исследуются как вербальные активаторы сложных фреймовых структур, образующих в сознании носителей языка целостные сценарии и ценностные координаты общества. В свою очередь, когнитивный подход позволяет раскрыть механизм устойчивости БФ в публицистическом дискурсе, объясняя его (дискурс) через фреймовую организацию, которая обеспечивает раскрытие связанных смыслов при их минимальной вербализации.

Изучение БФ в рамках фреймового анализа позволяет выявить когнитивные механизмы восприятия и категоризации действительности, поскольку они организуют языковое мышление. Будучи лингвокультурными маркерами, БФ обладают значительным интертекстуальным потенциалом, что делает их ценным объектом исследования в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии [Бакина, 2023; Бакина, 2025].

Актуальность исследования библейской фразеологии обусловлена неослабевающим интересом исследователей к вопросам роли БФ в межкультурной коммуникации, их языковой репрезентации в различных типах дискурса [Бакина, 2023; Бакина, 2022а; Бакина, 2022б; Мокиенко, 2023], особенностям их модификации в современном социокультурном контексте [Михайлова, 2024].

В задачи исследования входит определение ядерных и периферийных элементов БФ, описание

механизмов их концептуализации и дискурсивной адаптации, установление их культурных сходств и различий на материале данных Национального корпуса русского языка и English Corpora.

Научная новизна исследования заключается в том, что прецедентные БФ рассматриваются не в качестве статичных единиц, а в качестве когнитивных фреймов [Когнитивный термин «фрейм»: создание словарной статьи на базе специализированного текстового корпуса, 2022] в английской и русской лингвокультурах. В статье предлагается интегративный подход, совмещающий фреймовый анализ [Минский, 1979; Филлмор, 1988] и теории прецедентности [Караулов, 1986; Красных, 1997]. Последовательная комбинация двух методов позволяет установить культурно обусловленную асимметрию в организации фреймовых структур и развить идею о механизме дискурсивной адаптации сакральных текстов в различных социокультурных контекстах.

В данном исследовании используются методы когнитивно-дискурсивного, сопоставительного и интертекстуального анализа корпусных данных, что позволяет выявить особенности фреймовой организации БФ в английской и русской лингвокультурах. Когнитивно-дискурсивный анализ обеспечивает выявление глубинных механизмов актуализации прецедентных БФ в различных типах дискурса, раскрывая их роль в процессе концептуализации, категоризации и интерпретации действительности. Данный подход позволяет проанализировать когнитивные структуры и их ценностные доминанты, тогда как сопоставительный анализ корпусных данных способствует выявлению сходства и различия в функционировании БФ в двух языковых системах, ведет к углубленному пониманию их лингвокультурной специфики. Сопоставительный анализ выявляет, каким образом БФ сочетают в себе устойчивое смысловое ядро и изменчивость периферийных элементов [Костомарова, 2015], ответственных за дискурсивную адаптацию и трансформацию в зависимости от контекста. Интертекстуальный анализ направлен на выявление связей БФ с сакральным текстом и изучение их трансформаций в современном дискурсе. Интеграция данных методов создает предпосылки для многоаспектного изучения лингвокультурной специфики БФ, их интертекстуального потенциала в ситуациях межкультурной коммуникации, порождает понимание взаимодействия языка, мышления и культуры.

Анализ прецедентных БФ способствует выявлению универсальных и культурно-специфических механизмов концептуализации, а также демонстрирует, как религиозный дискурс влияет на формирование языковой картины мира.

Теоретические предпосылки исследования библейских фразеологизмов как фреймовых структур

Особую теоретическую значимость в изучении вопроса прецедентности БФ представляют работы Ю. Н. Караулова, В. В. Красных, В. Н. Телия, А. Д. Бакиной, Т. Н. Федуленковой¹, Д. Б. Гудкова и многих других [Караулов, 1986; Красных, 1997; Телия, 1988; Бакина, 2022а; Бакина, 2022б; Бакина, 2025; Гудков, 2020]. Согласно концепции В. В. Красных, прецедентные феномены определяются как культурно значимые единицы, обладающие высокой степенью узнаваемости среди представителей конкретного лингвокультурного сообщества и характеризуются постоянной репродукцией в дискурсе. Лингвист отмечает, что в когнитивном пространстве языкового коллектива прецедентные феномены предстают как инварианты восприятия. Данный факт обеспечивает их успешную идентификацию даже при частичной актуализации в коммуникативном пространстве [Красных, 1997].

Более того, категория прецедентности формируется на базе феноменов, к которым относятся тексты, высказывания и ситуации. В. Н. Телия определяет прецедент как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», обладающий культурной значимостью и актуализируемый в коммуникации посредством определенного сообщества [Телия, 1988, с. 30]. Лингвист утверждает, что генезис прецедента обусловлен не только апелляцией к коллективному историческому опыту, но и процессом получения новых актуальных знаний реципиентом.

Следовательно, библейские фразеологизмы, будучи классическим примером прецедентных единиц, функционируют в качестве вербальных маркеров, вызывающих в языковом сознании комплекс связанных с ними смыслов, образов и ценностных установок. Этот комплекс может быть описан как структурированный когнитивный фрейм. Лингвисты отмечают, что способность к активации фоновых знаний делает БФ мощным инструментом концептуализации и категоризации действительности в различных типах дискурса. Активируя соответствующий фрейм, БФ обеспечивают доступ к хранящемуся в долговременной памяти когнитивному сценарию, представляющему целостный фрагмент картины мира. Будучи единицами косвенной номинации, БФ осуществляют интерпретацию объекта действительности через призму культурно-исторического опыта.

¹ Федуленкова Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие. М.: Издательство дом Академии Естествознания, 2016.

Их функционирование основано на механизме имплицитности, подразумевающим извлечение смысла, не выраженного эксплицитно, но выводимого из активированного фрейма.

Данный процесс находит свое отражение в теории фреймов, разработанной М. Минским [Минский, 1979] и получившей дальнейшее развитие в работах Ч. Филлмора [Филлмор, 1988]. Ученые определяют фрейм как когнитивную структуру, организующую восприятие информации через систему связанных концептов или сценариев. Однако Ч. Филлмор также отмечает размытость внешних и внутренних границ фрейма [Филлмор, 1988].

В настоящее время вопрос о внутренней организации фрейма остается дискуссионным, поскольку ряд исследователей утверждает, что фрейм имеет строгую иерархическую структуру [Минский, 1979; Гофман, 2003; Болдырев, 2021], в то время как другие допускают полевую модель, сближающую фрейм по принципу организации с семантическим полем [Костомарова, 2015; Бельмесова, 2013]. В настоящем исследовании за основу принимается позиция Н. А. Костомаровой, которая рассматривает фрейм как динамическую, полицентрическую структуру, организованную по полевому принципу и предполагающую наличие ядерных и периферийных элементов [Костомарова, 2015]. В данной структуре обязательными компонентами, определяющими идентичность фрейма, выступают значимые участники ситуации и основные события. Периферийные элементы представлены вариативными компонентами, подверженными культурной и контекстуальной модификации. При этом ядерные компоненты обладают высокой степенью концептуальной стабильности и минимальной вариативностью в различных типах дискурса, в то время как периферийные элементы демонстрируют адаптивность к конкретным коммуникативным условиям [Костомарова, 2015].

Особенно показательно взаимодействие между прототипическими и маргинальными признаками фрейма, где первые обеспечивают когнитивную узнаваемость концепта, а вторые – его дискурсивную гибкость.

Перейдем к анализу конкретных примеров корпусных данных НКРЯ и English Corpora, выявляя особенности фреймовой организации БФ в русской и английской лингвокультурах.

Когнитивно-дискурсивный анализ библейских фразеологизмов

Анализу подверглись более 100 контекстов употребления БФ в русскоязычном и англоязычном дискурсе и подтвержден их прецедентный потенциал,

выраженный дуальной структурой: устойчивым концептуальным ядром и вариативной периферией. Например, ядро («невинная жертва») БФ *a scapegoat* (козел отпущения) остается неизменным в обоих лингвокультурах, в то время как его периферия свободно варьируется, позволяя БФ функционировать как в качестве научного термина, так и в качестве эмоционального медийного клише. Мы полагаем, что именно эта гибкость периферийных компонентов (лексических, синтаксических, коннотативных) при сохранении узнаваемого ядра, создающего прецедентную ситуацию и обеспечивающего мгновенное понимание на культурном уровне, демонстрирует дискурсивную пластичность БФ в религиозном, публицистическом, политическом и бытовом дискурсе.

Проведенный анализ показал, что в русской лингвокультуре преобладают эксплицитно маркированные БФ с яркой негативной или назидательной коннотацией. Они составляют 65% от общего числа проанализированных БФ, что отражает их прочную связь с исходным текстом Библии. В англоязычном корпусе 60% БФ выражены имплицитными формами, где изначальная религиозная оценка нейтрализуется и уступает место образно-номинативной функции. При этом в обоих языках около 35% БФ демонстрируют ироническую функцию, что указывает на активный процесс их адаптации к светскому дискурсу.

Различия между русским и английским дискурсом подтверждает, что в основе прецедентности лежит механизм, который в рамках специфических культурно-языковых традиций обеспечивает универсальную узнаваемость архетипов и их национально окрашенного воплощения.

В качестве доказательства, представленной выше информации, приведем ряд примеров употребления БФ из числа проанализированных контекстов.

БФ *prodigal son* (блудный сын) активирует не только значение «раскаявшийся человек», но и целостный сценарий, включающий ядерные элементы (отец / сын, уход / возвращение) и периферийные элементы, выраженные ценностными доминантами прощения, милосердия, покаяния. Прототипические признаки обязательного присутствия отца и сына сохраняют устойчивость при межкультурной коммуникации, тогда как маргинальные – демонстрируют значительную вариативность, выраженную в степени акцентуации мотива покаяния блудного сына или социального осуждения, в разных лингвокультурах [Баранов, 2008]. Этот факт объясняет причину различной интерпретации одних и тех же БФ в разных культурных контекстах. Однако при этом БФ сохраняют свою концептуальную идентичность, что видно из корпусного анализа на основе BNC и НКРЯ.

“I’ve no family apart from my mother, no job, no money, no property, no prospects. As far as I can see, England doesn’t welcome a *prodigal son* like me.” “That sounds rather like self-pity.” “It is, I suppose. But when nobody else feels sorry for you, you tend to feel sorry for yourself, don’t you?” “Excluded from society, you mean? Passed over by change? Starved of sympathy?” “The diagnosis was all too succinct.” “Yes,” Harry murmured. “Do you think Heather felt the same way?”¹

Последний раз Саакашвили видели уже в Карибском регионе, на острове Аруба. А затем его следы затерялись. Пресс-служба президента Грузии до последнего накаляла интригу, но в воскресенье вечером раскололась: *блудный сын* уже в Батуми, где встречает и. о. президента Молдавии Михая Гимпу. После переговоров у коллег – поход на концерт британской звезды Криса де Бурга².

В качестве еще одного примера можно привести БФ *prodigal son* (блудный сын), который продемонстрировал существенные различия в семантико-прагматической нагрузке. В английском примере БФ используется для описания социальной маргинализации и экзистенциального кризиса персонажа, акцент делается на мотивах отверженности. В русском контексте выражение *блудный сын* применяется в политическом дискурсе для ироничного описания возвращения политика, подчеркивая не столько покаяние, сколько скандальный характер его персоны и обстоятельств возвращения. Подобное расхождение демонстрирует культурно-обусловленные различия: английский вариант сохраняет глубину исходного сюжета Библии, в то время как русский – демонстрирует тенденцию к публицистической экспрессивности и социальной оценке.

Данный процесс осуществляется через механизм концептуальной проекции, в котором БФ функционируют как сложные когнитивные фреймы, активирующие в языковом сознании лингвистические значения и целостные культурные сценарии. Вербальный знак в этом случае выступает катализатором для развертывания соответствующего фрейма с его ядерными элементами и ценностными координатами.

Своего рода иллюстрацией к указанным положениям служит фрейм «Исход», активируемый БФ *plagues of Egypt* (казни египетские). Согласно модели Ч. Филлмора, данный фрейм включает три

¹British National Corpus (BNC). 1990. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 11.08.2025).

²Чинкова Е. Саакашвили снова потерялся... // Комсомольская правда. 15.08.2010. URL: <https://www.kp.ru/daily/24540/719690/> (дата обращения: 11.08.2025).

структурных уровня: актанный состав, представленный Моисеем как протагонистом, фараоном как антагонистом и бенефициарами; событийный сценарий, выраженный цепочкой от противостояния и наказания до освобождения; ценностно-смысловые коннотации (Божественное вмешательство как акт справедливости). Данный фрейм актуализируется в русском и английском языках различно. В большинстве случаев в отечественном дискурсе наблюдается метафорическое переосмысление БФ *казни египетские* в плане обозначения чрезмерных трудностей, в то время как в английском языке выражение *plagues of Egypt* сохраняет прямую связь с библейским контекстом.

Every four years, the story is the same, as an Olympic host city emerges somehow unscathed from hand-wringing predictions that nobody will come, nothing will be finished on time or, in Rio's case, that clouds of mosquitoes will descend from Sugarloaf Mountain like the third *plague of Egypt*¹.

К счастью, нас позвали обедать, и мой товарищ не успел довершить своего отчаянного предприятия. Поверьте мне, господин офицер, и Наполеон играет теперь на кашу. Если ему не повезет, заключить мир – то горе окаянному! Все язвы, все *казни египетские* обрушатся на главу его! А коли удастся, так и то слава богу, когда при своем останется, ан и выйдет на поверку, что он: *magnus conatus magnas agit nugas*, то есть: ходил ни почто, принес ничего. Но нам должно прекратить нашу беседу, – продолжал семинарист².

Представленные примеры подтверждают культурную обусловленность фреймовых структур и вариативность соотношения ядерных и периферийных элементов в различных лингвокультурах. Стоит отметить, что в английском языке ряд фреймов функционирует преимущественно в религиозном и историческом дискурсах, тогда как в русском – БФ чаще используются в медийном и политическом дискурсах с выраженной оценочной коннотацией.

Полагаем, что наблюдаемая вариативность в актуализации БФ в английском и русском языках обусловлена различиями в их лингвокультурном и социокультурном функционировании. Возможная причина кроется в различной исторической

судьбе сакрального текста. В английском лингвокультуре, сформированной в контексте множественности протестантских конфессий, авторизованный перевод Библии (King James Version) исторически сохранил статус религиозного, а не общекультурного достояния. Между тем в русской лингвокультуре в советский период произошла секуляризация сакрального текста, в результате чего библейские образы и сюжеты были вытеснены из религиозного дискурса и переориентированы в медиа сферу, в которой БФ стали употребляться в качестве элементов иронии, инструмента метафоризации или экспрессивной оценки. Еще одним фактором вариативности БФ является различие в характере культурной памяти. Английский язык демонстрирует сохранение буквального значения, что подкрепляется устойчивой религиозной практикой, тогда как русский язык актуализирует БФ преимущественно на уровне культурного кода, иногда с утратой религиозного смысла. Данный процесс можно описать как различия в механизме концептуальной проекции.

Следовательно, фреймовая структура БФ остается инвариативной на уровне ядра, но периферийные слоты заполняются противоположным содержанием в зависимости от типа дискурса.

Более того, подобная дискурсивная вариативность обусловлена прецедентным статусом БФ с устойчивым интертекстуальным потенциалом [Бакина, 2025]. Прецедентность обеспечивает БФ способность сохранять ядерные элементы в различных типах дискурса, одновременно допуская трансформацию периферийных элементов в зависимости от коммуникативной ситуации. Подобная диалектика устойчивости и вариативности позволяет прецедентным феноменам адаптироваться к новым социокультурным условиям без утраты исходного концептуального ядра.

Таким образом, лингвокультурная вариативность является результатом различий в прагматических установках и дискурсивных практиках, определяющих их использование.

Заключение

В результате многоаспектного анализа более 100 контекстов употребления БФ выявлен их значительный прецедентный потенциал в концептуализации действительности в английской и русской лингвокультурах. Полученные результаты открывают перспективы для разработки интегративной лингвокультурной модели, в которой БФ выступают в качестве диагностических маркеров, представляющих ключевые ценностные доминанты и специфику категоризации мира в различных

¹Rio Olympics 2016: Forget the hellish vision of disease, dysfunction ...// Telegraph.co.uk. 2016. URL: <http://www.telegraph.co.uk/olympics/2016/07/30/rio-olympics-2016-forget-the-hellish-vision-of-disease-dysfuncti/> (дата обращения: 11.08.2025).

²Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 1830. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.08.2025).

языковых сообществах. Доказанный прецедентный потенциал БФ позволяет рассматривать их как устойчивый инструмент для кросс-культурных и диахронических исследований, направленных на отслеживание культурных кодов в дискурсивных практиках. В исследовании выявлено, что библейские устойчивые выражения способны активировать в сознании носителей языка комплекс ассоциативных связей и ценностных установок, формируя специфические когнитивные модели восприятия действительности.

В статье выделено, каким образом прецедентный статус БФ проявляется в их двойственной природе. Доказано, что БФ сохраняют устойчивое концептуальное ядро, обеспечивающее их узнаваемость, и демонстрируют выраженную вариативность периферийных компонентов, что позволяет им адаптироваться к различным типам дискурса.

Особую значимость приобретает механизм концептуальной проекции, при котором БФ функционируют как сложные когнитивные структуры, активирующие в языковом сознании не только лингвистические значения, но и культурные сценарии. Этот механизм позволяет рассматривать БФ как культурно маркированные единицы, обеспечивающие ценностно ориентированную категоризацию в различных типах дискурса.

Установлено, что прецедентный потенциал БФ проявляется в их способности сочетать культурную устойчивость с адаптивностью к различным типам дискурса. Сохраняя базовые элементы сакрального текста Библии, они одновременно адаптируются к новым коммуникативным условиям. Эта особенность делает БФ ценным материалом для дальнейшего изучения процессов взаимодействия языка, мышления и культуры.

Список источников

1. Бакина А. Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра. Орёл: Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 2023.
2. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2008.
3. Бакина А. Д. Интегративное описание германской библейской фразеологии. М.: Модуль-К, 2025.
4. Бакина А. Д. Библейские фразеологизмы как репрезентанты глобального интертекста // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / под ред. проф. С. В. Беспаловой. Донецк: Донецкий национальный университет. 2022а. Т. 4. Ч. 2. С. 89–93.
5. Бакина А. Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2022б. Т. 22. № 5. С. 28–38.
6. Мокиенко В. М. Библейские фразеологизмы и паремии в современном социокультурном контексте: к концепции словарной репрезентации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитин // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 8. С. 193–210.
7. Михайлова Е. В. Особенности модификаций фразеологизмов в современных англо-, немецко-, франко- и испаноязычных версиях Библии: лингвокультурологический аспект / Е. В. Михайлова, В. А. Гулевец // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 6. С. 1867–1873.
8. Когнитивный термин «фрейм»: создание словарной статьи на базе специализированного текстового корпуса / А. Ю. Хоменко, В. А. Куликова, А. С. Бабий, М. С. Казюлина // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 3. С. 17–34.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума. М.: Энергия, 1979.
10. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 52–92.
11. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 105–125.
12. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 5–12.
13. Костомарова Н. А. Семантический фрейм в структуре ментального лексикона человека (на примере семантического фрейма «Человек») // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2015. Т. 31, Вып. 3. С. 23–33.
14. Бельмесова М. О. Полевая структура концепта “painting” сквозь призму лингвокультурного подхода // Язык и культура. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2013. С. 221–225.
15. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Ленанд, 2020.

16. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 105–125.
17. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.
18. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: введение в когнитивную лингвистику. 5-е изд., испр. и доп. Тамбов: Державинский, 2021.
19. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов Д. О. Добровольский. М.: Знак, 2008.

References

1. Bakina, A. D. (2023). Biblejskaja frazeologija: vchera, segodnja, zavtra [Biblical Phraseology: Yesterday, Today, Tomorrow]. Orel: Orel State University named after I. S. Turgenev. (In Russ.)
2. Zolotykh, L. G. (2008). Kognitivno-diskursivnye osnovy frazeologicheskoj semantiki [Cognitive-Discursive Foundations of Phraseological Semantics]: abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Astrakhan. (In Russ.)
3. Bakina, A. D. (2025). Integrativnoe opisanie germanskoj biblejskoj frazeologii [An Integrative Description of Germanic Biblical Phraseology]. Moscow: Modul-K. (In Russ.)
4. Bakina, A. D. (2022a). Biblejskie frazeologizmy kak reprezentanty global'nogo interteksta [Biblical Phraseological Units as Representatives of the Global Intertext]. In Donetsk Readings 2022: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time (vol. 4, part 2, pp. 89–93). Donetsk: Donetsk National University. (In Russ.)
5. Bakina, A. D. (2022b). Intertekstual'nyj potencial biblejskih frazeologizmov [Intertextual Potential of Biblical Phraseological Units]. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences," 22(5), 28–38. (In Russ.)
6. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2023). Biblical Phraseological Units and Proverbs in Modern Sociocultural Context: Dictionary Representation. Nauchnyi dialog, 12(8), 193–210. (In Russ.)
7. Mikhailova, E. V., Gulevets, V. A. (2024). Features of Modifications of Phraseological Units in modern English-, German-, French-, and Spanish-language versions of the Bible: linguistic and cultural aspect. Philology. Theory & Practice, 17(6), 1867–1873. (In Russ.)
8. Khomenko, A. U., Kulikova, V. A., Babiy, V. A., Kasylina, M. S. (2022). Kognitivnyj termin «frejм»: sozdanie slovarnoj stat'i na baze specializirovannogo tekstovogo korpusa [Cognitive term "frame": creating a dictionary entry based on a specialized text corpus]. Vestnik of Novosibirsk State University. Series "Linguistics and Intercultural Communication," 3(20), 17–34. (In Russ.)
9. Minsky, M. (1979). Frejmy dlja predstavlenija znaniy [Frames for the Representation of Knowledge]. Translated from English by O. N. Grinbaum. Moscow: Energiia. (In Russ.)
10. Fillmore, Ch. (1988). Frejmy i semantika ponimaniya [Frames and the Semantics of Understanding]. Novoje v zarubezhnoj lingvistike, (23), 52–92. (In Russ.)
11. Karaulov, Yu. N. (1986). Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii jazykovoj lichnosti [The Role of Precedent Texts in the Structure and Functioning of Linguistic Personality]. In Scientific Traditions and New Directions in Teaching Russian Language and Literature (pp. 105–125). Moscow: Moscow State University Press. (In Russ.)
12. Krasnykh, V. V. (1997). Sistema precedentnyh fenomenov v kontekste sovremennyh issledovanij [The System of Precedent Phenomena in the Context of Modern Research]. In Language, Consciousness, Communication (vol. 2, pp. 5–12). Moscow: Filologiya. (In Russ.)
13. Kostomarova, N. A. (2015). Semanticheskij frejм v strukture mental'nogo leksikona cheloveka (na primere semanticheskogo frejма «Chelovek») [Semantic Frame in the Structure of the Human Mental Lexicon (based on the semantic frame "Human")]. Vestnik of Perm State University. Series "Russian and Foreign Philology," 31(3), 23–33. (In Russ.)
14. Belmesova, M. O. (2013). Polevaja struktura koncepta "painting" skvoz' prizmu lingvokul'turnogo podhoda [The Field Structure of the Concept "Painting" Through the Lens of the Linguocultural Approach]. In Language and Culture (pp. 221–225). Novosibirsk: Tsentр razvitiya nauchnogo sotrudnichestva. (In Russ.)
15. Gudkov, D. B. (2020). Precedentnoe imya i problemy precedentnosti [Precedent Names and Problems of Precedence]. Moscow: Lenand. (In Russ.)
16. Teliya, V. N. (1988). Metafora kak model' smysloprodukcii i ee jekspressivno-ocenocnaja funkciya [Metaphor as a Model of Meaning Production and Its Expressive-Evaluative Function]. In Metaphor in Language and Text (pp. 105–125). Moscow: Nauka. (In Russ.)

17. Goffman, I. (2003). Analiz frejmov: jesse ob organizaciji povsednevnogo opyta [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Translated from English. Ed. by G. S. Batygin, L. A. Kozlova. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
18. Boldyrev, N. N. (2021). Kognitivnaja semantika: vvedenie v kognitivnuju lingvistiku [Cognitive Semantics: Introduction to Cognitive Linguistics. 5th edition, revised and enlarged]. Tambov: Derzhavinskij. (In Russ.)
19. Baranov, A. N., Dobrovol'skii, D. O. (2008). Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moscow: Znak. (In Russ.)

Информация об авторе

Горячева Мария Викторовна

аспирант кафедры английской филологии

Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

Information about the author

Goryacheva Maria Viktorovna

PhD Student of the Department of the English Philology

Orel State University named after I. S. Turgenev

Статья поступила в редакцию	10.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Симметрия как гармонизирующий принцип построения поэтических текстов (на примере стихотворного произведения Н. С. Гумилева «Много в жизни моей я трудов испытал»)

В. А. Кияшко¹, Н. Ю. Фанян²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹kiyaschkoveronika@mail.ru

²nellyfanian@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования заключается в определении роли симметрии как гармонизирующего принципа построения поэтических текстов Серебряного века. Материал исследования – произведение Н. С. Гумилева «Много в жизни своей я трудов испытал». Методы исследования – интерпретативный, лингвоаргументативный и математический. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что симметрия поэтических текстов может быть обнаружена при помощи математического анализа, а ее функция заключается в акцентировании кульминационных элементов произведения и разворачивании авторского замысла на структурно-композиционном уровне.

Ключевые слова: симметрия, гармония, Золотое сечение, число Фибоначчи, последовательность Фибоначчи, поэтический текст, Серебряный век, авторские интенции

Для цитирования: Кияшко В. А. Симметрия как гармонизирующий принцип построения поэтических текстов (на примере стихотворного произведения Н. С. Гумилева «Много в жизни моей я трудов испытал») / В. А. Кияшко, Н. Ю. Фанян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 128–135.

Original article

Symmetry as a Harmonizing Principle of the Construction of Poetic Texts (based on the example of N. S. Gumilev's poem "I have experienced a lot of tough work in my life")

Veronika A. Kiyashko¹, Nelly Yu. Fanyan²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹kiyaschkoveronika@mail.ru

²nellyfanian@mail.ru

Abstract. The study examines the role of symmetry as a harmonizing principle in the Silver Age poetic texts' composition. The research material is N.S. Gumilev's poem "I have experienced a lot of tough work in my life". The author used interpretive, linguistic argumentative, and mathematical research methods. The study concludes that symmetry in poetic texts can be detected through mathematical analysis, and its function is to emphasize the climactic elements of a work and develop the author's intent at the structural and compositional level.

Keywords: symmetry, harmony, Golden Ratio, Fibonacci number, poetic text, Silver Age, author's intentions

For citation: Kiyashko, V. A., Fanyan, N. Yu. (2026). Symmetry as a harmonizing principle of the construction of poetic texts (based on the example of N. S. Gumilev's poem "I have experienced a lot of tough work in my life"). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 128–135. (In Russ.)

Введение

Симметрия как лингвистический и художественный феномен занимает далеко не последнее место в теории и практике поэтического творчества, поскольку она способствует созданию гармонии, баланса и ритмической целостности текста, что существенно влияет на эмоциональное и интеллектуальное восприятие произведения читателем.

Актуальность исследования симметрии в поэтических текстах обусловлена многоаспектностью ее роли в формировании художественных образов, структурной организации произведения и его восприятия читателем. В данной работе она определяется также современными направлениями в области литературоведения и лингвистики, ориентированными на выявление универсальных закономерностей художественного творчества, а также на развитие его эстетического восприятия и критической рефлексии.

Современные литературоведение и лингвистика в своем развитии акцентируют внимание исследователей на междисциплинарных подходах к анализу поэтического текста, включая его структурные, когнитивные и эстетические аспекты. Анализ симметрии в индивидуально-авторской поэтике позволяет подчас по-новому «открыть», непредвзято прочесть того или иного автора. Так, мерило симметрии позволяет определить закономерности в построении образной системы поэта, раскрыть особенности его стиля, выявить механизмы воздействия его текстов на аудиторию.

Таким образом, симметрия может поочередно являться как эстетической универсалией, так и приметой авторского «почерка». Кроме того, изучение симметрии способствует углубленному пониманию художественной архитектоники произведения, что является действенным подспорьем для различных методов интерпретации и анализа текста.

Таким образом, исследование симметрии в поэтических текстах интеллектуально плодотворно. Оно способствует не только углубленному прочтению отдельно взятого текста (или автора), но также усвоению теории литературы и теории познания. Так, чувство сообразности, соразмерности и симметрии способствует расширению методов анализа поэтического текста, а также повышению уровня эстетической компетенции, что определяет практическую ценность нашей работы.

Задачи исследования:

- рассмотреть теоретические основы принципа симметрии и Золотого сечения в междисциплинарном контексте (философия, математика, искусствоведение, филология, лингвистика);

- адаптировать и применить математический алгоритм выявления гармонического центра (на основе коэффициента Фибоначчи) и винтовой симметрии (на основе последовательности Фибоначчи) к анализу поэтического текста;
- на примере стихотворения Н. С. Гумилева «Много в жизни моей я трудов испытал» определить функцию структурной симметрии в членении текста на смысловые части и противопоставлении этих частей друг другу;
- показать, как выявленные с помощью математического анализа элементы симметрии (гармонический центр, ключевые строки последовательности Фибоначчи) акцентируют кульминационные моменты в тексте и способствуют раскрытию авторского замысла.

Научная новизна исследования заключается в использовании алгоритма математического анализа, основанного на принципе Золотого сечения и числах Фибоначчи, для выявления структурной симметрии и гармонических центров в поэтическом тексте. На материале стихотворения Н. С. Гумилева демонстрируется, как количественные методы могут быть использованы для верификации филологических наблюдений над композиционно-смысловым членением текста и декодирования авторских интенций на структурном уровне с применением лингвистических методов анализа.

Основная часть

Принцип симметрии выступает в качестве фундаментального концепта, который актуализируется в природе и в искусстве. Он выражается в сохранении определенной гармонии, баланса и пропорций в структурных объектах и образах.

Симметрия с античных времен в течение длительного времени выступает в качестве предмета научного интереса исследователей различных дисциплин, в число которых входят математика, биология, геометрия, и – в последние годы – филология. В связи с этим необходимо рассмотреть, что понимается под термином «симметрия» в междисциплинарных исследованиях.

Как утверждает А. В. Шубников, открытие универсального закона симметрии принадлежит Пифагору, жизнь и деятельность которого приходится на V век до н. э. [Шубников, 1971]. В соответствии с результатами исследований А. В. Волошинова, последователи Пифагора понимали под симметрией особый способ преобразования объекта, при помощи которого его части складываются в единое целое, которому присуща упорядоченность

входящих в него элементов [Волошинов, 2024]. По представлениям Пифагора и пифагорейцев, гармония представляет собою внутреннюю связь вещей, без которой космос не смог бы существовать. Пифагорейцами была разработана концепция о созидательной сущности чисел, которая была благоклонно принята Аристотелем. Рассматривая вклад последователей Пифагора в учение о числах, он отмечает, что «элементы чисел они предположили элементами всех вещей и всю вселенную признали гармонией и числом»¹.

Учения Пифагора о симметрии и устройстве мира стали основой для формирования представлений Платона о космическом значении гармонии. Платон писал, что гармонию и симметрию возможно выразить в числовом отношении². На основании представлений Пифагора и Платона о симметрии мы приходим к выводу, что мыслители убеждены в существовании симметрии и гармонии вне зависимости от того, можем ли мы наблюдать ее во вселенной: гармония присуща каждому существующему объекту от космоса до отдельного мира каждого человека. Согласно представлениям Витрувия, симметрию следует понимать как пропорциональность, соразмерность и гармонию³. По словам В. П. Шестакова, с точки зрения древнегреческой науки гармония выступает в качестве крайне широкого понятия, которое использовалось обычно для того, чтобы обозначить устройство природы и космоса, а также красоту внешнего строения и внутреннего мира человека [Шестаков, 1973]. При этом в Древней Греции человек рассматривался как подобие космоса, соответственно – обладал гармоничным устройством, а все произведенные его руками объекты – симметрией. С. В. Лебедева утверждает, что симметрия в древнем мире являлась одной из универсальных мер, которой измеряется добродетель человека, а также его моральное состояние, в равной степени удаленное от всех эмоциональных крайностей, к примеру, от чрезмерной радости или уныния [Лебедева, 2007]. Золотое сечение, являющееся отображением гармонии в числовом отношении, впервые сформулировано в «Началах» Евклида. Ученым были сформулированы две задачи о делении отрезков на части и соотношении отрезков друг с другом⁴.

А. В. Шубников отмечает, что в эпоху античных исследователей симметрия выступала в качестве синонима к красоте [Шубников, 1971]. При этом вопросы симметрии являлись актуальными и для

исследователей более поздних периодов. Вопросами, связанными с симметрией и гармонией, занимались ученые эпохи Возрождения, в число которых входят Пьеро делла Франческа, Леонардо да Винчи, Иоганн Кеплер. Одному из выдающихся ученых Ренессанса, Луке Пачоли, принадлежит исследование «О Божественной пропорции» («Divina Proportione»), созданное непосредственно под влиянием идей Леонардо да Винчи⁵. Еще одна работа, посвященная гармонии чисел, была представлена Иоганном Кеплером и называется «Гармония мира» (в переводе на английский – «The Harmonies of the World») [Kepler, 1997]. В данном исследовании ученый обращается к сопоставлению орбит известных к тому моменту планет Солнечной системы и выявляет между ними взаимосвязь, обнаруживающую наличие в их отношении друг к другу симметрии [Kepler, 1997]. По словам А. П. Стахова, интерес к симметрии и гармонии был стимулирован христианской религией, «согласно которой Творец Вселенной и её Вседержитель есть наивысшая Гармония и Красота» [Стахов, 2012]. Не случайно принцип симметрии имеет несколько названий, среди которых «Божественная пропорция».

Несомненно, изобразительное искусство эпохи Возрождения также обнаруживает актуализацию принципа Золотого сечения, наиболее ярко проявляющуюся в работах Леонардо да Винчи, к примеру, «Мона Лиза» (1503), «Тайная вечеря» (1498). В живописи принцип симметрии выступает как средство организации визуальных и композиционных элементов, создавая ощущения гармонии, порядка и красоты.

На современном этапе интерес к особенностям актуализации симметрии не ослабевает. В первой половине XX века принцип Золотого сечения, симметрия и пропорциональность рассматривались Г. Д. Гриммом в архитектурном аспекте. В начале исследования ученый соотносил симметрию с принципами музыкальной гармонии, а позднее стал рассматривать ее как универсальный закон пропорционального строения, представленного в точных науках в виде Золотого сечения [Гримм, 1935]. Как и в эпоху Возрождения, в XX веке наблюдался интерес к Золотому сечению. Оно воспринималось в русле религиозной философии. Религиозный аспект симметрии в наибольшей степени акцентируется в работах П. А. Флоренского, который утверждает, что закон Золотого сечения можно обнаружить в большом количестве окружающих человека объектов. Кроме того, П. А. Флоренский отмечает, что золотое сечение относится к категории онтологических свойств предметов

¹Аристотель. Метафизика. М.: АСТ, 2019.

²Платон. Полное собрание сочинений. М.: Альфа-книга, 2023.

³Витрувий. Десять книг об архитектуре. М.: Архитектура-С, 2006.

⁴Евклид. Начала. М.: Ленанд, 2023.

⁵Пачоли Л. Трактат о счетах и записях. М.: Омега-Л, 2023.

и материй и отображает строение целого [Флоренский, 1999].

Конец XX – начало XXI века ознаменовывается повышением интереса к симметрии и принципу золотого сечения как в математических, так и в гуманитарных областях научного знания. Так, описывая особенности симметрии в познании, Г. Вейль отмечал, что она выступает в качестве идеи, при помощи которой человек в течение столетий пытается изучить и создать упорядоченность и красоту в мире [Вейль, 1968]. Примечательно, что сами математики и физики обращают внимание на междисциплинарный характер симметрии. Так, французский математик и физик А. Пуанкаре, рассуждая о творчестве в математике и психологии творчества, подчеркивает, что важную роль в нахождении решения сложной проблемы играет подсознание человека. По словам А. Пуанкаре, выйти на уровень сознания могут только те идеи, которые находят в психике наиболее сильный эмоциональный отклик. Именно они с точки зрения подсознания являются наиболее гармоничными, а гармония связывается с понятием симметрии [Пуанкаре, 1983]. Подтверждение этой идеи мы также находим у К. Э. Штайн, которая утверждает, что «симметрия заставляет следовать за ней, способствует выявлению гармонии» [Штайн, 2006, с. 256].

В. С. Урусов, рассматривая особенности актуализации симметрии в различных научных дисциплинах, утверждает, что «симметричная фигура состоит из равных частей, расположенных абсолютно одинаково одна относительно другой» [Урусов, 2009, с. 40]. Исследователь отмечает, что симметричные объекты подчиняются особым операциям симметрии, при которых равные части обмениваются местами и совмещают равные части объекта друг с другом [Урусов, 2009]. По словам М. К. Мугдугеовой, симметрия является категорией, которая отображает упорядоченность элементов внутри определенной системы. Как утверждает исследователь, симметрия служит для того, чтобы организовывать части целого во времени и пространстве [Мугдугева, 1989]. С. В. Лебедева, описывая особенности симметрии, утверждает, что каждая классификация, существующая в современной науке, основывается на том, что входящие в нее элементы группируются на основании общих для них признаков, которые, как правило, образуют симметричные кластеры информации. Исследователь утверждает, что «объекты или явления группируются по общности их свойств, сохраняющихся при определенных преобразованиях» [Лебедева, 2007, с. 111].

Принцип симметрии в текстологических исследованиях представляет собой аналитический

подход, в основе которого лежит выявление и использование структурных или тематических сходств и противоположностей в литературных текстах. Он предполагает, что авторы и произведения нередко организованы вокруг зеркальных или повторяющихся элементов, что помогает понять внутреннюю структуру и смысловые связи в произведении, а также интерпретировать его на глубинном уровне. Е. Г. Эткинд, рассматривая особенности актуализации симметрии в литературных текстах, в частности – поэтических, отмечает, что «в симметричные соотношения вступают различные элементы стихотворения, каждый раз образуя иной иерархический слой» [Эткинд, 1999, с. 37]. Л. М. Скредина, описывая функции симметрии в литературных произведениях, подчеркивает, что она служит для скрепления отдельных частей текста, что уравнивает их соотношение [Скредина, 2024]. О. Н. Гринбаум утверждает, что симметрия обеспечивает ритмическую организацию отдельно взятого произведения [Гринбаум, 2012].

Одним из основных видов симметрии, выявляемых в литературных произведениях, является винтовая симметрия, описываемая в трудах К. Э. Штайн [Штайн, 2006]. С опорой на исследования данного ученого уточним, что винтовая симметрия представляет собой художественный прием, связанный с моделями структурной организации поэтического произведения, при котором элементы повторяются и «вращаются» вокруг определенной оси или центра, кульминационного момента стихотворного текста, создавая ощущение плавности, ритмической гармонии и динамики. Актуализация данного принципа построения поэтического произведения характерна для текстов, созданных поэтами Серебряного века. Отметим, что деятели указанного периода по-разному относились к проявлениям симметрии в искусстве. Так, А. А. Блок характеризует симметрию как «губительный яд правильности», который разлагает живую жизнь¹. Поэт связывает симметрию со стилизацией, что, по словам К. Э. Штайн, делает ее отдельным художественным приемом, обладающим определенной семантикой [Штайн, 2006].

Материал исследования

В рамках настоящего исследования мы обратимся к анализу творчества Н. С. Гумилева и выявим особенности актуализации принципа золотого сечения в симметричном построении поэтического текста и реализации авторских интенций.

¹Блок А. А. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1963.

Поэтическое творчество Н. С. Гумилева отличается героизмом, пронизано духом рыцарства, а лирический герой – часто конквистадор, рыцарь, завоеватель, отважный античный полководец или воин, что особенно отчетливо проявляется в ранних поэтических сборниках «Путь конквистадоров» (1905), «Романтические цветы» (1908). Тем не менее, лирика Н. С. Гумилева, хоть и обращена к самой жизни с ее конкретными деталями, элементами, воспроизводящими описываемую эпоху сообразно принципам акмеизма, во многом романтична, так как изображает, по словам Н. В. Барковской, «человека с нежной, уязвимой, ранимой душой» [Барковская, 2010, с. 12]. Таким представляется и романтический герой стихотворного произведения «Много в жизни моей я трудов испытал» (1903).

Методы исследования

В работе использован комплекс методов анализа: интерпретативный, лингвоаргументативный, математический, лексико-семантический.

Система выявления гармонических центров организации художественного текста, а следовательно – определение симметричной организации стихотворного произведения, предложена Н. В. Черемисиной. В соответствии с алгоритмом, разработанным данным исследователем, количество структурных элементов, насчитываемых в произведении, умножается на коэффициент золотого сечения, соответствующий числу Фибоначчи ($H = 0,618$) [Черемисина, 1981]. Именно тот элемент, который оказывается в точке актуализации Золотого сечения, и будет считаться гармоническим центром произведения. В настоящем исследовании мы опираемся на предложенный алгоритм выявления симметрии художественного текста и применяем его в отношении стихотворных произведений.

Полученные результаты

Текст стихотворного произведения Н. С. Гумилева «Много в жизни моей я трудов испытал» (1903) состоит из пяти катренов, относящихся друг к другу как $3/2$ в семантическом плане. Первые три катрена представляют собой повествование романтического персонажа о тяжелой борьбе, которую он вел долгие годы при поддержке некоего «благодатного, таинственного гения» (Н. С. Гумилев. *Много в жизни моей я трудов испытал*). Во второй части стихотворного произведения лирический герой сожалеет о невозвратно ушедших былых годах, проведенных в борьбе, и исчезнувшем «гении надежды» (Н. С. Гумилев. *Много в жизни моей я трудов испытал*), что тяготит повествователя.

Рассматривая лексический уровень построения произведения, отметим, что в первой части преобладают глаголы, отражающие воинственный настрой лирического героя: «испытал», «вынес», «спасал», «стремился» (Н. С. Гумилев. *Много в жизни моей я трудов испытал*). Среди существительных в первой части выделяются также лексические единицы, которые формируют образ отчаянно борющегося с силами зла воина, являющегося характерным для большого количества стихотворных произведений Н. С. Гумилева: «борьба», «надежда». Прилагательные в сочетании с существительными описывают критические ситуации, которые приводят исключительного лирического героя к переживанию экзистенциального кризиса, делая его истинно романтическим персонажем: «великая борьба», «вражеская сила», «злое начало», «бодро стремился» (Н. С. Гумилев. *Много в жизни моей я трудов испытал*). При этом, какими бы ни были испытания, пройденные повествователем, они не тяготили его настолько, насколько «тяготит мой позорный покой» (Н. С. Гумилев. *Много в жизни моей я трудов испытал*), что продемонстрировано во второй части произведения, резко противопоставленной первой на лексико-семантическом уровне. Так, в последних двух катренах преобладают глаголы, передающие состояние тоски и печали, овладевающее лирическим персонажем, лишенным привычной ему борьбы с силами зла: «доживаю», «тяготит», «вздыхаю», «отлетел» (Н. С. Гумилев. *Много в жизни моей я трудов испытал*). Показательны прилагательные, использованные во второй части произведения: «тяжелый», «позорный», «жалкий», «малодушно-холодный» (Н. С. Гумилев. *Много в жизни моей я трудов испытал*). На основании проведенного лексико-семантического анализа рассматриваемого поэтического произведения мы делаем вывод о том, что первые три катрена действительно противопоставлены последним двум катренам. Такое соотношение композиционных звеньев художественного целого проявляется при помощи использованных лексических единиц, отображающих состояние лирического героя текста в различные периоды его жизни.

Анализируя текст стихотворного произведения с точки зрения актуализации принципа золотого сечения, умножим общее количество строк (20) на коэффициент числа Фибоначчи (0,618). Результат равен 12,36. На основании принципа, предложенного Н. В. Черемисиной, предполагаем, что именно в 12 строке будет представлен гармонический центр стихотворного произведения. Обратившись к тексту, отмечаем, что 12 строка является завершающей для первой семантической части повествования о годах лирического

персонажа, наполненных борьбой: «На борьбу против злого начала» (*Н. С. Гумилев. Много в жизни моей я трудов испытал*). С 13-й строки начинается вторая семантическая часть произведения, посвященная состоянию повествователя, в котором он находится в настоящее время («измучен», «доживаю», «тяготит») (*Н. С. Гумилев. Много в жизни моей я трудов испытал*).

Таким образом, анализ актуализации принципа золотого сечения по методу, разработанному Н. В. Черемисиной, демонстрирует, что в произведении обнаруживается симметрия золотого сечения, выполняющая функцию разделения текста на смысловые отрезки, а также подчеркивающая противопоставление первой и второй частей произведения.

Проводя анализ актуализации симметрии в поэтическом произведении посредством коэффициента Фибоначчи, считаем целесообразным обратиться к последовательности Фибоначчи, представленной цепочкой чисел 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21 и т. д., и проанализировать соотношение витков симметрии с актуализацией авторских интенций, заложенных в поэтическом тексте. Для этого рассмотрим строки под номерами, совпадающими с числами, формирующими последовательность Фибоначчи.

1-я строка: «Много в жизни моей я трудов испытал» (*Н. С. Гумилев. Много в жизни моей я трудов испытал*) – лирический герой начинает повествование о жизни, которая была полна нелегких испытаний.

2-я строка: «Много вынес и тяжких мучений» (*Н. С. Гумилев. Много в жизни моей я трудов испытал*) – лирический герой подчеркивает, что ему пришлось пройти нелегкий жизненный путь. Ощущение жизненных трудностей и неурядиц достигается за счет использования анафоры в начале строки, выраженной при помощи повторяющегося наречия «много», семантически и синтаксически соотносящегося с лексическими значениями существительных («испытания, тяготы, невзгоды»: «много трудов» – «много мучений»).

3-я строка: «Но меня от отчаянья часто спасал» (*Н. С. Гумилев. Много в жизни моей я трудов испытал*) – лирический герой вводит в повествование о трудностях элемент, способствующий преодолению невзгод и нападков врага. Тональность произведения меняется за счет противопоставления предыдущим двум строкам, реализуемого посредством использования противительного союза «но».

5-я строка: «Я не раз в упоеньи великой борьбы» (*Н. С. Гумилев. Много в жизни моей я трудов испытал*) – лирический герой с гордостью

вспоминает проведенные им битвы, что представлено при помощи существительного «упоенье», обладающего положительной коннотацией и прилагательного «великий», использованного для характеристики борьбы. За счет данных лексических единиц эмоциональное напряжение в тексте нарастает.

8-я строка: «Находился у края могилы» (*Н. С. Гумилев. Много в жизни моей я трудов испытал*) – лирический герой подчеркивает состояние экзистенциального напряжения, возникающего в наиболее острых ситуациях.

13-я строка: «А теперь я измучен тяжелой борьбой» (*Н. С. Гумилев. Много в жизни моей я трудов испытал*) – смещение фокуса с прошлого на настоящее, противопоставление «прошлой жизни», наполненной битвами со злом, и жизни настоящей (средством наречия «теперь» с противительным союзом «а»), в которой не осталось места былым подвигам. Лирический герой предстает не романтиком-завоевателем, а измученным старцем.

20-я строка: «Малодушно-холодные слезы» (*Н. С. Гумилев. Много в жизни моей я трудов испытал*) – лирический герой утверждает, что все, что ему осталось в этой жизни – слезы по ушедшим подвигам.

В проанализированных строках актуализируется авторская интенция, которая, по нашему предположению, заключалась в том, чтобы показать некогда полному сил героя, находящегося в противостоянии окружающему миру, сопротивляющегося обстоятельствам различного рода, разбитым и сломленным, сожалеющим о том, что больше сил на борьбу не осталось. Отметим, что декодировать авторские интенции представляется возможным при рассмотрении строк 1, 2, 3, 5, 8, 13, 20 (так как в произведении 20 строк), формирующим спираль золотого сечения с небольшой погрешностью, объясняемой объемом стихотворного произведения.

Заключение

Подведем итог проведенного исследования.

1. Принцип симметрии объединяет природные формы и человеческое творчество в стремлении к гармонии и упорядоченности мира. Он служит универсальным инструментом для понимания окружающей действительности и ее эстетического оформления, отражая внутреннюю закономерность развития и баланс, присущие всему существующему во вселенной.

2. Симметрия выступает в качестве предмета исследования большого количества дисциплин, включая филологию.
3. Симметрия обнаруживается в поэтических текстах при делении общего количества элементов, формирующих поэтический текст (строк) на коэффициент Фибоначчи (0,618).
4. Принцип золотого сечения актуализируется в поэтическом тексте при прохождении витков спиральной симметрии по элементам художественного текста под номерами, совпадающими с числами, входящими в последовательность Фибоначчи.
5. Функция золотого сечения в стихотворном произведении Н. С. Гумилева «Много в жизни моей я трудов испытал» заключается в разделении текста на смысловые отрезки и их противопоставлении друг другу.
6. Строки стихотворного произведения, расположенные на оси винтовой симметрии, отображают авторские интенции и

способствуют декодированию смысла поэтического текста.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что принцип симметрии служит мощным инструментом для углубленного анализа литературных текстов, позволяя выявить их внутреннюю гармонию, смысловые контрасты и художественные закономерности.

Следующий этап работы в этом направлении – исследование психолингвистических и лингвопоэтических особенностей воздействия симметрии и принципа золотого сечения поэтических текстов на читательское восприятие. Нами будет проведен эксперимент, направленный на выявление возможности определения актуализации принципа золотого сечения в стихотворных произведениях поэтов Серебряного века на уровне восприятия читателей.

Исследование может быть продолжено анализом произведений символистов Серебряного века русской литературы, а также символистов конца XIX – начала XX века в поэзии на немецком языке.

Список источников

1. Шубников А. В. У истоков кристаллографии. М.: Наука, 1971.
2. Волошинов А. В. Математика в музыке. Алгебра гармонии: Единство математики и искусства, или Природа прекрасного и красота науки. М.: Ленанд, 2024.
3. Шестаков В. П. Гармония как эстетическая категория. М.: Наука, 1973.
4. Лебедева С. В. Закон симметрии и его универсальный характер // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2007. № 2. С. 107–111.
5. Kepler J. The Harmonies of the World. Philadelphia: Amer Philosophical Society, 1997.
6. Стахов А. П. Математика гармонии: от Евклида до современной математики и компьютерной науки // Вестник евразийской науки. 2012. № 4 (13). С. 3–105. EDN PVXENJ.
7. Гримм Г. Д. Пропорциональность в архитектуре. Ленинград: ОНТИ, 1935.
8. Флоренский П. А. Сочинения: У водоразделов мысли. М.: Мысль, 1999.
9. Вейль Г. Симметрия. М.: Наука, 1968.
10. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983.
11. Штайн К. Э. Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: Издательство СГУ. 2006.
12. Урусов В. С. Симметрия-диссимметрия в эволюции мира // Исследователь / Researcher. 2009. № 1. С. 60–81. EDN QRMMUI.
13. Мугдужева М. К. Симметрия как пространственно-временная организация стихотворного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
14. Эткин Е. Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки славянской культуры, 1999.
15. Скредина Л. М. История французского языка. М.: Юрайт, 2024.
16. Гринбаум О. Н. Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов. СПб: СПбГУ, 2012.
17. Барковская Н. В. Поэзия серебряного века. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2010.
18. Черемисина Н. В. Вопросы эстетики русской художественной речи. Киев: Вища школа, 1981.

References

1. Shubnikov, A. V. (1971). U istokov kristallografii [At the sources of crystallography]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

2. Voloshinov, A. V. (2024). Matematika v muzyke. Algebra garmonii: Edinstvo matematiki i iskusstva, ili Priroda prekrasnogo i krasota nauki [Mathematics in music. Algebra of Harmony: The unity of mathematics and art, or the Nature of beauty and the beauty of science]. Book 2. Moscow: Lenand. (In Russ.)
3. Shestakov, V. P. (1973). Garmoniya kak esteticheskaya kategoriya [Harmony as an aesthetic category]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Lebedeva, S. V. (2007). The law of symmetry and its universal character. Bulletin of Pskov State University. Series: Natural and physico-mathematical sciences, 2, 107–111. (In Russ.)
5. Kepler, J. (1997). The Harmonies of the World. Philadelphia: Amer Philosophical Society.
6. Stahov, A. P. (2012). Mathematics of Harmony: from Euclid to Modern Mathematics and Computer Science. Bulletin of Eurasian Science, 4(13), 3–105. (In Russ.)
7. Grimm, G. D. (1935). Proporcionalnost v arhitekture [Proportionality in architecture]. Leningrad: ONTI. (In Russ.)
8. Florenskij, P. A. (1999). Sochineniya: U vodorazdelov mysli [Essays: At the watersheds of Thought]. Moscow: Mysl. (In Russ.)
9. Vejл, G. (1968). Simmetriya [Symmetry]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Puankare, A. (1983). O nauke [About science]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Shtajn, K. E. (2006). Garmoniya poeticheskogo teksta. Sklad. Tkan. Faktura [The harmony of the poetic text. Structure. Cloth. The invoice. Stavropol: SGU]. (In Russ.)
12. Urusov, V. S. (2009). Symmetry-dissymmetry in the evolution of the world. Researcher, 1, 60–81. (In Russ.)
13. Mugdueva, M. K. (1989). Simmetriya kak prostranstvenno-vremennaya organizaciya stihotvornogo teksta. [Symmetry as a spatial and temporal organization of a poetic text: abstract of PhD thesis in Philology. Moscow]. (In Russ.)
14. Etkind, E. G. (1999). Bozhestvennyj glagol. Pushkin, pročitannyj v Rossii i vo Francii [The Divine Verb. Pushkin, read in Russia and France]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ.)
15. Skrelina, L. M. (2024). Istoriya francuzskogo yazyka [The history of the French language]. Moscow: Yurait. (In Russ.)
16. Grinbaum, O. N. (2012). Osnovy matematiko-garmonicheskogo analiza poeticheskikh tekstov [Fundamentals of mathematical and harmonic analysis of poetic texts]. St. Petersburg: SPbGU. (In Russ.)
17. Barkovskaya, N. V. (2010). Poeziya serebryanogo veka [Poetry of the Silver Age]. Ekaterinburg: Uralskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. (In Russ.)
18. Cheremisina, N. V. (1981). Voprosy estetiki russkoj hudozhestvennoj rechi. [Questions of aesthetics of Russian artistic speech]. Kiev: Vischa shkola. (In Russ.)

Информация об авторах

Кияшко Вероника Александровна

преподаватель кафедры немецкой филологии
Кубанского государственного университета

Фанян Нелли Юрьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры французской филологии Кубанского государственного университета

Information about the authors

Kiyashko Veronika Alexandrovna

Lecturer at the Department of German Philology, Kuban State University

Fanyan Nelly Yurievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of French Philology, Kuban State University

Статья поступила в редакцию	19.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	16.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Стремление, разрушение, возрождение – самоспасение Мидзогути в романе «Золотой храм»

Сун Шэннань¹, Лю Цзинцзюань²

^{1,2}Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, Китай

¹3228770988@qq.com

²jingjuan1203@163

Аннотация. Цель исследования – детально проанализировать текст романа «Золотой храм» (Кинкакудзи) через призму концептов «стремление», «разрушение», «возрождение», «самоспасение». Материал исследования – роман японского писателя Юкио Мисимы «Золотой храм», основанный на реальных событиях. Методы исследования – психологическая интерпретация, текстуальный анализ. Результаты исследования: показано, что переход главного героя Мидзогути от предельного поклонения Кинкакудзи до его полного разрушения в своей сути представляет собой радикальную форму самоспасения, в основе которой лежит буддийская духовная установка на «разрушение привязанности» и «отрешенность». Одновременно роман Юкио Мисимы отражает поиск японским обществом выхода из послевоенных духовных руин.

Ключевые слова: Юкио Мисима, «Золотой храм», Мидзогути, стремление, разрушение, возрождение, самоспасение, буддизм

Для цитирования: Сун Шэннань, Лю Цзинцзюань. Стремление, разрушение, возрождение – самоспасение Мидзогути в романе «Золотой храм» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 136–143.

Original article

Anticipation, Destruction, Rebirth – Mizoguchi’s Self-salvation in “Kinkakuji”

Sun Shengnan¹, Liu Jingjuan²

^{1,2}Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China

¹3228770988@qq.com

²jingjuan1203@163.com

Abstract. The purpose of this study is to examine the text of the novel “The Golden Temple” through the prism of the concepts of desire, destruction, rebirth, and self-salvation. The research material is the novel “The Golden Temple” by Japanese writer Yukio Mishima, based on real events. The research methods include psychological interpretation and textual analysis. The study demonstrates that the protagonist Mizoguchi’s transition from utter worship of Kinkaku-ji to its complete destruction is, at its core, a radical form of self-salvation, rooted in the Buddhist spiritual ethos of “destruction of attachment” and “detachment.” It also reflects Japanese society’s search for a way out of the post-war spiritual ruins.

Keywords: Yukio Mishima, Kinkaku-ji, Mizoguchi, anticipation, destruction, rebirth, self-salvation

For citation: Sun Shengnan, Liu Jingjuan (2026). Anticipation, Destruction, Rebirth – Mizoguchi’s self-salvation in “Kinkakuji”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 136–143. (In Russ.)

Введение

Юкио Мисима – один из самых значительных авторов современной японской литературы, его роман «Золотой храм» по праву считается важнейшим произведением не только японской, но и мировой литературы. В 1950 году молодой буддийский послушник поджег знаменитый храм Кинкакудзи в Киото, что вызвало широкий общественный резонанс. Мисима Юкио дал волю своему воображению и создал свое произведение на основе признания послушника: «Я завидую красоте храма Кинкакудзи».

В 1956 году, вскоре после публикации романа, Юкио Мисима был удостоен японской литературной премии «Ёмиури». С тех пор его роман «Золотой храм» переведен на многие языки мира, Юкио Мисимо прославлен за рубежом и признан классиком современной японской литературы. Известный литературный критик Мицуо Накамура считает, что успех романа вполне заслужен, даже если он поставлен в ряд шедевров современных японских романов и является «творением в истинном смысле» [中村光夫, 1956, с. 69]. Такео Окуно высоко оценил это произведение: «Это высший уровень творчества Мисимы, кульминация эстетики Мисимы» [奥野健男, 1993, с. 432].

Ученые в Китае и Японии провели множество исследований романа «Золотой храм» с точки зрения эстетической мысли, концепций жизни и смерти и достигли плодотворных результатов. По мнению Уэды, настоящий храм Кинкакудзи был сожжен, а идеальный храм Кинкакудзи в воображении главного героя Мидзогучи, получил вечную жизнь [上田茜, 2024]. Нин Хао Юй и Цяо Липин отмечают, что взаимодействие между главным героем и храмом Кинкакудзи отражает процесс трансформации красоты и эстетики Кинкакудзи: от традиционной эстетики красоты как зеркального отражения себя к отрицанию «идеального себя», к распаду безукоризненной красоты и, наконец, к поиску красоты за рамками эстетики [宁浩宇, 乔莉萍, 2022, с. 98–106]. Ван Юньтао подчеркивает, что образ Мидзогучи богат эстетическим и историческим смыслом и глубоким философским значением [王运涛, 2023].

Актуальность настоящего исследования определяется выбранной оптикой постижения романа – вниманием к психологической и духовной трансформации главного героя. В опубликованных ранее исследованиях изучается преимущественно эстетика и концепция жизни и смерти, но недостаточное внимание уделяется главному герою в романе или во всяком случае его личность рассматривается поверхностно.

Новизна исследования заключается в интерпретации акта поджога Мидзогучи Золотого храма как радикальной формы духовного освобождения, в которой заключены буддийские идеи «разрушения привязанности» и «отрешенности».

Для достижения вышеуказанных целей необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать различное отношение главного героя Мидзогучи к Золотому храму на разных этапах его жизни;
- 2) выявить внутренние истоки различий в восприятии Мидзогучи красоты Кинкакудзи на разных этапах его жизни;
- 3) установить взаимосвязь между психологической трансформацией героя – от поклонения красоте к ее разрушению – и процессами формирования его субъектности и самоспасения.

Материалом исследования является текст романа Юкио Мисимы «Золотой храм». Исследование выполнено с применением методов текстуального анализа и психологической интерпретации.

Результаты и обсуждения

1. Стремление к красоте – поклонение храму Кинкакудзи

Главный герой, Мидзогучи, вырос в бедной семье в отдаленной японской деревне. Его отец был настоятелем местного храма, однако семья находилась в крайне бедственном положении. Став свидетелем связи матери с другим мужчиной, Мидзогучи отдался от нее и даже питал к ней чувство ненависти. Страдающий заиканием, болезненный и внешне непривлекательный, он часто подвергался насмешкам, что привело его к замкнутости и чувству собственной неполноценности. Другие считали его чужаком, и он не желал искать понимания, поэтому всегда оставался вне социума. Солнечный свет, цветы, радость и всё прекрасное, кажется, к нему не имеет никакого отношения. Отрешенный от реальной жизни, Мидзогучи часто живет в собственном воображении. Он воображает себя тираном, королем своего внутреннего мира, обладающим абсолютной властью. В глубине души он наказывает тех, кто дискриминировал его, одного за другим. У него «было ощущение: я открываю свои объятия темному миру. Пусть майские цветы, униформа и одноклассники с плохими намерениями скоро попадут в мои руки» (三島由纪夫. 金阁寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社. 2019. С. 7–8). Он даже не отпустил девушку своей мечты Уико. После того, как Мидзогучи перехватил Уико по дороге и подвергся жестокой ругани

с ее стороны, он «начал проклинать ее, желая, чтобы она как можно скорее скончалась» (三島由紀夫. 金閣寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社, 2019, с. 12).

Человек – социальное существо. Независимо от индивидуальных особенностей, у каждого присутствует потребность принадлежать к людскому сообществу. Подвергаясь насмешкам окружающих, молодой Мидзогучи не мог открыть дверь во внешний мир из-за своего заикания. Он считал храм Кинкакудзи «самым прекрасным существом в мире», своим духовным пристанищем. Перед ним часто возникал образ Храма Кинкакудзи. Он жаждал красоты и хотел быть ближе к ней. Он считал «свою бедность лишь внешней, а внутри он богат безмерно», и чувствовал, что «где-то в этом мире, кажется, лежит тяжелое поручение, о котором я еще не знаю, ожидающее, когда я его несу» (三島由紀夫. 金閣寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社. 2019, с. 5–6). Храм Кинкакудзи «существует в фантазии и нереальности. Он существует в “моей” душе и стал стандартом, по которому «я» измеряю все в мире». Мидзогучи «получил огромное утешение и очарование в фантазиях о красоте храма Кинкакудзи» [郭勇, 2007, с. 65].

Однако, утешая себя, он одновременно ощущал, что не имеет никакого отношения к красоте: «Когда я осознавал, что красота уже существует где-то, о месте существования я не знаю, мое сердце невольно наполнялось беспокойством и тревогой. Если красота действительно существует, то мое собственное существование, естественно, оказывается исключенным из красоты» (三島由紀夫. 金閣寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社, 2019, с. 21).

Чрезмерное поклонение Мидзогучи Золотому храму по своей сути является результатом совместного воздействия интериоризации объекта и комплекса личности. Опираясь на теорию объектных отношений, мы интерпретируем идеализацию Мидзогучи Золотого храма как интериоризацию и попытку восстановить разрушенные отношения с матерью, восполнить психологическую пустоту, возникшую в детстве. Одновременно, согласно теории компенсации чувства неполноценности, А. Адлера [阿尔弗雷德·阿德勒, 2017], чтобы преодолеть экзистенциальное одиночество, вызванное заиканием, Мидзогучи под влиянием комплекса неполноценности стремится к чрезмерной компенсации, проецируя идеальное «Я» на Золотой храм и через привязанность к его совершенству приобретает ощущение собственной ценности.

Сакрализация Кинкакудзи фактически воплощает стремление героя к «совершенному бытию», компенсируя недостатки реальной жизни. Такое

поклонение несет в себе двойную угрозу. Во-первых, подобное поклонение характеризуется иллюзорностью объектных отношений – будучи неживым объектом, Кинкакудзи не способен откликнуться на эмоциональные потребности человека и неизбежно превращается в односторонний пустой контейнер проекций. Во-вторых, поклонение представляет собой хрупкую компенсационную систему – когда реальность разрушает идеализированный образ, система компенсации мгновенно рушится, а поклонение превращается в ненависть. На этом этапе эмоциональная привязанность Мидзогучи к Золотому храму достигает пика, что закладывает основу для последующего перехода к враждебности.

2. Слияние с красотой – разрушение вместе с храмом Кинкакудзи

После смерти отца, следуя его наставлениям, Мидзогучи поступает в послушники в храм Кинкакудзи. Теперь, находясь рядом с храмом, он ощущает его красоту еще острее. Но в то же время он по-прежнему исключен из красоты. Когда Мидзогучи мучился от невозможности найти смысл своего существования, Вторая мировая война вступила в завершающую стадию. Японская земля подвергалась бомбардировкам, и многие места были разрушены до основания вследствие воздушных налетов, даже храм Кинкакудзи мог быть уничтожен в любой момент. Мидзогучи был удивлен, обнаружив, что людей можно легко уничтожить на войне, и вполне возможно, что храм Кинкакудзи будет разрушен, как и он сам! Возможность быть уничтоженным придает храму Кинкакудзи трагическую красоту в реальности, что полностью совпадает с прощальной красотой храма Кинкакудзи в сознании Мидзогучи: имея жизнь и смерть, храм действительно стал самым красивым и непостоянным символом. «Мне придавало сил сознание, что мы с ним подвергаемся одной общей опасности. Я нашел посредника, способного связать меня с Храмом. Теперь между мной и Прекрасным, доселе отвергавшим и игнорировавшим мое существование, протянулся мост», «Я буквально пьянел от одной мысли, что единый пламень может уничтожить нас обоих. Общность ниспосланного на нас проклятия, общность трагической, огненной судьбы давали мне возможность жить с Храмом в одном измерении» (三島由紀夫. 金閣寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社. 2019, с. 48). Мидзогучи помещает себя в то же измерение, что и Золотой храм. Его взволновала мысль о том, что он и красота имеют одну и ту же идентичность, и возможность слияния в одно целое. Он начал с нетерпением ждать огня войны, который

сожжет его и Кинкакудзи вместе, чтобы он мог стать воплощением красоты. Каждый день его посещала мысль о том, что он как замершая над Храмом птица, подобно истинному Фениксу, возродится в пламени и взметнется в небеса. В этот момент Мидзогучи нашел смысл жизни и способ самоспасения, и построил для себя мир, в котором можно выжить. Конечно, такого рода спасение совершается после разрушения; так птица Феникс в огне, возрождается после гибели.

Однако Япония потерпела поражение, Киото был избавлен от воздушных налетов, а храм Кинкакудзи уцелел. Мечта о совместном уничтожении с храмом Кинкакудзи не осуществилась, и Мидзогучи внезапно ощутил потерю смысла выживания, осознав, что тесные связи, которые связывали его с Кинкакудзи, исчезли: «Наша связь оборвалась, – подумал я. – В прах рассыпалась иллюзия, будто мы живем с ним в одном мире. Все будет как прежде, только еще безнадежнее. Я – здесь, а Прекрасное – где-то там. И так будет теперь всегда, до скончания века...» (三島由紀夫. 金閣寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社. 2019, с. 67). Он всё же не был един с красотой. Красота находилась где-то там, недосыгаемая и неуловимая. Мидзогучи постоянно находился в состоянии тревоги, испытывая глубокую внутреннюю боль и страдания. В этот момент Кинкакудзи – уже не спасительная соломинка для Мидзогучи, а демон, толкающий его в бездну.

Фантазия Мидзогучи о совместном сожжении себя и Золотого храма, возникшая у него в конце Второй мировой войны, по своей сути является современной интерпретацией средневековой эстетики «моно но аварэ» (яп. *もののあはれ* – «печальное очарование вещей», эстетическая категория японской классической литературы). Данная эстетическая система, будучи продуктом синтеза дзэн-буддийской мысли и духа бусидо (яп. *武士* – «путь воина», этико-эстетический кодекс самураев), концентрированно выражает эстетическое сознание самурайского сословия. В ее основе лежит стремление подчеркнуть мужественную трагичность и готовность встретить смерть, проявляемые самураем перед лицом войны и неизбежного конца [雷芳, 2018, с. 57–63]. Фантазия Мидзогучи о сожжении оказывается во многом изоморфной парадигме «уничтожение как вечность», возвышаемой средневековой эстетикой «моно но аварэ». Тем самым подтверждается онтологическая специфика данного духа, выражающаяся в установке «быть-к-смерти» (*Sein-zum-Tode*).

Однако данная фантазия Мидзогучи в конечном итоге не была реализована вследствие поражения Японии. Эта «структурная депривация мученичества» (*structural deprivation of martyrdom*)

означала не только личный крах Мидзогучи, но и в более глубоком измерении метафорически выражала коллективную психическую травму (*psychic trauma*) военного поколения японцев. Исторически они были лишены возможности достичь духовного возвышения через акт самоуничтожения и вынуждены искать выход в условиях послевоенного поражения и унижения.

3. Ненависть к красоте – стремление разрушить храм Кинкакудзи

После того, как мечта о разрушении вместе с храмом Кинкакудзи разбилась, Мидзогучи по наущению своего сокурсника Кашиваги, у которого также были физические недостатки, отказался от стремления к «свету жизни» и выбрал «темный путь жизни, ведущий изнутри», то есть Мидзогучи решил противостоять тьме общества злыми поступками. Он научился прогуливать занятия, воровать и грезил о непочтительном обращении с женщинами. Однако всякий раз, когда он хотел завязать отношения с женщиной, в его сознании возникал великолепный образ Золотого Храма, который не давал ему покоя и останавливал его разрушительные порывы. Кинкакудзи стоит между Мидзогучи и реальной жизнью, как бы говоря ему, что его стремление к «жизни» иллюзорно, пытаясь спасти его от падения в ад. После нескольких неудачных попыток завязать отношения с женщинами, Мидзогучи понял, что не может полностью отказаться от стремления к красоте и не может противостоять реальности, играя в жизнь под лозунгом исследования неизведанного мира, как это делал Кашиваги. Он не может «одной рукой дотянуться до вечности, а другой – прикоснуться к жизни» (三島由紀夫. 金閣寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社, 2019, с. 130). Стремясь к красоте, он не может ее достичь, а когда пытается отказаться от нее в пользу реальной жизни, красота вновь останавливает его. Красота не может спасти его от темной реальности и не позволяет ему совершать злодеяния и войти в «жизнь». Красота перестала быть просто красотой и превратилась в соучастницу зла.

К полному отчаянию и разочарованию Мидзогучи привел разрыв его отношений с настоятелем Кинкакудзи. Не сумев уничтожить себя вместе с Кинкакудзи, Мидзогучи возложил надежду на то, чтобы стать настоятелем храма и таким образом достичь цели слияния с вечной красотой. Однако он случайно стал свидетелем непотребного поведения настоятеля, он вызвал на себя гнев и ненависть настоятеля. Настоятель прямо сказал Мидзогучи, что не намерен поставить его своим преемником. Путь

к наследованию Золотого храма был окончательно закрыт для него, и он больше не имел возможности обладать красотой храма.

Мидзогучи наконец ясно осознал, что красота и «жизнь» существуют в двух различных измерениях. Чтобы войти в реальную жизнь, нужно отказаться от стремления к красоте, так как красоты в реальной жизни не существует. По мнению Мизогути, реальность уродлива, но поскольку Кинкакудзи (красота) существует, он не может войти в жизнь. Красота не существует в реальном мире, а Кинкакудзи прекрасен, и поэтому Кинкакудзи не должен существовать в этом мире. Только предав огню храм Кинкакудзи и «превратив мир, где существует храм Кинкакудзи, в мир, где храма Кинкакудзи не существует», Мидзогучи сможет по-настоящему войти в реальную жизнь, и красота храма Кинкакудзи по-настоящему сможет стать красотой. Чтобы освободиться от оков красоты и войти в реальную жизнь, даже греховную, единственный путь – сжечь храм Кинкакудзи.

С этого момента храм Кинкакудзи – уже не объект обожания и поклонения красоте, а враг. Раньше Мидзогучи любил красоту Кинкакудзи, потому что Кинкакудзи был его мечтой, его стремлением и единственным светом, соединяющим его с реальным миром. А теперь он ненавидит красоту Кинкакудзи, потому что Кинкакудзи – его враг и препятствие. Единственный способ справиться с врагом – уничтожить его. Только разрушив Кинкакудзи, он смог обрести новую жизнь и истинную красоту.

Враждебные чувства Мидзогути по отношению к Золотому храму логично и естественно рассматривать как реактивный эффект, вызванный крахом идеализированного объекта. По теории компенсации чувства неполноценности А. Адлера Золотой храм изначально служил вместилищем проекции Мидзогути на совершенное «Я»: комплекс неполноценности юноши с заиканием находил компенсаторное искупление в вечной красоте храма. Однако целый ряд событий – препятствие его эротическому опыту, которое последовало со стороны храма, обострение конфликта с настоятелем и др. – привели к радикальному перевороту в восприятии Мидзогути: его экстремальная любовь к храму трансформировалась в крайнюю враждебность, что породило импульс к разрушению.

4. Разрушение красоты – сжечь Кинкакудзи

Мидзогучи решил сжечь Кинкакудзи. В это время он почувствовал, что этот выбор не только принес ему чувство свободы и раскрепощения, но также принес ему чувство достоинства и счастья. «Именно такими глазами смотрел я на жизнь

– на этом, да еще на сознании того, что конечный результат зависит только от меня, и злилась моя свобода» (三島由紀夫. 金閣寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社. 2019, с. 209). «В сторону мечты, я больше не надеюсь за счет женщины вступить в контакт с жизнью» (三島由紀夫. 金閣寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社. 2019, с. 231). Заикания, уродства и бедности, казалось, больше не существовало. Мидзогучи стал человеком, у которого действительно была «жизнь». Он щедро и доброжелательно относился к людям и спокойно ходил в публичные дома, как священник купается в благовониях перед жертвоприношением или самурай приводит в порядок свою одежду перед смертью.

В темную ночь Мидзогути, наконец, осуществил давно вынашиваемый замысел – предал Золотой храм огню. Этот последний акт разрушения включает в себе глубокий буддийский смысл. С буддийской точки зрения поджог Золотого храма Мидзогути может быть интерпретирован как радикальное разрушение «привязанности к дхарме». Что такое «привязанность к дхарме»? Согласно буддийскому учению, все живые существа подвержены множеству иллюзорных привязанностей (клеш), среди которых одной из наиболее глубоких является представление о сущем как о фиксированном, неизменном и реально субстанциальном. Именно эта установка и называется «привязанность к дхарме». До поджога Мидзогути был чрезмерно очарован красотой храма, ошибочно принимая преходящее за вечное и неизменное, что, по сути, и было иллюзорным влечением, той самой «привязанностью к дхарме» в буддийском понимании. Сам акт сожжения Золотого храма может рассматриваться как разрушение этой привязанности к «красоте», как крайняя практика «разрушение привязанности».

На самом деле в романе мотив «разрушения привязанности» изначально подоплеку. Текст неоднократно отсылает к дзэнскому коану «Наньцюань убивает кошку» (南泉斬猫) – истории о том, как наставник Наньцюань мечом рассек кошку, чтобы разрушить у монахов привязанность к ее красоте. Этот коан служит аллегорией «насиленного разрушения привязанности». Как Наньцюань своим радикальным жестом стремился пробудить ослепленных иллюзией учеников, так и поджог Золотого храма у Мидзогути выступает как крайняя практика разрыва с внутренней привязанностью. Следовательно, акт Мидзогути можно интерпретировать как экстремальное воплощение буддийской идеи «разрушения привязанности».

5. Путь к возрождению – выбор «жить дальше»

Что ждало Мидзогути после того, как он предал Золотой храм огню? Автор предлагает неожиданный финал, оставляющий простор для бесконечных интерпретаций и размышлений. Мидзогучи поджег солому в храме и пытался подняться на третий этаж «Вершина прекрасного» и погибнуть в огне вместе с Кинкакудзи. Он бил и колотил в дверь изо всех сил, бился о нее с разбегу плечом, но она стояла незыблемо, и наконец со всей ясностью понял, что Вершина Прекрасного отказывается его принять. В бушующем огне Мидзогучи выбежал из Кинкакудзи и подошел к горе напротив Кинкакудзи. Глядя на клубящийся дым и парящий вдалеке свет огня, Мидзогучи достал из кармана пачку сигарет и закурил одну. «На душе было спокойно, как после хорошо выполненной работы. Еще поживем, подумал я» (三島由紀夫. 金閣寺. 代珂译. 北京: 北京十月文艺出版社. 2019, с. 273).

Сюжетный поворот, в котором Мидзогути после сожжения Золотого храма выбирает жизнь, носит ярко выраженный символический характер. На личностном уровне решение «жить дальше» после поджога указывает на преодоление привязанности и выбор «отпустить» как условие духовного возрождения. Согласно дзэн-буддизму, «отпустить привязанность» означает отказ от зависимости как от внешних влечений, так и от внутренних оков, что ведет к освобождению души. Речь идет о преодолении привязанности ко всему – к материальному, эмоциональному, идеологическому, – и, следовательно, о преодолении страданий и тревог, вызванных этой привязанностью. Конкретно, это выражается в необходимости «отпустить» алчность, гнев и неведение, чтобы вернуться к «чистому сердцу». Именно благодаря осознанию непостоянства Золотого храма и постижению буддийской истины, «все составные феномены непостоянны», Мидзогути смог отпустить внутренние привязанности, обрести духовное освобождение и выйти на путь возрождения.

Если рассматривать выбор Мидзогути «жить дальше» в социокультурном контексте послевоенной Японии, становится очевидным его выраженный символический и метафорический характер. Роман возник в особый период истории. Он наступил после поражения Японии во Второй мировой войне. Военный крах Японии привел к разрушению прежних духовных устоев японского общества, породив атмосферу неопределенности и тревоги о будущем. В условиях послевоенного «ценностного вакуума» японское сообщество столкнулось с разрывом между традицией и современностью, с распадом и необходимостью восстановления прежней системы

ценностей. Золотой храм как материальный носитель довоенной ценностной парадигмы символизирует традиционный духовный тотем; его уничтожение олицетворяет крушение этой парадигмы. В то же время решение Мидзогути сохранить жизнь метафорически указывает на поиски японской нации выхода в ситуации перелома, на стремление найти новый путь между старым и новым. Таким образом, финал, сконструированный Юкио Мисимой, скрывает глубокие размышления автора о духовных перспективах японского народа.

Выводы

Храм Кинкакудзи предстает в тексте романа в разных ипостасях. Для страдающего от заикания, ощущающего себя чужим в этом мире Мидзогути храм Кинкакудзи – убежище, в котором чувствительный к красоте юноша может создать воображаемый прекрасный мир и обрести смысл жизни. Но Кинкакудзи как репрезентация идеальной красоты является также и препятствием, мешающим Мидзогути начать жить реальной жизнью.

Сожжение Кинкакудзи является для Мидзогути одновременно актом сохранения совершенной красоты и актом освобождения. В его мире разрушение существует ради продолжения.

Интерпретация акта сожжения храма через призму буддизма, позволяет выделить дополнительный смысловой уровень романа. В буддизме огонь понимается не только как материальное явление, но и как символ мира желаний и сансары, то есть круговорота рождения и смерти, вечного перерождения. Огонь олицетворяет пламя желаний, которое, будучи обречено на угасание, тем не менее питает бесконечный круговорот существования. Истинный смысл символа огня коренится в возможности духовного перерождения: через духовную практику и развитие мудрости человек способен преодолеть узлы сансары и достичь освобождения в нирване. Для Мидзогути этот огонь становится «огнем очищения души», «огнем возвышения мудрости» и, наконец, «огнем нирванического возрождения».

Посредством этого огня Мидзогути уничтожает символ «привязанность к дхарме», то есть Золотой храм, и в предельно радикальной форме реализует буддийскую практику «разрушение привязанности». Тем самым он освобождается от власти «красоты», которая его поработала, и в самом акте разрушения обретает освобождение, завершая процесс самоспасения [张茜, 2024, С. 23]. Мидзогучи не банальный преступник, а борец, который изо всех сил пытается добиться красоты под давлением уродливого внешнего мира. Его история – не

обычная криминальная история, а исповедь души, которая смотрит на свою внутреннюю жизнь и пытается найти в ней смысл. Мидзогучи создал свою собственную субъективность через сожжение Кинкакудзи [兰立亮, 申璐璐, 2023, с. 64].

Таким образом, парадигма «поиск – разрушение – возрождение» обладает определенной универсальностью в художественной системе Мисимы. Роман «Золотой храм» как классическое произведение послевоенной японской литературы отнюдь не является простой литературной репрезентацией поджога храма Кинкакудзи в 1950 году. Через судьбу главного героя Мидзогучи автор конструирует метафорический текст, в котором переплетаются история индивидуального духовного становления и коллективная травма нации. Физиологический изъян героя «заикание» символизирует состояние «потери голоса» послевоенной Японии в международном дискурсивном пространстве. Эмоциональная трансформация Мидзогучи – от преклонения перед Золотым храмом до ненависти к нему – отражает

духовный кризис японского общества в послевоенную эпоху. Япония словно разрывается между ностальгией по традиционным ценностям и их отрицанием. Сожжение храма и последующая интенция героя – «я решил жить дальше» – звучат как своеобразная декларация нации-побеждённой о стремлении к существованию. Искаженная траектория взросления Мидзогучи становится символом борьбы послевоенной Японии между традицией и модерном, разрушением и возрождением.

Мицуо Накамура отметил: «У каждого из нас в жизни есть свой «Золотой храм». Мечта и отчужденные чувства после разрушения, вероятно, являются основной формой жизни» [中村光夫, 1956, с.74]. Каждый из нас тоже живет и растет в процессе сложного взаимодействия со своим «Золотым храмом», смотря на «Золотой храм» с точки зрения духовной сферы жизни человека, возможно, мы сможем понять поступок главного героя Мидзогучи. Ведь стремление к самореализации присуще человеческой природе.

Список источников

1. 中村光夫. [Накамура М.] 「金閣寺」 [О Золотом храме] // について [Литература]. 1956. № 12. С. 69–75. (На яп. яз.)
2. 奥野健男. [Окуно Т.] 三島由紀夫伝説 [Легенда Юкио Мисима]. 東京 [Токио]: 新潮社 [Синочоса], 1993. (На яп. яз.)
3. 上田茜. [Уэда А.] 三島由紀夫『金閣寺』論：主人公から見た「美」について [О «Золотом храме» Юкио Мисима: о красоте глазами главного героя] // 湘南文学 [Журнал Сёнанбунгаку]. 2024. № 59. С. 93–106. (На яп. яз.)
4. 宁浩宇, 乔莉萍 [Нин Х., Цяо Л.] 《金阁寺》美学的上升与沉落 [Взлет и падение эстетики «Золотой храм»] // 语言教育 [Языковое образование]. 2022. Т. 10, № 2. С. 98–106. (На кит. яз.)
5. 王运涛. 《金阁寺》: 物人映衬的叙事特色与物哀美学的艺术呈现. 中州大学学报. 2023. 40(4): 17-26. [Ван Ю. «Золотой храм»: особенности повествования на фоне объектов и персонажей и художественное представление эстетики моноспектакля // Вестник университета Чжунчжоу. 2023. Т. 40. № 4. С. 17–26]. (На кит. яз.)
6. 郭勇. [Го Ю.] 美与恶的辩证法——重读三岛由纪夫《金阁寺》 [Диалектика красоты и зла – Перечитывание «Золотого храма» Юкио Мисимы] // 外国文学评论 [Обзор зарубежной литературы]. 2007. № 2. С. 64–70. (На кит. яз.)
7. 阿尔弗雷德·阿德勒 [Адлер А.] 自卑与超越 [Что жизнь может значить для вас] / 马晓佳译 [пер. Ма Сяоцзя]. 北京 [Пекин]: 民主与建设出版 [Эмокриси энд Констракшн Пресс], 2017. (На кит. яз.)
8. 雷芳 [Лэй Фан]. 论《平家物语》的“物哀”观 [О восприятии «моно-но аварэ» в «Повести о доме Тайра»] // 苏州科技大学学报 (社会科学版) [Журнал Сучжоусского университета науки и технологий]. 2018. Т. 35, № 5. С. 57–63. (На кит. яз.)
9. 胡莉蓉 [Ху Л.] 社会文化理论视域下的《金阁寺》主人公的悲剧探微 [Исследование трагедии главного героя в «Золотом храме» с точки зрения социокультурной теории] // 西安外国语大学学报. [Журнал Сианьского университета международных исследований]. 2024. Т. 32, № 1. С. 124–128. (На кит. яз.)
10. 张茜 [Чжан Ц.] 从毁灭到重生：《金阁寺》中沟口的自我建构 [От разрушения к возрождению: самостроительство Мидзогучи в «Золотом храме»] // 长江小说鉴赏 [Критика новелл Янцзы]. 2024. № 19. С. 20–23. (На кит. яз.)
11. 兰立亮, 申璐璐 [Лан Л., Син Л.] 三岛由纪夫《金阁寺》的身体叙事与身份认同 [Телесный нарратив и идентичность в «Золотом храме» Юкио Мисимы] // 外国语文研究 [Исследования иностранных языков]. 2023. Т. 9, № 3. С. 58–65. (На кит. яз.)

References

1. 中村光夫 [Nakamura, M.] (1956). 「金閣寺」について [About The Temple of The Golden Pavilion]. 文藝 [Literary], 12, 69–75. (In Japanese)

2. 奥野健男 [Okuno, T.] (1993). 三島由紀夫伝説 [The Legend of Yukio Mishima]. 東京 [Tokyo]: 新潮社 [Sinochosha]. (In Japanese)
3. 上田茜 [Ueda, A.] (2024). 三島由紀夫『金閣寺』論：主人公から見た「美」について [On Yukio Mishima's «The Temple of The Golden Pavilion»: On the «Beauty» in the Eyes of the Protagonist]. 湘南文学 The [Shonanbungaku], 59, 93–106. (In Japanese)
4. 宁浩宇, 乔莉萍 [Ning, H., Qiao, L.] (2022). 《金閣寺》美学的上升与沉落 [The Rise and Fall of the Aesthetics of «The Temple of The Golden Pavilion»]. 语言教育 [Language Education], 10(02), 98–106. (In Chinese)
5. 王运涛 [Wang, Y.] (2023). 《金閣寺》: 物人映衬的叙事特色与物哀美学的艺术呈现 [The Temple of The Golden Pavilion: The Narrative Features Against the Objects and Characters and the Artistic Presentation of the Aesthetics of Mono No Aware]. 中州大学学报 [Journal of Zhongzhou University], 40(04), 17–26. (In Chinese)
6. 郭勇 [Guo, Y.] (2007). 美与恶的辩证法——重读三岛由纪夫《金閣寺》 [The Dialectic of Beauty and Evil – Re-reading Yukio Mishima's The Temple of The Golden Pavilion]. 外国文学评论 [Foreign Literary Criticism], (2), 64–70. (In Chinese)
7. 阿尔弗雷德·阿德勒 [Adler, A.] (2017). 自卑与超越. 马晓佳译 [What Life Should Mean To You]. 北京 [Beijing]: 民主与建设出版 [Emocracy & Construction Press]. (In Chinese)
8. 雷芳 [Lei, F.] (2018). 论《平家物语》的“物哀”观 [On the Perception of “Mono no Aware” in The Tale of the Heike]. 苏州科技大学学报 (社会科学版) [Journal of Suzhou University of Science and Technology (Social Sciences Edition)], 35(05), 57–63. (In Chinese)
9. 胡莉蓉 [Hu, L.] (2024). 社会文化理论视域下的《金閣寺》主人公的悲剧探微 [A Probe into the Tragedy of the Protagonist in "The Temple of The Golden Pavilion" from the Perspective of Sociocultural Theory]. 西安外国语大学学 [Journal of Xi'an International Studies University], 32(1), 124–128. (In Chinese)
10. 张茜 [Zhang, X.] (2024). 从毁灭到重生：《金閣寺》中沟口的自我建构 [From Destruction to Rebirth: Mizoguchi's Self-Construction in The Temple of The Golden Pavilion]. 长江小说鉴赏 [Yangtze Novel Appreciation], 19, 20–23]. (In Chinese)
11. 兰立亮, 申璐璐 [Lan, L., Shen, L.] (2023). 三岛由纪夫《金閣寺》的身体叙事与身份认同 [Body Narrative and Identity in Mishima Yukio's "The Temple of The Golden Pavilion"]. 外国语文研究 [Foreign Language and Literature Research], 9(03), 58–65. (In Chinese)

Информация об авторах

Сун Шэннань

доктор юридических наук

доцент института языков и культур Шанхайского политико-юридического университета

Лю Цзинцзюань

доктор филологических наук

доцент института языков и культур Шанхайского политико-юридического университета

Information about the authors

Sun Shengnan

Doctor of Law (Dr. habil.)

Associate Professor at the School of Languages and Cultures

Shanghai University of Political Science and Law

Liu Jingjuan

Doctor of Philology (Dr. habil.)

Associate Professor at School of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.12.2025
29.01.2026
13.02.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Религиозная метафора как средство выражения культурного кода в условиях информационной войны (на примере телеграм-каналов патриотического сегмента)

М. Н. Клинцева

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
mariya.kats@gmail.com*

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть религиозную метафору в медиатекстах. В данном случае она осмысливается как средство выражения кода русской культуры и инструмент консолидации и мобилизации аудитории в условиях информационной войны. Методы исследования: критический дискурс-анализ (социокультурный подход), концептуальный анализ, элементы количественной обработки материала. Материал исследования составили медиатексты телеграм-каналов «Архангел спецназа», «Сладков+», «Kotsnews», «Wargonzo», «Операция Z: Военкоры русской весны», «Синяя Z Борода». В процессе исследования было выявлено, что религиозные метафоры актуализируют в коллективном бессознательном бинарные аксиологические оппозиции, формируют образы «своих» и «чужих», обладают наибольшим воздействием на адресата.

Ключевые слова: религиозная метафора, культурный код, концепт, бинарная оппозиция, поляризация, сакрализация, демонизация, медиадискурс, информационная война

Для цитирования: Клинцева М. Н. Религиозная метафора как средство выражения культурного кода в условиях информационной войны (на примере телеграм-каналов патриотического сегмента) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 144–150.

Original article

Religious Metaphor as a Means of Expressing the Cultural Code in the Context of Information Warfare (using the example of Telegram-channels of the patriotic segment)

Mariya N. Klintsova

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
mariya.kats@gmail.com*

Abstract. The purpose of the study is to consider religious metaphor in media texts as a means of expressing the code of Russian culture and a tool for consolidating and mobilizing the audience in the context of information warfare. The following research methods were chosen: critical discourse analysis (socio-cultural approach), conceptual analysis, elements of quantitative processing of the material. The research material was made up of media texts from the Telegram-channels “Archangel spetsnaza,” “Sladkov+,” “Kotsnews,” “Wargonzo,” “Operatsiya Z: Voenkory russkoj vesny,” “Siniia Z Boroda.” As a result of the analysis of religious metaphors, it was revealed that they actualize binary axiological oppositions in the collective unconscious, form images of “friends” and “strangers,” and have the greatest impact on the addressee.

Keywords: religious metaphor, cultural code, concept, binary opposition, polarization, sacralization, demonization, media discourse, information warfare

For citation: Klintsova, M. N. (2026). Religious metaphor in the context of information warfare (using the example of Telegram-channels of the patriotic segment). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 144–150. (In Russ.)

Введение

Одной из глубинных основ архетипической и культурной матрицы народа является религия, обладающая мощным консолидирующим и мобилизующим потенциалом. В условиях информационной войны одной из задач ее инициаторов является разобщение российского социума. Необходимость противодействия деструктивным явлениям определяет актуальность исследования религиозной метафоры как средства объединения и сплочения народа на основе общего культурного кода, изучение особенностей ее семантики, структурной организации и закономерностей функционирования в современном медиадискурсе.

Объект исследования – информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен массовой коммуникации, воздействие которого на аудиторию реализуется с помощью медиатекстов. Предмет – религиозная метафора в медиатекстах как средство выражения культурного кода и инструмент идеологического воздействия на реципиентов.

Задачи работы:

- 1) уточнить лингвистический аспект понятия информационной войны;
- 2) рассмотреть метафору как средство выражения культурного кода и мощный инструмент идеологического воздействия на реципиентов;
- 3) выявить способы воздействия религиозной метафоры на аудиторию.

Поскольку информационное противоборство между Россией и Украиной и странами Запада наиболее остро проявляется в период СВО, в качестве эмпирической базы исследования были выбраны медиатексты ТГ-каналов патриотического сегмента с наибольшим числом подписчиков: «Архангел спецназа», «Сладков+», «Kotsnews», «Wargonzo», «Операция Z: Военкоры русской весны», «Синяя Z Борода».

Методы исследования:

- 1) критический дискурс-анализ (социокогнитивный подход), который позволил рассмотреть соотношение между медиатекстами и когнитивными структурами индивидуального и общественного сознания;
- 2) концептуальный анализ религиозных метафор позволил выявить смыслы, передаваемые отдельными словами и коллокациями;
- 3) количественная обработка материала показала распределение религиозных метафор по темам, оценке и концептуально-семантическим полям.

Научная новизна исследования определяется описанием семантических и прагматических параметров религиозной метафоры, представлением ее основных функций в медиадискурсе в условиях информационной войны.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать результаты исследования в разработке речевых приёмов ведения информационной войны, способов консолидации современного российского общества.

Лингвистический аспект понятия информационной войны

СМИ конструируют дискурсивную реальность, которая «производит столь же устойчивые эффекты, как и физический мир» [Йоргенсен, 2008, с. 289] и определяют идеологическую позицию как больших социальных групп, так и отдельных индивидов, формируют ценности, ценностные ориентации, бытовые и духовные потребности реципиентов, их картину мира. Телеграм-каналы являются влиятельным инструментом общественно-политической повестки, они формируют у читателей представление о реальности, отношение к знаковым событиям общественной жизни.

Характерной особенностью медиадискурса в условиях информационной войны является его идеологическая направленность. Идеологическое использование языка характеризуется своего рода двойственностью: это и проявление идеологического мышления адресанта, и средство донесения до адресата соответствующих идеологических концепций.

Пожалуй, основной вид оружия в информационной войне – слово, его семантика, культурная и аксиологическая составляющие. Оно может быть использовано как для разного рода деструктивных воздействий на реципиентов, так и в целях защиты от такого влияния и противодействия подобным деструктивным практикам.

Все вышеперечисленное определяет значимость лингвистического подхода к определению информационно-психологической войны. В рамках данного определения она рассматривается как противоборство «сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и / или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и / или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Лингвистика информационно-психологической войны, 2017, с. 13–14].

Информационная война представляет собой информационно-психологическое противоборство двух и более враждующих сторон. Роль оружия в этой войне несут на себе коммуникативные практики. Они ориентированы на то, чтобы прямо или косвенно воздействовать на реципиента или противостоять этому воздействию. Оно возникает в рамках многообразных манипуляций массовым или коллективным сознанием. Задача таких манипуляций – навязать реципиенту (коллективному или индивидуальному) определенную картину мира.

Цель информационной войны – нейтрализация лингвокультурного, интеллектуального и духовно-нравственного потенциала населения государства-противника.

Метафора как средство выражения культурного кода и идеологического воздействия в ходе информационной войны

Одним из эффективных идеологических механизмов информационной войны является процесс метафоризации, с помощью которого создаются образы объектов окружающей действительности, происходит концептуализация знаний о мире и формируется картина мира.

По мнению Н. Д. Арутюновой, метафорой в широком смысле «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Теория метафоры, 1990, с. 296].

Метафора – инструмент мышления и познания в современном мире, она не только формирует представление об объекте, она определяет способ и стиль мышления о нем. «Метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира: в процессе мыслительной деятельности аналогия играет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления» [Чудинов, 2013, с. 12]. Кроме того, метафора отражает фундаментальные культурные ценности, так как основана на культурно-национальном видении мира.

Метафора представляет собой лингвистический метод когнитивно-речевого воздействия, имеющий имплицитный характер. Возможность имплицитного когнитивно-речевого воздействия на реципиента обусловлена интерпретирующим потенциалом метафоры, выражающимся в способности объяснения характеристик предмета одной концептуальной области через признаки другой.

Речевые сообщения, содержащие метафоры, оказывают суггестивное, аттрактивное и персуазивное воздействие на реципиента.

Глубинные архетипические основы русской культуры неразрывно связаны с религией – православным христианством. Религиозные архетипы – суть первообразы, базисные элементы религиозного верования. Они связаны с коллективным бессознательным и способны формировать константные элементы духовной жизни. Именно поэтому метафоры, основанные на религиозных архетипах, обладают наибольшей силой идеологического и эмоционального воздействия на реципиента. В условиях информационной войны они позволяют сакрализировать современные геополитические события, формируют групповой фаворитизм, поляризуют противников, создают яркий образ врага, исключают компромисс в разрешении конфликта и ориентируют на победу.

В медиадискурсе религиозные метафоры выполняют ряд функций: коммуникативную, регулирующую, моделирующую, инструментальную, оценочную, эвокативную, экспрессивную, функцию экономии языковых средств и сакрализации и / или демонизации описываемых объектов или явлений.

Способы воздействия религиозной метафоры на аудиторию (на основе анализа религиозных метафор в медиатекстах в период СВО)

В данной статье был предпринят когнитивный анализ религиозных метафор в условиях информационной войны, которые были охарактеризованы по следующим параметрам: тип, тема, оценка, концептуально-семантические поля.

При характеристике религиозных метафор по типу нами были выделены три основных типа метафор. Они распределяются по степени градации их эмоционально-психологического воздействия: номинативные, образные и глобальные.

Номинативные метафоры переносят свойства одного класса объектов на другой, они подчинены общей структуре высказывания и занимают лишь небольшую его часть:

Артемовск был адом (*Kotsnews. 20.02.2024*).

Образные – создают динамичный, цельный образ:

В подвал спустились, словно ангелы с неба, бойцы 83-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригады (*Kotsnews. 16.02.2025*).

Номинативная метафора часто является исходным материалом языковой метафоры, по

степени эмотивности она наименее действенна по сравнению с двумя другими названными типами и наименее «читаема» как метафора, ее использование можно интерпретировать как скрытое воздействие.

Глобальная метафора, понимается как базисная модель, которой подчинен весь текст. Однако он сам по себе может быть этой метафорой, например:

Бывали ли вы в аду? Знаете, как он выглядит? Каков он на цвет и запах? Я знаю. Похоже на военный морт в прифронтовом городе. Я в этом уверен. У входа в старый, и уже достаточно обветшалый ад, стоят пропахшие мертвечиной люди. «Привратники» ада. Я не могу назвать их санитарями. Скорее это грузчики. Они уставшие, злые и настолько повидавшие изнанку жизни и смерти люди, что слово «цинники» к ним неприменимо. Они выше этого. Они день и ночь разгружают пакеты с телами. Пакеты эти черные, как черные дыры, склизкие и неудобные, как жизнь наркомана. Грузчики волочат их по земле, трясут по ступенькам, передают патологоанатомам. В перерывах между погрузкой и разгрузкой «привратники» курят крепкий, отбивающий обоняние табак и сбившись в кружки рассказывают похабные анекдоты. Их лица – это лики павших ангелов. Когда-то они были прекрасными и светлыми, сейчас их не узнать. На этих лицах отражены все озарения и несколько неземных грехов. Как будто они забрали частичку смерти каждого из перенесенных ими людей. В настоящее время, затхлом закутке при входе дежурит мелкий «адский клерк», который не спал кажется уже несколько тысяч лет, безумно листает огромный талмуд с записями имен и позывных, привезенных и увезенных тел. Он не находит нужное имя и начинает все сначала. А потом снова и снова. Иногда он листает в обратном направлении... В аду все по старинке. Смерть очень консервативна... (Wargonzo. 04.04.2025).

Глобальные метафоры встречаются крайне редко, что может быть связано с осторожным использованием сильной и сложной метафоры, тогда как номинативные и образные метафоры обладают высокой способностью формирования образа, понятного широкой аудитории.

Следующим объектом лингвистической классификации является тема метафоры. Под этой характеристикой понимается тема всего высказывания, т. е. тема, на которую «задана» метафора. Наиболее активно в метафорическом зеркале в условиях информационной войны представлены темы боевых действий, отношений России с Украиной, Европой и США. Метафору вызывает

наиболее острая тема, которая является гнездом для формирования метафор.

Ярко выраженная оценочная функция религиозных метафор и их концептуально-семантические поля позволяют создавать положительный образ своей группы и отрицательный образ противника, который можно назвать медиаобразом врага, представляющим собой «закодированное в медийном тексте ценностное представление адресанта о враге, которое имеет диалогический или полилогический характер и вызывает ценностную реакцию адресата. Автор всеми доступными ему средствами передает ценностное отношение к тому или иному явлению, создает образ, в основе которого лежат определенные ценности, которые находят позитивный отклик не в любой аудитории, а лишь в той, которая разделяет эти ценности» [Клинцова, 2022, с. 173].

Религиозные метафоры позволяют усилить негативные стороны врага вплоть до демонизации, идентифицировать его с абсолютным злом и, как следствие, ориентируют реципиентов на сплочение и мобилизацию.

Чаще метафора рождается при негативном отношении к какому-либо явлению действительности. Так, например, для создания образа противника используется метафора секты:

- свидетели секты паляницы (*Операция Z. Военкоры русской весны. 05.03.2022*);
- нацистская секта (*Операция Z. Военкоры русской весны. 13.04.2022*);
- безумная секта (*Операция Z. Военкоры русской весны. 28.04.2022*).

Отрицательная оценка описываемого объекта или явления присуща большинству религиозных метафор.

Метафоры с положительной оценкой встречаются реже, только при описании своей группы:

- Противник трижды заявил об уничтожении, но мы воскресли четырежды (*Архангел спецназа. 24.02.2023*).

С помощью религиозных метафор создаются позитивные эмоциональные образы российских военных (например, «боги войны», «святые на передовой», «фронтовые ангелы»), сакрализируются жертвы войны среди мирного населения (например, «мадонна», «ангелы», «ангельские создания»). В ходе исследования не было выявлено религиозных метафор с нейтральной оценкой.

Кроме анализа религиозных метафор по типу, оценке и теме, необходимо рассмотреть, какие концептуально-семантические поля образуют

метафорические модели. Обратимся к определению концепта, который может быть понят как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», а «человек входит в культуру»¹, как мысленное образование, «которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Арнольд, 1974] и «при этом оставляет возможность для сотворчества, придания слову особой “эмоциональной ауры”» [Лихачев, 1993, с. 5]. По мнению И. А. Стернина, концепт представляет собой образ, но единожды появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный [Стернин, 2004]. Концепт отражает этническую, культурную и религиозную традицию. Для данной работы интерес представляет определение концептов как ценностно познавательных мировоззренческих констант, возникающих «в сознании человека в актах мирозерцания (миропонимания) и творческого осмысления в культуре образов первичного бытия – природного, человеческого и Божественного, которые формируются у человека на основе его жизненного опыта соприкосновения с реальностью – как обыденного (“естественного”) опыта, так и религиозного мистического (“сверхъестественного”)» [Постовалова, 2013, с. 117].

Система концептов – та призма, сквозь которую человек смотрит на мир. На основе критерия стандартизации можно выделить следующие типы концептов: индивидуальные, не стандартизированные; групповые, которые стандартизированы в коллективных рамках; общенациональные, стандартизированные в пределах концептосферы народа. Религиозные метафоры строятся на базе общенациональных концептов. Религиозные концепты в современном медиадискурсе конфессионально ориентированы – в абсолютном большинстве случаев они отражают представления о мире, явленные сквозь призму православного христианства.

Наиболее часто в метафоризации используются концепты «ад», «преисподняя», «черти», «апокалипсис». Реже – концепты «рай», «ангел», «Бог», «святой», «душа», «Троица», «ипостась».

Концепты «ад» и «рай» представляются в языковой картине мира в локальной и гедонистической когнитивных моделях: «ад – преисподняя», «рай небесный» / «рай земной» (локальная модель) и «ад и рай как условия жизни» (гедонистическая модель). Эти концепты выражают сосредоточение

¹Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.

Зла и Добра, состояние, уготованное смертному: наказание грешникам или дар праведникам.

Концепт «ад» и его концептосфера – самые распространенные в религиозных метафорах в период СВО. Для создания образа врага используются метафоры ада и его жителей. Интересна иерархия образов: если украинцы представлены в виде чертей (*Черти лезут. Черти умирают и откатываются обратно. Синяя Z Борода. 11.08.2024*), то глобальный Запад – в виде их руководителя (... *дьявол носит форму НАТО. Wargonzo. 23.05.2025*). Сама война как процесс и состояние представляется в медиадискурсе как ад – страшный, жестокий, несущий боль и горе: ...дни в аду под атакой дронов (*Синяя Z Борода. 04.11.2024*); ...*Иваныч не выходил из подвала уже четыре дня и вот наконец вырвался из этого ада (Wargonzo. 04.03.2022)*.

С помощью концепта «апокалипсис» создаются метафоры, описывающие ужасающие, катастрофические события:

- Мариуполь. Апокалипсис сегодня (*Wargonzo. 07.04.2022*);
- Страшные кадры. Это апокалипсис. ВСУ в православном храме устроили грязную казарму (*Сладков+. 17.09.2022*);
- курский апокалипсис (*Синяя Z Борода. 17.08.2024*).

Встречаются метафоры с четким противопоставлением «своих» и «чужих», в основе которых – концепты «рай» и «ад»:

- Мы сможем построить русский рай вместо украинского ада! (*Операция Z. Военкоры русской весны. 12.07.2022*)
- Россия – рай... Америка – темница (*Wargonzo. 22.02.2022*).

Во время помощи военных из КНДР в отражении атаки ВСУ в Курской области появляется метафорический образ союзного государства, который строится с помощью концепта «рай»:

- Самджиен – это рай коммунизма, в котором много чудес (*Wargonzo. 12.10.2024*);
- ...в КНДР строят коммунистический рай в отдельно взятой стране (*Wargonzo. 31.08.2024*).

Для создания метафорического образа противника концепт «рай» используется иронично:

- ...европейский рай в обмен на суверенитет (*Wargonzo. 27.09.2025*);
- Боррель продолжил ранее высказанную теорию «Европы-сада», окруженной страшными

«джунглями», замышляющими «вторжение» в европейский рай» (Wargonzo. 29.01.2024).

Отметим, что концепт «рай» встречается крайне редко.

Концепт «святое» – один из наиболее часто встречающихся в религиозных метафорах в медиадискурсе. С его помощью создаются метафоры, относящиеся к традиционным ценностям: семье, детям, родителям (...родители, семья – это святое, свои корни и история – это святое. Архангел спецназа. 20.10.2024); Родине (...на службе России святой. Архангел спецназа. 06.01.2023; Авдеевка, святая наша треба. Операция Z. Военкоры русской весны. 23.02.2024) – всему, что необходимо защитить, что представляет особую значимость, задает смысловые ориентиры (...знамя святой Победы. Wargonzo. 13.11.2022; ...святая обязанность рассказывать честно о происходящем на поле боя. Wargonzo. 22.12.2022).

Концепт «ангел» наделяет описываемый объект абсолютной сакральностью и используется в основном для метафорического именованья детей, погибших на Донбассе (маленькие ангелы), для характеристики женщин, участвующих в СВО (ангельские создания, к которым грязь и подлость не липнет. Wargonzo. 28.06.2024) и военных (ангелы в бронешилетах).

«Душа» – один из ключевых концептов в русской картине мира, место локализации психического мира человека и его чувств. Интересно, что в условиях информационной войны этот концепт чаще всего употребляется в сочетании с прилагательными заблудший, загубленный, жалкий, подлый и является средством описания противника. Таким образом, в медиадискурсе с представлениями о противнике как абсолютном зле соседствуют представления как о подобном себе, но выбравшем ошибочный путь и потому вызывающем жалость. Концепт «душа» используется и при создании метафоры объекта или явления, представляющего особую ценность. Так, например, письмо солдата:

...это душа, перенесённая на бумагу, чтобы поделиться ей с кем-то родным и далеким (Архангел спецназа. 15.12.2023).

Троица рассматривается как макроконцепт – сложное ментальное образование, в структуре которого концепты связаны родовидовыми

отношениями [Колесов, Пименова, 2012]. В медиатекстах этой метафорой заменяется числительное «три», например:

- ...троица безбашенных друзей-пулеметчиков: «Бабай», «Лева» и «Козырь» (Архангел спецназа. 14.06.2023);
- ...эта троица воевала под командованием легендарного Воробья (Архангел спецназа. 16.12.2022).

Частью макроконцепта «Троица» является концепт «ипостась»:

В любой момент боец должен быть способен переключиться в водителя, стрелка или медика – основные три фронтальные ипостаси (Архангел спецназа. 19.04.2024).

Первые месяцы СВО наблюдалась повышенная метафоризация медиадискурса. В последнее время отмечается снижение его метафоризации при описании событий, связанных с СВО, военные действия все чаще представляются как «экстремальная рутина», а выполнение боевых задач – как работа. Можно предположить, что непрямая установка на достижение компромисса в решении конфликта ориентирует на использование более сдержанных средств языковой выразительности.

Заключение

Частотность употребления религиозных метафор в медиадискурсе в условиях информационной войны, с одной стороны, отражает существующие общественные настроения, а с другой – позволяет формировать их. Интенсивность и краткость сообщений в ТГ-каналах обеспечивают эффективность использования религиозной метафоры, которая актуализирует в коллективном бессознательном бинарные аксиологические оппозиции, концептуально противопоставляет рай аду, добро злу; формирует образы «своих» и «чужих»; придает военным действиям священный характер. Религиозная метафора строится на общенациональных концептах, в которых отражается культурный код народа. Она может использоваться как мощный инструмент противодействия деструктивным явлениям в ходе информационной войны, выступать как средство консолидации и мобилизации современного российского общества.

Список источников

1. Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, М. Дж. Филлипс. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008.

2. Лингвистика информационно-психологической войны / под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017.
3. Теория метафоры: сб. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
4. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.
5. Клинцева М. Н. Конструирование образа врага СМИ-иноагентом «Крым. Реалии» во время спецоперации России по демилитаризации и денацификации Украины // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 170–176.
6. Арнольд И. В. Стилистика декодирования. Л.: ЛГПИ, 1974.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Санкт-Петербург: Наука, 1993. С. 3–9.
8. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.
9. Постовалова В. И. Религиозные концепты в православном мирозерцании (образовательный курс) // Magister Dixit. 2013. № 4. С. 107–216.
10. Колесов В. В. Концептология / В. В. Колесов, М. В. Пименова. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012.

References

1. Jorgensen, M. V., Phillips, M. J. (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Kharkov: Gumanitarny`j Centr. (In Russ.)
2. Skovorodnikov, A. P. (Ed.). (2017). Lingvistika informacionno-psixologicheskoy vojny` [Linguistics of information and psychological warfare]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russ.)
3. Arutyunova, N. D. (1990). Teoriya metafory` [Theory of metaphor]. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Chudinov, A. P. (2013). Oчерki po sovremennoj politicheskoy metaforologii [Essays on modern political metaphorology]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
5. Klintsova, M. N. (2022). Constructing the image of the enemy of the media by a foreign agent “Crimea. Realities” during Russia’s special operation to demilitarize and Denazify Ukraine. Scientific Notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences, 8(1), 170–176. (In Russ.)
6. Arnold, I. V. (1974). Stilistika dekodirovaniya. [Stylistics of decoding]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. (In Russ.)
7. Likhachev, D. S. (1993). The conceptual sphere of the Russian language. In Literature and Language series: Izvestiya RAN (pp. 3–9). St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
8. Sternin, I. A. (2004). Obshhestvenny`e processy` i razvitie sovremennogo russkogo yazy`ka. Oчерk izmenenij v russkom yazy`ke koncza XX veka [Social processes and the development of the modern Russian language. An essay on the changes in the Russian language at the end of the twentieth century]. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
9. Postovalova, V. I. (2013). Religious concepts in the Orthodox worldview (educational course). Magister Dixit, 4, 107–216. (In Russ.)
10. Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. (2012). Konceptologiya. [Conceptology]. Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russ.)

Информация об авторе

Клинцова Мария Николаевна

кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры религиоведения и философии культуры философского факультета
Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Information about the author

Klintsova Mariya Nikolaevna

PhD in Philosophy, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Religious Studies and Philosophy of Culture
Faculty of Philosophy, Taurida Academy Institute, Vernadsky Crimean Federal University

Статья поступила в редакцию	21.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	19.01.2026	
принята к публикации	13.02.2026	

Русское церковное искусство как объект исследования в отечественном гуманитарном знании в XIX – начале XX веков

В. В. Нимчук

*Московский государственный институт культуры, Москва, Россия
ООО «АГАТ», Москва
Россия, vetalnimchuk@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявить причины интереса к русскому церковному искусству в отечественной гуманитарной науке рубежа XIX–XX веков. Материалом исследования являются работы отечественных специалистов в области истории (Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский), истории РПЦ (Е. Е. Голубинский, А. П. Шапов) и истории церковного искусства (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков, П. А. Флоренский). Для достижения поставленной цели использовались сравнительный и ретроспективный методы. По итогам исследования было установлено, что гражданская история в России второй половины XIX века развивалась (и осмыслялась) параллельно церковной истории. Впоследствии методология, разработанная в рамках истории, применялась к изучению древнерусского церковного искусства.

Ключевые слова: русская церковная культура, русское церковное искусство, церковная история, церковная археология, церковное ювелирное искусство

Для цитирования: Нимчук В. В. Русское церковное искусство как объект исследования в отечественном гуманитарном знании в XIX – начале XX веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3 (909). С. 151 – 158.

Original article

Russian Church Art as an Object of Research in Russian Humanities of the 19th – Early 20th Centuries

Vitalii V. Nimchuk

*Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia
ООО "AGAT", Moscow, Russia
vetalnimchuk@mail.ru*

Abstract. The purpose of this study is to examine the reasons for the interest towards Russian church art which appeared in Russian humanities at the turn of the 20th century. The research material includes the works by Russian experts in history (N. M. Karamzin, V. O. Klyuchevsky), Russian Orthodox Church history (E. E. Golubinsky, A. P. Shchapov), and church art history (F. I. Buslaev, N. P. Kondakov, P. A. Florensky). To achieve this goal, the author used comparative and retrospective methods. The author comes to the conclusion that the development of Russian civil and church history in the second half of the 19th century was developing in parallel way, and the approaches designed were subsequently applied to the study of ancient Russian church art.

Keywords: Russian church culture, Russian church art, church history, church archeology, church jewelry

For citation: Nimchuk, V.V. (2026). Russian church art as an object of research in Russian humanities of the 19th – early 20th centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(909), 151–158. (In Russ.)

Введение

Российское общество в последние десятилетия переживает многочисленные трансформации, затронувшие все сферы социального бытия. На социальные процессы влияет целый комплекс различных факторов, самым устойчивым из них является религиозный фактор. Несмотря на смену политических режимов, религия на протяжении десятилетий была неразрывно связана с отечественной культурой. Хотя наша страна и поликонфессиональна, восточная ветвь христианства – православие – является не только доминирующим фактором в становлении российской государственности, но и фактором культурно-цивилизационным.

Русская православная церковь (РПЦ) и сегодня выступает одним из решающих акторов жизни страны (даже при обозначившейся тенденции к снижению количества православных среди россиян). Православие в значительной степени определяет ход современной отечественной истории. Церковные иерархи с горечью осознают снижение числа православных. К причинам упадка веры они относят и разобщенность поколений, и влияние массовой культуры, и многое другое. Поэтому сегодня Православная Церковь вынуждена решать те социальные проблемы, которые ранее находились на периферии ее деятельности. Так, одним из направлений деятельности РПЦ стали в наши дни просветительские программы и проекты, главная цель которых не только представить церковное искусство (в том числе, и современное), но и способствовать росту интереса в российском обществе к православной культуре. Например, выставка «Монументальное искусство в церкви. Работы художников МСХ» (2022), ежегодный Фестиваль церковного искусства «Видеть и слышать» (2023), Выставка церковного искусства и архитектуры в культурно-просветительском центре «Башня» (2024) и др.

Таким образом, изучение национального церковного искусства рубежа XIX–XX веков позволяет выявить исторические параллели славного прошлого страны с нашими днями и определить механизмы воспроизведения культурной памяти. Погружение в историю страны, несомненно, актуально для современной России, которая переживает период национального и культурного самоопределения. Значимость рассматриваемой проблематики обусловлена целым рядом факторов:

1. В начале XX века Россия ведет поиск своей национальной идентичности, что увеличивает интерес к древнерусскому искусству, в том числе церковному. Его пристальное изучение формирует систему адекватных представлений об

отечественной истории. Ее эстетическим мерилom является искусство, в том числе древнерусское. Сегодня наша страна также переживает период интенсивного национального самоопределения. Поэтому опыт начала XX века сегодня в колоссальной степени актуален и востребован.

2. На рубеж XIX–XX веков приходится активное развитие отечественной гуманитаристики (истории, искусствознания, философии). В рамках гуманитаристики были разработаны различные методологические подходы к изучению церковного искусства. Спустя столетие появляется возможность оценить вклад ученых того времени в развитие гуманитарных дисциплин и проследить их эволюцию, которая происходила на протяжении целого столетия. Согласно вышесказанному, цель статьи состоит в выявлении истоков интереса к русскому церковному искусству в отечественном гуманитарном знании XIX – начале XX века. Для ее достижения необходимо:

- рассмотреть факторы, которые способствовали становлению истории как научной дисциплины во второй половине XIX века;
- проследить процесс превращения отечественной истории РПЦ в самостоятельную научную дисциплину;
- проанализировать историко-культурный контекст, в котором происходило становление церковной археологии, и выявить взаимосвязь между поиском национального стиля и интересом к древнерусскому искусству.

Для достижения цели и решения поставленных задач использовались сравнительный и ретроспективный методы.

Отечественная история в XIX веке и ее превращение в научную дисциплину

История церковного искусства выступает неотъемлемым элементом как истории Церкви, так и истории государства, поскольку любые происходящие в них события и изменения, находят отражение и в церковном искусстве. Поэтому актуализация русского церковного искусства в XIX–XX веках и желание выявить его особенности обусловлено рядом основополагающих тенденций, присущих русской культуре обозначенного периода.

Среди причин, оказавших воздействие на становление отечественной исторической науки в первой половине XIX века, следует назвать, прежде всего, две причины. Первая из них – это распад сформировавшейся при Петре I «идеи Великой России и отделении от нее идеи отечества»,

«толчком для размежевания» которых «выступила война 1812 года, получившая название «Отечественная». Ее результатом было не только крушение многих иллюзий, сопоставление порядков западных и российских, но также рост патриотизма и национального самосознания» [Синявина, 2017, с. 32]. Вторая же причина связана с воздействием философии романтизма, одной из составляющих которой выступает интерес к национальному прошлому и его традициям, выявление его этнического своеобразия. Отметим, что указанная тенденция – интерес к собственной истории – была присуща всем европейским государствам, поэтому историзм можно назвать одной из характеристик XIX века. В этом же контексте следует рассматривать и коллекционирование памятников древнерусской культуры (наиболее ценными были собрания Н. П. Румянцева, А. И. Мусина-Пушкина, В. А. Волегова, С. А. и А. Ф. Теплоуховых), написание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзиным, спор славянофилов и западников.

Таким образом, в первой половине XIX века происходило становление истории как научной дисциплины.

Становление церковной исторической науки в России

Развитие церковной исторической науки как самостоятельного направления происходило чуть позже, в середине XIX века, в рамках уже сложившейся отечественной гражданской истории. Ее формированию способствовали работы как представителей РПЦ (в частности, архиепископа Филарета (Гумилевского)), начавшего одним из первых использовать в своих работах метод критического анализа исторических источников и комментариев к ним, митрополита Макария (Булгакова), так и светских историков, пытавшихся в этот момент собрать относящиеся к истории РПЦ материалы (Е. Е. Голубинский, В. О. Ключевский, А. П. Шапов).

Безусловно, многие исследователи того времени ориентировались на концепцию Н. М. Карамзина, представленную в «Истории государства Российского», на метод историка работать с фактами и его манеру изложения материала литературным языком, доступным для понимания. Однако многие изыскания, посвященные в этот период церковной истории, базировались на провиденциальной концепции. В них присутствовало интуитивное начало постижения истории (литературная дань романтизму). В итоге, исторической науке XIX века не хватает профессионализма и объективности. Поэтому заслуга светских ученых второй половины XIX века состоит в профессионализации занятий

историей, в выявлении и критическом описании источников, среди которых помимо летописей была и агиография (одним из ярких примеров выступает диссертация В. О. Ключевского, в которой житийная литература рассматривается как исторический источник [Ключевский, 1871]. Благодаря этому начинает формироваться представление о церковной истории как науке, а, следовательно, представление о необходимости использования научных методов, основанных на выявлении причинно-следственных связей, которые сопутствуют событиям и явлениям истории. Кроме того, светские историки в этот момент обращаются к архивным материалам, что, безусловно, сказывается на качестве проводимых ими исследований.

Собранный и осмысленный к этому моменту материал позволил расширить проблемное поле церковной истории, включив в него ранее не рассматриваемые вопросы (например, связанные с церковным расколом в работах А. П. Шапова [Шапов, 1859]). Во второй половине XIX века наметилась тенденция по интеграции истории Русской Церкви в гражданскую российскую историю, что дало возможность целостного восприятия обеих. В этой связи особую ценность представляет работа Е. Е. Голубинского «История русской церкви» [Голубинский, 1901], который предложил концептуально новый ракурс рассмотрения РПЦ. В труде историка Православная Церковь представлена в динамике и развитии. Она предстает как система, которая носит деятельный (а не застывший) характер. Благодаря этому исследованию была продемонстрирована взаимосвязь таких понятий, как «Церковь», «история», «общество».

Еще одним фактором формирования церковной истории как научной дисциплины стали особые взаимоотношения РПЦ с государством в начале XX века и разразившийся кризис образования в семинарах и духовных академиях. Кризис приводит к тому, что исследования церковной истории начинают проводить светские ученые, которые рассматривают широкий круг проблем в рамках религиоведения – светской дисциплины. Первым, кто предпринял попытку провести грань между двумя видами истории – церковной и светской, – был В. О. Ключевский. Он задался вопросом о том, «как светский историк будет осмысливать материал, связанный с влиянием православия на русскую жизнь, основы психологии и мировоззрения народа и при этом не заходить в область церковной истории, не пересекаться с ней; в какой мере светский историк будет обращаться к церковному за фактом, методологией, выводами» [цит. по: Бычков, 2010, с. 192]. Историк приходит к выводу, что, безусловно, для России значима взаимосвязь

государства, общества и РПЦ, однако для церковной истории государство предстает лишь одним из факторов, влияющих на церковную жизнь.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о параллельном развитии отечественной гражданской и церковной истории во второй половине XIX века. Научные приемы, используемые светскими историками, начинают активно применяться и историками, пишущими об истории РПЦ (как светскими, так и клерикальными), что приводит к смене методологических подходов при ее изложении (выявляются причинно-следственные связи, используется сравнительный метод, демонстрируется взаимосвязь гражданской и церковной истории). На финальный этап XIX века приходится окончательное становление церковно-исторической школы в гуманитаристике, поэтому появляется ряд работ обобщающего характера («Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX в.» А. П. Лебедева¹, «Краткий историко-критический очерк систематической обработки церковной истории» А. В. Карташева [Карташев, 1903]).

1. Развитие церковной археологии

Одним из источников формирования церковной истории стала получившая в тот период развитие церковная археология. «Под «церковной археологией» (введение этого термина относят к 1829 года и связывают с иеромонахом Иродионом (Вертинским)² подразумевалась, прежде всего, область научного знания, в которой рассматривались историко-культурные и духовные ценности народов, исповедующих православие «Но при этом следует иметь ввиду исключительно их материализованное воплощение. При таком подходе эти группы объектов полностью вливаются в общее русло археологической науки как одно из ее достаточно существенных направлений»³. В первой трети XIX века был организован ряд археологических экспедиций, в которых был собран богатый материал, куда входили зарисовки и описания памятников древнерусской художественной культуры. К этому

¹Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX в. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Lebedev/tserkovnaja-istoriografija-v-ee-glavnyh-predstaviteljah-s-iv-go-veka-do-xx-go/ (дата обращения: 25.10.2024).

²Стародубцев О. В. Русской церковное искусство в IX–XVII вв. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1729429332&tld=ru&lang=ru&name=starodubcev-o.v.-russkoe-cerkovnoe-iskusstvo-v-ix-xvii-vv.-uchebnoe-posobie-dlya-duhovnoy-seminarii.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

³Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX в. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Lebedev/tserkovnaja-istoriografija-v-ee-glavnyh-predstaviteljah-s-iv-go-veka-do-xx-go/ (дата обращения: 25.10.2025).

времени относится и первые попытки систематизации материала, в частности, одного из создателей Императорского Географического общества П. И. Кеппена, издавшего в 1822 году «Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии». Он отмечает, что «сообщаю здѣсь только списокъ тому, что успѣлъ я собрать въ от ношеніи къ древностямъ собственно Славяно-Русскимъ. Памятники сіи не всѣ одинаковой важности; большая часть оныхъ однако показала мнѣ заслуживающею вниманіе въ отношеніи къ Исторіи художествъ и отечественной Палеографіи» [Кеппен, 1822, с. 7].

Собранный в ходе археологических изысканий материал позволил по-новому взглянуть на происходившие в истории православной церкви процессы (так, обнаружение могильников X–XII веков дало возможность иначе взглянуть на христианизацию Руси). С 1840-х годов в России началась практика документирования памятников древнерусской культуры, которая включала обмеры храмовых построек, собирание предметов декоративно-прикладного характера, в том числе и церковной утвари. В связи с этим важным виделось «изучение на массовом материале памятников прикладного искусства, связанных с христианской археологией и бытием. Нахождение подобных предметов не в музейных собраниях или среди храмовых даров, а в ходе археологических раскопок, ставит вопрос и об их археологическом контексте»⁴. В ходе проведенной работы было собрано большое число артефактов, благодаря которым можно было познакомиться с памятниками культуры Древней Руси.

Одна из главных проблем, которая препятствовала развитию церковной археологии в момент ее возникновения, была обусловлена односторонним представлением об историческом памятнике как о феномене. На фоне этой односторонности требовалось соблюдение баланса: с одной стороны, не уподобиться старьевщику, относящему любой найденный предмет к археологической редкости; с другой стороны, применение корректного метода изучения обнаруженного артефакта. Однако дальнейшее развитие церковной археологии, возможность систематизации собранного фактологического материала и последовавшая конституализация, позволили к концу XIX века преодолеть узость подходов первых этапов изысканий. С 1851 года Русское Археологическое общество, учрежденное за 5 лет до этого, сосредоточило внимание на

⁴Стародубцев О. В. Русской церковное искусство в IX–XVII вв. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1729429332&tld=ru&lang=ru&name=starodubcev-o.v.-russkoe-cerkovnoe-iskusstvo-v-ix-xvii-vv.-uchebnoe-posobie-dlya-duhovnoy-seminarii.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

изысканиях, посвященных отечественной истории и культуре.

Кульминацией в развитии церковной археологии следует считать рубеж XIX–XX веков, на который приходится деятельность выступавшего за создание церковно-археологических музеев, литургиста и археолога И. Д. Мансветова, возглавлявшего кафедру церковной археологии в Казанской духовной академии Н. Ф. Красносельцева, заведовавшего Церковно-археологическим музеем в Московской духовной академии А. П. Голубцова. Начиная с 1911 года, по распоряжению Синода, в учебные программы духовных академий была включена дисциплина «Церковная археология». Специалист по древнерусскому искусству В. Т. Георгиевский, выступая на Всероссийском съезде художников, высказал предложение об обязательном введении в семинариях предмета «Церковное искусство». Инициатива ученого была поддержана, и несколько специалистов в этой области приступили к созданию учебно-методической литературы по этой дисциплине. Однако наступившая Октябрьская революция прервала эту работу.

На развитии церковной археологии негативно сказалась и начавшаяся в 1920-е годы антирелигиозная пропаганда, хотя «основная тематика продолжала разрабатываться археологами, достигшими весьма важных результатов (исследования Б. А. Рыбакова, В. Л. Янина, А. В. Чернецова)»¹. В связи с раскопками и изучением монументального зодчества сложилась в советский период архитектурная археология, близко примыкавшая к проблематике церковной архитектуры. В послевоенное время (конец 1940–1960-е годы) повсеместно проводились реставрационные работы, требовавшие комплекса знаний о древнерусской культуре, что, безусловно, опосредованно способствовало развитию и церковной археологии. В конце 1980-х годов, когда многие храмы были переданы РПЦ, церковная археология как одно из направлений отечественной гуманитаристики вновь переживает значительный взлет.

Таким образом, благодаря церковной археологии стало возможным проследить динамику различных культурных явлений. Кроме того, начинает осознаваться полифункциональность церковного искусства и утвари, которые имеют отношение как к литургической практике, так и художественной культуре.

¹Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX в. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Lebedev/tserkovnaja-istoriografija-v-ee-glavnyh-predstaviteljah-s-iv-veka-do-xx-go/ (дата обращения: 25.10.2025).

2. Попытка выработки национального художественного стиля

В качестве еще одной причины интереса к церковному искусству на рубеже XIX–XX веков следует назвать и поиск национального художественного стиля. Он неизменно связан как с развитием русской археологии, так и со становлением модерна. Одна из решающих характеристик модерна – это ориентация на национальные традиции. О возрождении древнерусского стиля задумывалась не только художественная интеллигенция, но и государственные деятели. «Так, в 1838 году в Академии художеств был озвучен указ императора Николая I, предписывающий возводить православные храмы в соответствии с поздневизантийскими образцами, ориентируясь на чертежи К. Тона. Архитектор создал альбом типовых проектов православных пятикупольных храмов, где он нашел возможность гармонично соединить особенности древнерусского зодчества XVII века с византийской традицией (возведенный К. Тоном храм Христа Спасителя выступал наглядным примером проводимой им теоретической работы)» [Синявина, 2024, с. 50]. Следствием этого процесса становится и возникновение художественной археологии, формирование которой связано с деятельностью Ф. Г. Солнцева и составлением им «Древностей Российского государства». Он работал над этим собранием более 20 лет, объездив множество старинных городов Российской империи и сделав более пяти тысяч акварельных зарисовок памятников древнерусского искусства. «Благодаря этим цветным литографиям сегодня мы можем составить представление о многих, не дошедших до нашего времени памятниках, вещах декоративно-прикладного характера, поскольку предметом его интереса становились и оружие, и конская упряжь, и костюмы разных регионов, и церковная утварь, и храмы» [Синявина, 2024, с. 51].

Одним из тех, кто заложил основы изучения церковного искусства, был Ф. И. Буслаев, благодаря работам которого впервые было продемонстрировано своеобразие древнерусской иконописи. Используя сравнительно-исторический метод, он установил стилистическую взаимосвязь между образами иконописи и древнерусской литературы, относящимися к одной эпохе. В своих работах² Ф. И. Буслаев рассматривает церковное искусство как неотъемлемый компонент литургического

²Буслаев Ф. И. Общие понятия о русской иконописи. 1866. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Buslaev/obshhie-ponjatija-o-russkoj-ikonopisi/ (дата обращения: 20.09.2025); Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской словесности и искусства. 1861. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Buslaev/istoricheskie-ocherki-russkoj-narodnoj-slovesnosti-i-iskusstva-tom-1/ (дата обращения: 20.09.2025).

действия и, опираясь на это представление, разрабатывает иконографический метод его изучения. Однако оценка им древнерусской иконописи носила двойственный характер. Исследователь, испытывавший воздействие идеалов античной эстетики, считал, что художественная сторона иконописного образа подчинена религиозным догматам. Несмотря на это, заслуга Ф. И. Буслаева в основании научного подхода к изучению церковного искусства бесспорна, так же, как и создание научной школы, поскольку его учениками и последователями являются ведущие исследователи византийского и древнерусского искусства (Н. П. Кондаков, Н. В. Покровский, В. Т. Георгиевский и др.).

Начало XX века отмечено поиском национальной идентичности, что «связано с бытованием в культурном пространстве многовариантных художественных практик и ориентиров (начиная от первобытной культуры Африки до экзотической Полинезии). Мастера понимали, что для отражения современного состояния мира и общества необходим новый художественный язык, поэтому национальное культурное наследие рассматривается ими как основание для его выработки» [Синявина, 2024, с. 51]. Этот период характеризуется интенсивным изучением древнерусского церковного искусства, результаты и выводы изысканий публиковались как в журналах (например, в «Хронологических древностях», редактированием которых занимался А. В. Прахов), так и в монументальных монографиях (М. Красовский, В. Никольский). Одной из значимых была «История русского искусства» под редакцией И. Грабаря, где впервые дан искусствоведческий анализ церковной культуры, рассматривавшейся через призму историко-культурного контекста эпохи. Безусловно, для исследования русского церковного искусства значимыми оказались исследования, посвященные художественной культуре Византии. Так, по инициативе А. В. Прахова, Н. П. Кондакова и Ф. И. Успенского в 1895 году в Константинополе был открыт Русский археологический институт, перед которым ставилась задача по изучению древностей восточных территорий, входивших в состав Византийской империи. Безусловно, учреждение Института сыграло важную роль в развитии как византологии, так и истории русского искусства [Кондаков, 1886], где особое внимание уделено процессу усвоения отечественными мастерами византийской традиции и ее дальнейшему осмыслению в рамках культуры Древней Руси.

Сложность изучения церковного искусства, как в минувший период времени, так и сегодня, связана с тем, что в нем соединены видимая (материальная) и невидимая (духовно-религиозная)

стороны. Безусловно, церковное искусство находится в тесной взаимосвязи с искусством светским, они генетически родственны (в частности, точно так же, как и в мирском искусстве, в иконописи содержание подсказывает форму). Однако в отличие от искусства светского, которому присущи чувственно-эстетические начала, церковное искусство помимо эстетических задач, внешней красоты аккумулирует религиозно-молитвенный опыт. Каждое произведение церковного искусства создается не по инициативе художника или мастера, передает не его личную трактовку религиозных догматов, а совокупный духовный опыт религиозных деятелей предшествующих периодов, запечатленный в каноне.

Таким образом, научная литература дореволюционного времени, посвященная русскому церковному искусству, характеризуется всесторонностью его рассмотрения. Церковное искусство представлено в контексте церковной истории и литургической практики. Но поскольку научное знание о православном искусстве находилось в начале XX века лишь в стадии становления, к этому времени еще не были известны многие памятники древнерусской культуры (активные археологические изыскания начнутся все-таки только в послереволюционное время), иногда в работах этого времени можно обнаружить разного рода неточности и некоторую фрагментарность. Однако, несмотря на указанные недостатки этих исследований, без них дальнейшее изучение церковного искусства было бы невозможно.

Особого внимания заслуживает прикладное церковное искусство. В отличие от православного изобразительного искусства оно оставалось без изменений в течение столетий. Если фрески и иконы часто сопровождалась посторонними наслоениями, подвергались трансформации в результате перестройки храма, церковное ювелирное искусство становилось предметом собирательства уже в пространстве культуры Древней Руси. Сначала это были ризницы и сокровищницы в царских дворцах, где эти предметы включали в описи, которые впоследствии выступили источником информации о развитии церковного ювелирного искусства.

Лишь на рубеже XIX–XX веков для изучения предметов декоративно-прикладного характера начинают применять сравнительно-исторический метод, благодаря которому становится возможным их помещению в контекст эпохи и отечественной истории искусства. До этого применялся историко-археологический метод¹, не позволявший изучению памятников церковного

¹Макарий, архим. (Миролубов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. 1860.

ювелирного искусства выделиться в самостоятельное научное направление. Примерно в это же время практикуется и другой подход к систематизации накопленных знаний о декоративном искусстве православной церкви, который обнаруживается в работах И. Е. Забелина (в 1853 году вышли две его работы «Историческое обозрение финифтяного дела в России» и «О металлическом производстве в России до конца XVII века», где типологизация проводится по технике изготовления). Но всё-таки большая часть исследований, посвященных церковному декоративному искусству, вплоть до XX века базировалась на историко-археологическом подходе.

Заключение

Становлению отечественной истории как самостоятельной научной дисциплины на рубеже XIX–XX веков способствовало осознание необходимости систематизации национального исторического наследия. Ряд крупнейших отечественных историков (в частности, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев) избирают иную методологию рассмотрения истории: если в предшествующий период основным способом изучения было хронологическое изложение событий, то в начале XX века наблюдается переход к концептуальному анализу культурных и социальных процессов, в том числе и к выявлению роли РПЦ в формировании русской государственности. История РПЦ, ранее воспринимавшаяся как вспомогательная ветвь церковной традиции, обрела статус автономной дисциплины благодаря работам таких специалистов, как Н. И. Костомаров и Е. Е. Голубинский. Они подчеркивали влияние РПЦ на этногенез и культурное единство народа. Приобретение историей РПЦ нового статуса позволило интегрировать церковное искусство в более широкий контекст национальной идентичности. Церковное искусство стало трактоваться не только как комплекс религиозных артефактов, но и совокупность феноменов, отражающих живую преемственность между различными фазами отечественной истории.

Становление церковной археологии и отечественного искусствознания было обусловлено несколькими ключевыми факторами, среди которых, с одной стороны, можно выделить воздействие подходов европейских специалистов, с другой

стороны, процессы, связанные с трансформацией представлений о древнерусском искусстве среди отечественных исследователей. Проводимые с 1859 году по инициативе Императорской археологической комиссии раскопки, способствовали систематизации материалов по изучению древнерусских храмов и их убранства. В результате этой работы (в частности, в трудах Д. В. Айналова и Н. П. Кондакова) сложились подходы, в которых были соединены филология, иконография и стилистический анализ, благодаря чему появилась основа формирования церковной археологии как междисциплинарной области. Дальнейшая эволюция отечественного искусствознания была связана с влиянием философских идей В. С. Соловьева, в работах которого подчеркивалась духовная сущность искусства. Кроме того, для развития искусствоведческих подходов к оценке древнерусского церковного искусства важную роль сыграли реставрационные работы в Москве, Новгороде и Киеве. Комплекс указанных факторов не только обогатил методологию, но и стимулировал интерес к древнерусскому наследию как к источнику национального возрождения.

Поиск национального стиля и интерес к древнерусскому искусству в начале XX века находились в тесной взаимосвязи, а данная тенденция в целом раскрывает динамику культурного ренессанса рубежной эпохи. Многие крупнейшие живописцы этого периода (в частности, В. М. Васнецов, М. А. Врубель, К. С. Петров-Водкин) обращались в своих работах к византийским и древнерусским мотивам, стремясь синтезировать их с современными формами, благодаря чему и родился «русский стиль». Актуализация церковного искусства в начале XX века является одной из тенденций в более широком процессе, который наметился в русской художественной культуре этого периода. Церковное искусство фактически являлось моделью аутентичности, противопоставляемой западным влияниям. Интерес к церковному искусству поддерживался выставками и публикациями (например, труды «Старого года») Они подчеркивали роль иконописи в формировании коллективного сознания. Таким образом, этот интерес к церковному древнерусскому искусству не был изолированным, а интегрировался в гуманитарное знание, способствовал консолидации национальной культуры.

Список источников

1. Синявина Н. В. История как предмет рефлексии русского общества первой трети XIX века // Культура и образование. 2017. № 2 (25). С. 31–38.

2. Ключевский В. Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. М.: Издательство К. Солдатенкова, 1871.
3. Шапов А. П. Русский раскол старообрядчества. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1859.
4. Голубинский Е. История русской церкви. М.: Университетская типография, 1901.
5. Бычков С. П. О термине и значении предмета русской церковной историографии // Вестник Омского университета. 2010. № 2. С. 188–193.
6. Карташев А. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // Христианское чтение. 1903. № 7. С. 91–92.
7. Кеппен П. И. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппеном. М.: Типография С. Селивановского, 1822.
8. Синявина Н. В. Творчество А. В. Щусева в контексте эколого-культурного подхода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 1 (117). С. 48–54.
9. Кондаков Н. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса: Типография А. Шульце, 1886.

Reference

1. Sinyavina, N. V. (2017). History as a Subject of Reflection of Russian Society in the First Third of the 19th Century. Culture and Education, 2(25), 31–38. (In Russ.)
2. Klyuchevsky, V. (1871). Drevnerusskiya zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik [Old Russian Lives of the Saints as a Historical Source]. Moscow: K. Soldatenkov Publishing House. (In Russ.)
3. Shchapov, A. P. (1859). Russkii raskol staroobryadchestva [Russian Schism of the Old Believers]. Kazan: Publishing House of Ivan Dubrovin]. (In Russ.)
4. Golubinsky, E. (1901). Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow: University Printing House. (In Russ.)
5. Bychkov, S. P. (2010). On the Term and Meaning of the Subject of Russian Church Historiography. Bulletin of Omsk University, 2, 188–193. (In Russ.)
6. Kartashev, A. (1903). Brief historical and critical essay on the systematic processing of Russian church history. Christian reading. Part I, 7, 91–92. (In Russ.)
7. Keppen, P. I. (1882). Spisok russkim pamyatnikam, sluzhashchim k sostavleniyu istorii khudozhestv i otechestvennoy paleografii, sobrannym i ob"yasennym Petrom Keppenom [The List of Russian monuments serving to compile the history of art and domestic paleography, collected and explained by Peter Keppen]. Moscow: S. Selivanovsky Printing House. (In Russ.)
8. Sinyavina, N. V. (2024). The work of A.V. Shchusev in the context of the ecological-cultural approach. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts, 1(117), 48–54. (In Russ.)
9. Kondakov, N. (1886). Vizantiiskie tserkvi i pamyatniki Konstantinopolya [Byzantine churches and monuments of Constantinople]. Odessa: A. Schulze Printing House. (In Russ.)

Информация об авторе

Нимчук Виталий Васильевич

аспирант Московского государственного института культуры

заместитель генерального директора ООО «АГАТ»

Information about the author

Nimchuk Vitaly Vasilyevich

PhD Student at Moscow State Institute of Culture

Deputy General Director of ООО "AGAT"

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

16.12.2025
25.01.2026
13.02.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 3 (909)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 3 (909)**

Ответственный за выпуск

Н. Н. Германова
доктор филологических наук, доцент

Executive editor

Natalia N. Guermanova
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Редактор В. А. Геронимус

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. В. Алымов

Editor Vasilij A. Geronimus

Layout: A. В. Алымов

Layout design: Andrew V. Alymov

Подписано в печать 26.03.2026

Усл. печ. л. 20

Формат 60x90/8

Заказ № 23/26

Signed for print: 26.03.2026

Conventional printed sheets: 20

Layout format 60x90/8

Order 23/26

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2026

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

© FSBEI HE MSLU, 2026

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».